

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЗАКОННОСТИ

5

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Дроб. РД

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

ВЫПУСК
5

Республиканский
межведомственный
научный сборник

Основан в 1976 г.

код экземпляра

302387

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»

1980

ОТДЕЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Проблемы социалистической законности, вып. 5.— Респ. межвед. науч. сборник.— Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1980.—144 с.

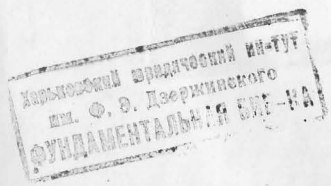
В сборник включены статьи, являющиеся результатом изучения различных аспектов правового регулирования общественных отношений, актуальных проблем дальнейшего укрепления социалистической законности в сфере деятельности правоохранительных органов. Исследование названных и других проблем, охватываемых тематикой статей сборника, вытекает из положений Конституции СССР и конституций союзных республик.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: *В. Я. Тацкий* (отв. ред.), *М. И. Бару* (зам. отв. ред.), *Ю. М. Грошевой* (отв. секр.), *М. И. Бажанов*, *Л. Я. Неско*, *А. А. Пушкин*, *И. Е. Середя*, *Н. Н. Страхов*, *В. В. Штерн*.

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы

А. И. Рогожин, д-р юрид. наук, В. Д. Гончаренко,
канд. юрид. наук

IV ВСЕУКРАИНСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

С принятием Конституции СССР 1977 г., конституций союзных и автономных республик начался новый этап в организации и деятельности всех звеньев представительных органов государственной власти, прежде всего центрального их звена — Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик. Глубокого смысла полны слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева о том, что Конституция СССР «открывает перед Верховным Советом еще большие возможности для улучшения его деятельности» [4, с. 435]. Действительно, за последнее время на сессиях Верховных Советов СССР и союзных республик, заседаниях их Президиумов решены крупные, принципиально важные вопросы внутренней и международной жизни. Такая практика деятельности верховных органов государственной власти наметилась еще в первые годы Советской власти. В связи с этим немалый интерес представляет исторический опыт организации и деятельности верховных конституционных демократических представительных органов государственной власти в нашей стране в целом, в отдельных братских союзных республиках в частности.

В истории социалистического строительства на Украине важной вехой был IV Всеукраинский съезд Советов — верховный орган государственной власти республики, проходивший 16—20 мая 1920 г. Он явился выдающимся событием в жизни Украинской ССР и стал важным этапом в законодательном оформлении государственного союза между братскими советскими социалистическими республиками — РСФСР и УССР, способствовал укреплению дружбы и сотрудничества между русским и украинским народами. Съезд сыграл огромную роль в мобилизации сил социалистического государства Украины на борьбу с внутренней контрреволюцией и иностранными империалистами, прежде всего с белопольскими интервентами.

Созыву съезда предшествовала большая подготовительная работа. 25 февраля 1920 г. Президиум Всеукраинского ЦИК

принял постановление «О назначении повсеместных выборов в Советы и о порядке избрания на IV Всеукраинский съезд Советов» [см. 7, № 1, ст. 8]. Президиум ВУЦИК предлагал начать немедленную подготовку к выборам местных Советов с тем, чтобы завершить их созывом очередного IV Всеукраинского съезда Советов.

Делая этот важный шаг в области государственного строительства, Президиум ВУЦИК руководствовался решениями VIII Всероссийской конференции РКП(б). Коммунистическая партия не могла долго мириться с вызванными военной обстановкой некоторым сужением и ограничением советской демократии, которые имели место в условиях борьбы с деникинщиной, и повела решительную борьбу за восстановление и расширение демократических принципов социалистического строительства. Здесь нельзя не вспомнить слова Л. И. Брежнева, сказанные им на XXV съезде КПСС: «Теперь мы уже не только из теории, но и из многолетней практики знаем: как подлинная демократия невозможна без социализма, так и социализм невозможен без постоянного развития демократии» [2, с. 85].

В работе по расширению демократии в советском строительстве начала 1920 г. Компартия Украины и Украинское Советское государство всесторонне использовали опыт РСФСР, в обобщенной форме закрепленный в постановлении VII Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве», разработанном и принятом на базе директив VIII съезда Коммунистической партии и VIII Всероссийской конференции РКП(б), которые определили пути совершенствования государственного аппарата.

Готовясь к выборам Советов и делегатов на IV Всеукраинский съезд Советов, ревкомы и весь государственный аппарат УССР под руководством Компартии Украины развернули большую политико-воспитательную работу. Повсеместно проводились конференции беспартийных трудящихся, съезды профсоюзов, конференции комсомола и трудящихся женщин. Организовывались митинги и предвыборные собрания избирателей, читались для них лекции.

Для организации и проведения IV Всеукраинского съезда Советов Президиум ВУЦИК в начале марта 1920 г. создал специальную организационную комиссию и утвердил программу ее деятельности [см. 9, ф. 1, оп. 1, д. 41, л. д. 11]. В ходе подготовки к IV съезду Советов УССР для его делегатов было организовано специальное информационно-справочное бюро из представителей всех Народных Комиссариатов УССР. Все делегаты обеспечивались бюллетенями и другими материалами съезда, а также партийной, справочной, агитационной и другой литературой [см. 9, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. д. 16—16 об.]. С целью глубокого и всестороннего ознакомления делегатов съезда с состоянием дел в различных областях государственной

жизни республики ряд Народных Комиссариатов УССР опубликовал отчеты о своей деятельности¹.

Подготовка и работа IV Всеукраинского съезда Советов проходили под руководством Коммунистической партии и ее боевого отряда — Компартии Украины. Так, IV съезд Советов УССР руководствовался решениями 4 конференции Компартии Украины (17—23 марта 1920 г.), проходившей на правах съезда КП(б)У. Конференция, в частности, отметила, что установление на Украине Советской власти и приближение выборов на IV Всеукраинский съезд Советов предопределили углубление государственных отношений Украины с Советской Россией. Всякие попытки разорвать или ослабить государственные связи УССР с РСФСР партийная конференция квалифицировала как контрреволюционные действия, направленные против власти рабочих и крестьян [см. 3, с. 70]. Указания 4 конференции Компартии Украины легли в основу решения IV Всеукраинского съезда Советов о государственных отношениях между Украинской ССР и РСФСР.

Большое внимание подготовке и руководству работой IV Всеукраинского съезда Советов уделяло Политбюро ЦК КП(б)У. Так, на заседании Политбюро 15 апреля 1920 г. был рассмотрен вопрос о выборах делегатов IV съезда Советов УССР от Волынской губернии [см. 8, ф. 1, оп. 145а, д. 4а, л. д. 4]. 30 апреля Политбюро ЦК КП(б)У заслушало сообщение Председателя ВУЦИК Г. И. Петровского о подготовке IV Всеукраинского съезда Советов и признало целесообразным такую повестку дня: 1) доклад ЦИК и СНК УССР; 2) государственные отношения с РСФСР; 3) земельный вопрос; 4) продовольственный вопрос; 5) хозяйственное строительство; 6) доклад о III Интернационале; 7) советское строительство; 8) просвещение; 9) выборы [см. 8, ф. 1, оп. 145а, д. 4а, л. д. 13]. Признание руководящим партийным органом необходимости вынесения на решение Всеукраинского съезда Советов широкого комплекса важнейших проблем социалистического строительства — еще одно свидетельство заботы Коммунистической партии о развитии всеобъемлющей компетенции верховного органа власти республики. Включение же в повестку дня съезда отчетов ВУЦИК и Совнаркома УССР показывало реальность и конкретность осуществления конституционной контрольной функции верховного представительного органа власти, той функции представительных органов Советской власти, которая в современный период находит свое самое широкое развитие. Как подчеркивал

¹ Отчёт Народного Комиссариата юстиции IV Всеукраинскому съезду Советов о деятельности Народного Комиссариата юстиции. Харьков, 1920; Отчет Народного Комиссариата социального обеспечения УССР за 1920 год. Харьков, 1920; Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата земледелия Украины на 1-е мая 1920 года (к IV Всеукраинскому съезду Советов). Харьков, 1920.

Д. И. Брежнев, обсуждение отчетов Совета Министров на заседании Президиума Верховного Совета СССР «является логическим продолжением усилий, направленных на развитие и совершенствование контрольных функций верховного органа власти, как это требуют положения новой Конституции» [6].

Непосредственно работой IV Всеукраинского съезда Советов руководила коммунистическая фракция, включавшая в свой состав всех делегатов-большевиков съезда Советов Украины. Прежде всего именно через коммунистическую фракцию большевистская партия руководила деятельностью Всеукраинского съезда Советов, как это вытекало из решений VIII съезда РКП(б), определившего основы взаимоотношений между партийными и государственными органами.

16 мая 1920 г. в Харькове в торжественной обстановке начал свою работу IV Всеукраинский съезд Советов. Таким образом, был завершён в масштабе всей республики переход от временных органов власти — ревкомов — к постоянным — Советам.

В работе съезда приняли участие 811 делегатов с правом решающего голоса. Среди них: рабочих — 327, крестьян — 103, представителей интеллигенции — 157, представителей Красной Армии — 214, учащихся — 10; коммунистов — 710, сочувствовавших им — 28, левых эсеров — 30, беспартийных — 42 [см. 5, с. 157]. На съезде также присутствовали 112 делегатов с правом совещательного голоса [см. 9, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. д. 1а]. Таким образом, к управлению Украинским Советским государством, как и раньше, были привлечены широкие трудящиеся массы. Это было важной победой пролетарской демократии. Избрание же на IV Всеукраинский съезд Советов в качестве делегатов большей частью членов большевистской партии еще раз показало полное одобрение трудящимися Украины политики Коммунистической партии.

Съезд Советов Украины открыл Председатель ВУЦИК Г. И. Петровский, который приветствовал делегатов от имени ВУЦИК и СНК УССР. Выражая глубокую любовь и уважение к вождю и учителю международного пролетариата, основателю Коммунистической партии, создателю и руководителю первого в мире социалистического государства В. И. Ленину, делегаты IV Всеукраинского съезда Советов, как это было и на других Всеукраинских съездах Советов, избрали Владимира Ильича почетным председателем съезда. Почетным членом Президиума съезда был избран присутствовавший на IV Всеукраинском съезде Советов представитель Всероссийского ЦИК Председатель ВЧК и Народный Комиссар внутренних дел РСФСР Ф. Э. Дзержинский, который выступил на съезде с приветствием от ЦИК РСФСР. Ф. Э. Дзержинский, в частности, отметил братскую дружбу русского и украинского народов, которая особенно возросла во время борьбы с царизмом и в период гражданской войны [см. 5, с. 17].

В связи с военной обстановкой, вызванной вероломным нападением на нашу страну белопольских интервентов, по предложению большевистской фракции IV Всеукраинского съезда Советов была несколько сокращена намеченная ранее повестка дня верховного органа власти Украины. Съезд сосредоточил свое внимание прежде всего на проблемах, которые непосредственно касались организации победы над иностранными интервентами. Были рассмотрены такие вопросы: 1) доклад правительства и содоклады: о взаимоотношениях между РСФСР и УССР, о продовольственном вопросе, о просвещении; 2) война со шляхетской Польшей; 3) выборы. Другие вопросы повестки дня съезда были рассмотрены сразу же после его окончания ВУЦИКом. Так, по поручению IV Всеукраинского съезда Советов ВУЦИК принял постановления о Всеукраинском съезде Советов, Всеукраинском ЦИК, Президиуме ВУЦИК, о губернских, уездных, волостных съездах Советов, положения о местных Советах и их исполкомах и т. д. Эти важнейшие правовые акты были направлены на всемерное развитие советской демократии [см. 7, № 11, ст. 209—217].

После всестороннего и глубокого обсуждения докладов, предусмотренных повесткой дня съезда, в последний день его работы были приняты важнейшие документы IV Всеукраинского съезда Советов. Съезд принял постановления «По докладу правительства», «По продовольственному вопросу», «Наказ Центральному Исполнительному Комитету и Совнаркому об усилении рабоче-крестьянской власти» и др. [см. 7, № 13, ст. 244, 247, 248]. В этих правовых актах были намечены конкретные мероприятия по быстрейшему восстановлению промышленности республики, улучшению продовольственного снабжения населения, организации стабильного землепользования и землеустройства, подъему народного просвещения. Съезд определил программу деятельности ВУЦИК и Совнаркома Украины, направленную на обеспечение обороноспособности страны, успешную борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией.

Огромное значение для укрепления нерушимой дружбы и братского сотрудничества между украинским и русским народами имела резолюция IV Всеукраинского съезда Советов «О государственных отношениях между УССР и РСФСР». Съезд, выражая волю трудового народа Украины, высказался за теснейшие всесторонние связи с РСФСР и осудил как контрреволюционные любые попытки разорвать или ослабить связи Украины с Советской Россией и другими советскими республиками. Съезд подтвердил соглашение между ЦИК УССР и ЦИК РСФСР об объединении ряда Народных Комиссариатов республик и поручил ВУЦИК и дальше вести политику теснейшего сближения их государственных органов. Съезд поручил Всеукраинскому ЦИК войти в переговоры с ЦИК

РСФСР по вопросу о представительстве Советской Украины в последнем [см. 7, № 13, ст. 246].

IV съезд Советов Украины обратился с манифестом к крестьянам, рабочим, воинам Красной Армии и всем трудящимся Украины, в котором дал объективную оценку создавшейся трудной обстановки и призвал трудящихся приумножить свои усилия для разгрома внутренней и внешней контрреволюции [см. 7, № 13, ст. 242]. Съезд принял решение о том, чтобы все делегаты подписали манифест, а сам документ был издан на русском, украинском и польском языках [см. 5, с. 174]. Обращение верховного органа власти УССР к трудящимся республики с манифестом не случайно, ибо одним из главных источников силы молодого социалистического государства была неразрывная, неуклонно крепнущая связь с рабочим классом, с самой широкой массой трудящихся. «Всякий раз, когда перед Советской властью в необыкновенно трудном деле строительства социализма встают трудности,— говорил В. И. Ленин,— Советская власть знает только одно средство борьбы с ними: обращение к рабочим, каждый и каждый раз к более и более широким слоям рабочих» [1, с. 425].

Съезд принял постановление «О мобилизации членов IV Всеукраинского съезда Советов» для организации сил украинского народа на борьбу против иностранных захватчиков [см. 7, № 13, ст. 243].

Съезд Советов Украины, исходя из принципа пролетарского интернационализма, принял обращение к рабочим, крестьянам и солдатам Польши, в котором разоблачил грабительский характер агрессии польской шляхты против молодого Советского государства и призвал польских трудящихся повернуть оружие против их настоящих врагов — польских помещиков и капиталистов.

На заключительном заседании IV Всеукраинского съезда Советов был избран Всеукраинский ЦИК в составе 82 членов и 44 кандидатов. В состав ВУЦИК вошли такие видные партийные и государственные деятели, как Ф. А. Сергеев (Артем), С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, В. П. Затонский, С. В. Косиор, Д. З. Мануильский, Г. И. Петровский, В. М. Примаков, Н. А. Скрыпник, В. Я. Чубарь и др. Почетным членом ВУЦИК съезд избрал В. И. Ленина. В соответствии с постановлением «О государственных отношениях между УССР и РСФСР» съезд избрал 30 представителей от Украинской ССР в состав Всероссийского ЦИК [см. 5, с. 138—141].

23 мая 1920 г. состоялось первое после IV Всеукраинского съезда Советов заседание ВУЦИК. На нем был избран Президиум ВУЦИК, в состав которого вошли В. П. Затонский, Д. З. Мануильский, Г. И. Петровский и др. На этом же засе-

дании ВУЦИК был избран новый состав Совнаркома Украины, куда вошли Д. З. Мануильский, Н. А. Скрыпник, В. Я. Чубарь и др. [см. 9, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. д. 1].

Таким образом, созыв Всеукраинских съездов Советов, в частности IV Всеукраинского съезда Советов, в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции ярко продемонстрировал преимущества советской демократии перед демократией буржуазной. Во всех капиталистических странах война всегда сопровождалась свертыванием демократических свобод, нарушением или игнорированием конституции, усилением насилия над населением, террором, созданием военной каторги для рабочих. В Стране Советов преодоление любых трудностей всегда сопровождалось и сопровождается гигантским ростом активности масс, вовлечением новых слоев трудящихся в политическую деятельность. IV Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов — убедительнейшее доказательство этому.

Список литературы: 1. Ленин В И Полн. собр. соч., т. 37. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 3. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1918—1941. Киев, Политиздат Украины, 1976. 1062 с. 4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., Политиздат, 1978. 680 с. 5. Бюллетень IV Всеукраинского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Харьков, 1920. 163 с. 6. Правда, 1978, 25 февр. 7. СУ УССР, 1920. 8. ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. 9. ЦГАОР УССР.

В. А. Ч е ф р а н о в, канд. филос. наук

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ПРАВООТРАЖЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Одно из существенных проявлений относительной самостоятельности общественного сознания состоит в его способности отражать не только данный уровень общественного бытия, но и перспективу его движения.

Идея опережающего отражения в конечном счете основана на признании активного отношения сознания человека вообще к окружающей его действительности, такого отношения, которое проявляется в предварительном мыслительном построении действий и в идеальном предвосхищении их результатов. Примечательны в этом смысле известные образные рассуждения К. Маркса об архитекторе, который отличается от наилучшей пчелы тем, что «прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» [1, т. 23, с. 189], и что результат, который наступает в конце процесса труда, «уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» (там же). Но это означает, что способность человека охватывать своим сознанием результаты деятельности, которые в данный момент полностью еще не сформировались, связана с его умением ставить перед собой определенные цели и организовывать свою деятельность в направлении их достижения. Отметим,

что это умение и эта способность уходят своими корнями глубоко в живую природу. П. К. Анохин считает, что опережающее отражение является всеобщим свойством живой материи [см. 2] и связано с приспособительной деятельностью организмов, с его условнорефлекторной деятельностью, характеризующейся «предупредительностью» и «сигнализацией» будущих событий, происходящих во внешнем мире [см. 7, с. 100]. Своего наивысшего уровня опережающее отражение достигает в сознании человека, обладающего способностью к целеполагающей деятельности, имеющей в качестве своего основного мотива и своего смысла осуществление цели как мыслимого будущего, достигаемого, а не наличного состояния.

Способность идеально моделировать «будущее состояние» (потребное будущее) в сознании человека составляет суть его поведения, является основой «физиологии (и биологии и психологии) активности» [3, с. 162—163].

Положения об опережающем отражении имеют прямое отношение и к общественному сознанию, в том числе к такой его разновидности, как сознание правовое. Теоретическое и практическое значение проблемы опережающего отражения в правовом сознании состоит не только в том, что ее рассмотрение способствует более углубленному изучению механизма правомерного (или противоправного) поведения, но и дает возможность на более высоком методологическом уровне решать вопросы, связанные с прогнозированием в правовом сознании (праве). А это в свою очередь является условием дальнейшего совершенствования и развития всей правовой системы, а также правового воспитания трудящихся.

Опережающее отражение в правовом сознании представляет собой такую связь этого сознания с общественным бытием, в процессе которой происходит отражение не только данного состояния социального (правового) объекта, но и тенденций его развития с точки зрения перспектив правового регулирования общественных отношений.

Опережающее отражение в правовом сознании может рассматриваться как в общем плане более ускоренного по сравнению с системой общественных отношений развития правового сознания, так и в аспекте механизма проявления (функционирования) правового сознания. Первый аспект опережающего правоотражения, являющийся предметом нашей статьи, обусловлен такой внутренней, устойчивой, существенной, повторяющейся связью правового сознания с общественным бытием, при которой правовые идеи, взгляды и соответствующие им психологические формы могут возникать прежде, чем полностью сформируются те общественные отношения, которые выступают как непосредственный объект правового отражения. Опережение достигнутого уровня эмпирических отношений объективно обусловлено: оно является выражением потребности

общественного бытия в постоянном совершенствовании разнообразных (в данном случае правовых) средств своего саморегулирования, возникающей на базе реальных противоречий социальной действительности.

Степень детерминированности опережающего отражения материальными условиями жизни общества в рассматриваемом случае выражена более жестко по сравнению с иными видами социального отражения, такими, например, как искусство, философия, религия, мораль, которые в большей степени отдалены от экономического базиса. Предвидение в правовом сознании — не что иное, как познание и отражение настоящего, его диалектики. Поэтому само выражение «отражение будущего» означает здесь более глубокое познание настоящего в его тенденции (перспективе).

Всякое опережающее отражение связано, как уже отмечалось, с целеполагающей деятельностью человека. Для понимания опережающей способности правового сознания указанное обстоятельство имеет особо важное значение. Независимо от того, идет речь о конкретном механизме действия правовой нормы, в которой проектируется (моделируется как возможное) будущее поведение личности, подпадающее под правовые оценки, или о способности правового сознания в целом несколько обгонять данный уровень эмпирических общественных отношений, опережающее правовое отражение всегда связано с категорией цели. Как отмечает Д. А. Керимов, в цели права «непосредственно выражается опережающее отражение сознанием действительности, и в этом состоят творческие потенции права в преобразовании действительности» [5, с. 375]. Иначе говоря, цель в праве — это не только отражение и закрепление существующих общественных отношений, но и своеобразная форма «будущего в настоящем», прообраз (идеальное предопределение) того общественного состояния (результата), к которому сознательно стремится законодатель [см. 5, с. 377; 8]. Цель как идеальное предвосхищение результата, на достижение которого направляются действия, вообще характеризует все формы и виды управления. Но только в праве она приобретает «стандартную» обобщенность в виде мысленного образа поведения, зафиксированного в норме. Как мысленный образ, цель возникает раньше, чем ее воплощение в жизнь. К. Маркс указывал, что целью является идеальный внутренний образ подлежащих созданию предметов [см. 1, т. 12, с. 718], в цели они заранее намечаются человеком «в их еще субъективной форме» [1, т. 12, с. 718].

С целью правового сознания тесно связан такой его типичный признак, как долженствование. Отражая действительность не просто такой, какова она есть, а с точки зрения того, какой она должна быть, правовое сознание как бы намечает «перспективную схему» (модель) тех или иных общественных отно-

шений. Рассматривая поведение человека с позиций его прав и обязанностей, указывая на вероятные последствия в случае их несоблюдения, правовое сознание как бы создает образ не только самой деятельности, но и результата этой деятельности, подпадающей под правовые оценки, и тем как бы заведомо ориентирует (программирует) действия и поступки личности. Таким образом, в цели и долженствовании, фиксируемых правовым отражением, воплощается не только осознание погрешности и объективных возможностей ее удовлетворения, но и ориентация субъекта на активное использование этих возможностей для достижения желаемого результата, на уяснение тех потенций, которые заложены в правомерном поведении. В этом случае правовое сознание выполняет роль своеобразной социальной проекции: создавая образ-модель «потребного будущего», оно обращает внимание субъекта на перспективу.

Опережающие способности правового сознания проявляются во всех без исключения звеньях его структурной организации уже хотя бы потому, что цель и долженствование являются неотъемлемыми элементами не только правовых норм, но и правовой идеологии и психологии, теоретического и обыденного правового отражения, коллективных и индивидуальных правовых представлений. Однако, какой бы из элементов структуры правового сознания мы ни анализировали с точки зрения опережающего отражения, при этом мы должны исходить из той социологической посылки, что в принципе всякое опережающее отражение, его характер и масштабы связаны прежде всего с существованием прогрессивных классов общества, наделенных исторической перспективой.

Вместе с тем следует заметить, что в рамках одного и того же социального типа правового сознания способность опережающего отражения не в равной мере представлена в различных формах этого сознания. В литературе на этот счет высказывалось общее соображение о том, что «ненормативное» правовое сознание должно отражать экономические и иные общественные отношения еще задолго до того, как они примут нормативную форму, но отражать ту сторону, которая требует юридической регламентации [см. 9, с. 23]. Именно в этом смысле Ф. Энгельс говорил о том, что в каждом отдельном случае экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива [см. 1, т. 21, с. 312]. Этот заведомо выдвигаемый людьми мотив содержит в себе обоснование необходимости принятия той или иной правовой нормы и ее характера.

Думается, что пределы опережающего отражения, а также и его достоверность, зависят прежде всего от того, с какой степенью глубины (адекватности) осознаются закономерности развития общественных отношений и уясняется с этой точки зрения необходимость их правового регулирования. При таком

подходе к проблеме на первое место выдвигается научная форма правового отражения, обладающая наибольшими познавательными возможностями — особенно, если она исходит из позиций прогрессивных классов общества. Именно в этой области правового отражения в наибольшей степени проявляется прогностическая функция правового сознания. Разработка соответствующих научных взглядов во многих отношениях идет впереди действующего законодательства, она может опережать также и уровень развития правовой идеологии, психологии, не говоря уже об обыденных правовых взглядах и индивидуальном правосознании, не связанном с профессиональной правовой деятельностью.

Опережающая функция научно-правового сознания обусловлена его тенденцией к познанию новых, еще не известных сторон, связей и отношений, заложенных в правовом объекте. Научно-теоретические правовые воззрения, как система мысленных абстракций, могут идеально «перестраивать» существующие общественные отношения, создавать проекты новых форм правового регулирования, выдвигать рекомендации, связанные с направлением развития правового сознания в целом и правовой практики.

Открывая существенные стороны социального развития и фиксируя их в понятиях и их соединениях (суждениях, умозаключениях, законах, теориях, гипотезах), научно-правовое сознание может раскрывать закономерные связи действительности и, выделяя среди них такие, которые должны «освящаться» правовым сознанием, предвидеть дальнейшее движение явлений, т. е. может идеально их предвосхитить и предсказать. Способность к обобщениям, присущая теоретическому знанию, есть «гносеологический источник предвидения, гносеологическая предпосылка перехода отражательной функции сознания в преобразовательную» [4, с. 278].

Несмотря на обширные опережающие возможности, научно-правовое отражение вместе с тем определенным образом ограничено как общими гносеологическими законами развития всякого знания вообще, так и особенностями входящего в объект этого познания положительного права как некоей объективированной, существующей ввне догматической системы (реальности). Кроме того, масштабы опережающего отражения правовых теорий зависят также от их социально-классовой направленности. В этом смысле, как следует из ранее изложенного, преимущество всегда будет на стороне тех научных идей, которые связаны с деятельностью прогрессивных социальных сил. Что касается юриспруденции, отражающей позиции реакционных классов общества, то она, будучи «привязанной» к господствующей в обществе системе права, фактически лишается способности создавать такие научные понятия, которые могли бы достоверно отражать состояние и особенно направление правового развития. В этом

отношении следует учитывать рассуждение К. Маркса об услугах, оказываемых «угодливым классом юристов» господствующим социальным группам. Ссылаясь на исследование английского юриста Далримпла, К. Маркс писал: «...Каждый закон и каждый документ, касающийся собственности, толковались юристами в Англии во времена роста богатства буржуазии — в пользу *буржуазии*, а в Шотландии, где обогащалась аристократия, — в пользу *аристократии*, в обоих случаях — во враждебном *народу духе*» [1, т. 8, с. 527]. Как справедливо замечает Г. Ханай, «мышление, закостеневшее в своем стремлении оправдать общественные условия империализма, не может дать подлинного, научно обоснованного представления о должном» [11, с. 50].

Диаметрально противоположными как с точки зрения масштабов опережающего отражения, так и его достоверности являются научно-правовые идеи, разработанные основоположниками марксистской философии. Примером в этом отношении может служить принципиальное разрешение К. Марксом и Ф. Энгельсом целого ряда теоретических проблем государственной-политической и правовой организации будущего социалистического общества, характеристика конечных перспектив развития этой организации, заключающихся в ее отмирании и т. д., а также дальнейшее развитие этих проблем в произведениях В. И. Ленина, в партийно-политических документах КПСС и других марксистско-ленинских партий.

Достаточно высокими возможностями опережающего отражения обладает также правовая идеология, которая, подобно науке, стремится к познанию объективных связей и отношений общественного бытия, к раскрытию закономерностей правового объекта. Правовые идеи, будучи непосредственным отражением политического сознания, предшествуют созданию правовых норм и их практическому осуществлению. «Наличие идеи, — писал П. В. Копнин, — служит предпосылкой практики, правда, не единственной, но чрезвычайно важной, накладывающей свой отпечаток на специфичность практики, как истинно человеческой формы деятельности» [6, с. 90].

Правовые понятия собственно идеологического порядка могут предшествовать также и появлению соответствующих правовых теорий. Марксистско-ленинская правовая идеология как часть революционного мировоззрения пролетариата формируется задолго до того, как начинает развиваться разветвленная система специальных юридических наук. Выработывая мировоззрение пролетариата, К. Маркс и Ф. Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии» изложили целый ряд правовых идей, выражающих отношение революционных классов общества к буржуазному государству, праву, закону и т. п., которые нашли свое преломление в конкретных правовых науках лишь впоследствии.

Правовая психология как область социально-правовых переживаний также может опережать данный уровень развития общественных отношений. Даже в такой, казалось бы, непосредственной форме отражения, какой является человеческое восприятие, в скрытой форме происходит своеобразное моделирование деятельности как настоящей, так и будущей, а также моделирование будущих состояний объекта, преобразуемого человеком. Приведенное замечание следовало бы в первую очередь отнести к так называемым интеллектуальным переживаниям — чувствам, эмоциям, настроениям, т. е. к тем психологическим явлениям, которые связаны с теоретико-правовой (идеологически-правовой) деятельностью. Отражая чувство нового, любовь к познанию вообще, эти чувства помогают людям заглядывать в будущее, намечать контуры развития тех явлений, которые подвергаются правовому регулированию. Однако опережающее отражение в правовой психологии, совершающееся в чувственной форме, не затрагивает внутренних, глубоких связей, складывающихся в правовом объекте (которые под силу лишь рациональному мышлению), а ограничивается отражением ближайших этапов его развития, обусловленных необходимостью удовлетворения «непосредственно обозримых» правовых потребностей. Тем не менее в силу своей чрезвычайной подвижности правовая психология, по мнению некоторых авторов, может фиксировать потребности в изменении правовой регламентации определенных общественных отношений еще до того, как эта необходимость будет осознана идеологически (теоретически) [см. 9, 77]. Однако и в этом случае такое фиксирование носит менее четкий и определенный характер, если сравнивать его с абстрактно-понятийной формой отражения.

Определенные возможности опережающего отражения заложены в индивидуальных и коллективных правовых взглядах, а также в обыденном правовом сознании. Они присущи также правовым нормам. Однако подробно анализировать в данной статье все случаи опережающего правоотражения (как и его гносеологические и социальные предпосылки) мы не имеем возможности. Эти вопросы заслуживают дополнительного рассмотрения.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, 12, 21, 23, 28. 2. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности. — Вопросы философии, 1962, № 7, с. 69—80. 3. Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., Наука, 1973. 382 с. 4. Жилкович Л. Теория социального отражения. М., Прогресс, 1969. 454 с. 5. Керимов Д. А. Философские проблемы права, М., Мысль, 1972. 472 с. 6. Копнин П. В. Идея как форма мышления. Киев, Изд-во Киевск. ун-та, 1963. 106 с. 7. Ленинская теория отражения и современность. София, Наука и искусство, 1970. 725 с. 8. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., Юрид. лит., 1973. 343 с. 9. Потопейко А. Д. Правосознание как особое общественное явление. Киев, Наукова думка, 1970. 110 с. 10. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., Юрид. лит., 1963. 204 с. 11. Ханай Г. Социалистическое право и личность. М., Прогресс, 1971, 335 с.

О. М. Якуба, д-р юрид. наук, М. В. Куляш

ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

В Конституции СССР 1977 г. зафиксированы главные черты общественно-политического и экономического строя зрелого социалистического общества, принципы руководства народным хозяйством, экономические устои народовластия. На этой основе будет развиваться все текущее законодательство, в том числе и регулирующее отношения в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство — одна из важнейших отраслей советской социалистической системы народного хозяйства. От ее состояния и развития во многом зависит успешное решение задач коммунистического строительства. XXV съезд КПСС определил основную задачу сельского хозяйства, которая состоит в том, чтобы обеспечить дальнейший рост и большую устойчивость сельскохозяйственного производства, всемерное повышение эффективности земледелия и животноводства для более полного удовлетворения потребностей населения в продуктах питания и промышленности в сырье, создания необходимых государственных резервов сельскохозяйственной продукции. Съезд указал и пути осуществления этой задачи — внедрение достижений науки, техники и передового опыта, совершенствование форм организации и управления сельскохозяйственным производством, его дальнейшая специализация и концентрация на базе межхозяйственной кооперации, создание агропромышленных объединений и предприятий.

Эти идеи нашли свое отражение в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» [см. 6] и принятом в его развитие Положении о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 14 апреля 1977 г. [см. 5, 1977, № 13, ст. 80], а также в докладе Л. И. Брежнева на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Придавая большое значение повышению роли права, усилению его влияния в управлении социальными процессами развитого социалистического общества, КПСС и Советское государство принимают меры к дальнейшему совершенствованию законодательства во всех сферах общественной жизни. Это обуславливает необходимость глубокой научной разработки не только основ и принципов решений, но и механизма их принятия, характера правоприменительной деятельности, в процессе которой они реализуются. В интересах обеспечения нормальной деятельности государственного аппарата, правильного ведения отраслей народного хозяйства, в целях охраны интересов тру-

дящихся, их спокойствия и безопасности Советское государство устанавливает ряд общеобязательных правил, несоблюдение которых влечет применение правовых, в частности административно-правовых, санкций. Эти правила относятся к различным сторонам государственной жизни и устанавливаются соответствующими законами, указами, правительственными постановлениями и общеобязательными решениями местных Советов. Издание названных актов вызывается потребностью в особой регламентации отдельных отношений, возникающих в различных отраслях государственного управления.

Общеобязательные правила в народном хозяйстве представляют собой юридическую форму управленческой деятельности по организации правильного ведения работ в различных его отраслях, установления требований надлежащего использования, соблюдения правил техники безопасности, режима экономии и охраны объектов народного хозяйства, а в целом — обеспечения более эффективного его развития. Вместе с другими важными методами реализации народнохозяйственных планов неуклонное соблюдение общеобязательных правил со своей стороны содействует повышению качества общественного производства — одной из главных задач десятой пятилетки, поставленной XXV съездом КПСС.

Акты государственного управления в сфере народного хозяйства не содержат указаний на применение санкций в случае их неисполнения, что вытекает из организующего, положительного характера деятельности государственных и общественных органов, осуществляющих управление народным хозяйством. Общеобязательные правила — и в этом их главная особенность — включают такие санкции в виде мер административного взыскания, чаще всего штрафа. Наряду с административными взысканиями неисполнение общеобязательных правил влечет в соответствующих случаях меры административного предупреждения и пресечения, что позволяет говорить об административных санкциях в широком смысле слова.

Другая особенность общеобязательных правил — определение в самом законе тех органов государственной власти и управления, в компетенцию которых входит установление правил, влекущих в случае их неисполнения административную ответственность в виде штрафа [см. 3, 1961, № 35, ст. 368]. При этом законодатель особо ограничивает полномочия Советов народных депутатов и их исполнительных комитетов. Еще одной особенностью общеобязательных правил являются их профилактический характер, направленность на недопущение возможных вредных последствий. В этой связи административная ответственность может наступать за нарушение правил и в случаях, если реальных вредных последствий нарушения нет, за одну лишь возможность их наступления. В последнее время наблюдается дальнейшее усиление роли надзорных государственных

органов за соблюдением приведенных выше общеобязательных правил, в том числе и правил ведения сельского хозяйства. Так, недавно принято постановление Совета Министров «О мероприятиях по усилению государственного надзора за техническим состоянием машинно-тракторного парка колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций» [см. 5, 1977, № 4, ст. 153], в соответствии с которым значительно расширена компетенция органов Госсельтехнадзора (они сейчас превращены в более значительные структурные единицы), введен в действие и ряд других постановлений по вопросам административной ответственности за нарушение правил в сельском хозяйстве. Многочисленность таких нормативных актов настоятельно требует их систематизации. Это в свою очередь обуславливает целесообразность проведения классификации правил ведения сельского хозяйства, что является предметом специального исследования. Отметим, что указанные правила многоплановые, они затрагивают и сферу охраны природы.

Правила в сельском хозяйстве, имеющие административную санкцию, условно можно разделить на следующие группы: правила по карантину растений и животных; другие ветеринарно-санитарные правила, предусмотренные Ветеринарным Уставом СССР; правила борьбы с сорняками и травмами посевов; охрана почв и полезащитных лесонасаждений; правила использования водоемов колхозов, совхозов и подсобных хозяйств; правила землепользования.

Широкая система общеобязательных правил в сельском хозяйстве, их недостаточная упорядоченность служат одной из причин нарушения требований законности. Как свидетельствуют материалы практики, нарушения законности идут главным образом по линии привлечения к административной ответственности ненадлежащих лиц. Между тем виновными в нарушении многих общеобязательных правил являются должностные лица, прямо указанные в законе, что позволяет говорить о специальном субъекте определенных нарушений. Так, административная комиссия при исполкоме Гусятинского районного Совета Тернопольской области на основании Указа Президиума Верховного Совета УССР от 26 апреля 1962 г. «Об усилении борьбы с сорняками» [см. 4, 1962, № 18, ст. 204] своим постановлением наложила штраф на колхозника К. за отказ от работы по очищению сорняков на колхозном поле, несмотря на то, что данный Указ предусматривает специальные субъекты нарушения в лице: председателей колхозов, директоров совхозов, леспромхозов, лесхозов, подсобных хозяйств, опытных станций и руководителей других хозяйств. Колхозник же за нарушение правил по борьбе с сорняками может быть оштрафован только в том случае, если он не принимает мер по борьбе с сорняками на закрепленном за ним приусадебном участке.

В практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах» [см. 3, 1955, № 1, ст. 4] также допускаются ошибки. Правления колхозов и исполкомы сельских Советов зачастую не разграничивают административную ответственность за потравы посевов по этому Указу от общегражданской ответственности. Многие исполкомы сельских Советов привлекают к материальной ответственности и подвергают штрафам не владельцев скота и птицы, а пастухов и других лиц, под ответственностью которых находится скот. Между тем Указ предусматривает административную и материальную ответственность не пастухов, а владельцев скота или птицы, причинивших травму посевов.

Указом от 11 января 1955 г. предусмотрено, что штраф за потравы посевов или повреждение насаждений налагается на их собственников в зависимости от количества голов скота или птицы. Однако отдельные исполкомы сельских Советов до сих пор налагают штрафы в значительных размерах на лиц, которые вместе со своим пасут скот односельчан. Например, исполкомом Борщевского сельского Совета Лановецкого района Тернопольской области наложен штраф на гр-на М. в сумме 40 р. за выпас 8 голов крупного рогатого скота, из которых только одна корова принадлежала ему, а владельцами другого скота были соседи и родственники М.

В практике применения Указа от 11 января 1955 г. встречаются и другие нарушения: рассмотрение материалов о потраве на основании докладных записок и устных информации вместо актов; взыскание штрафа без взыскания ущерба; взыскание штрафа не в доход государства, а в пользу колхозов. Зачастую санкции в виде штрафов смешивают с ущербом. Однако, хотя потравами сельскому хозяйству причиняется значительный ущерб, он в большинстве своем не взыскивается. В значительной мере это происходит потому, что Указ предусматривает сложный порядок определения размера потравы, который на практике не всегда можно осуществить. Действительно, как установить размер ущерба потравой, допустим птицей, на участке, которому была причинена травма и ранее? Как отличить вчерашнюю травму от сегодняшней? В каждом случае нахождения скота или птицы на посевах им приносится определенный реальный ущерб, подлежащий возмещению. Поэтому целесообразно упростить порядок определения его размера.

Нередко исполкомы сельских Советов обращаются в суды для взыскания штрафов, наложенных на владельцев скота, причинившего травму посевов, в то время как согласно постановлению Президиума Верховного Совета УССР от 20 февраля 1955 г. [см. 4, 1957, № 2, ст. 42] взыскание штрафов производится в бесспорном порядке. В то же время руководители колхозов и совхозов нередко обращаются в сельсоветы по вопросу

возмещения ущерба, причиненного постравами посевов, вместо того, чтобы обратиться с соответствующими заявлениями в судебные органы.

Довольно много ошибок допускается и при применении законодательства об ответственности за повреждения посевов в результате проезда транспортом. На практике такие материалы нередко рассматривают исполкомы сельских Советов, они же выносят решения о взыскании ущерба с водителей транспорта. Между тем Указ от 11 января 1955 г. вообще не содержит нормы, предусматривающей материальную ответственность за повреждение посевов транспортом. За проезд по посевам и насаждениям на гужевом транспорте, автомашинах, тракторах, комбайнах и других машинах Указом предусмотрена ответственность в виде штрафа, налагаемого исполкомом сельского, поселкового (городского) Совета народных депутатов на виновных лиц (ездовых, водителей и т. д.). Обязанность же возмещения ущерба лежит согласно ст. 450 ГК УССР на владельце транспорта.

На практике возникают трудности в применении некоторых норм Указа от 11 января 1955 г. из-за недостаточной четкости в определении процессуальных правил. Например, нет единой практики порядка привлечения к административной ответственности за постравы посевов владельцев скота, проживающих на территории другого сельского Совета. Одни исполкомы привлекают таких граждан к административной ответственности по месту совершения проступка (постравы), другие направляют материалы для разрешения по месту жительства правонарушителей. В самом же Указе об этом ничего не говорится. Представляется, что правильно поступают те Советы и исполкомы, которые решают вопросы о взыскании штрафа и ущерба по месту совершения постравы. Эту практику следовало бы закрепить в законе. Думается, что ряд норм рассматриваемого Указа нуждается в совершенствовании, на что уже обращалось внимание в юридической литературе [см. 2, с. 68].

В области сельского хозяйства действуют самостоятельные институты государственного инспектирования (по карантину сельскохозяйственных растений, технического контроля и надзора за правильным использованием и хранением машинно-тракторного парка, технического контроля и надзора за сельскими электросетями, электроустановками и котлами, ветеринарный надзор), деятельность которых регламентируется соответствующими положениями, правилами и уставами о них, утвержденными Министерством сельского хозяйства СССР. Некоторые из этих актов также нуждаются в уточнениях. Например, специальным разделом Устава государственной службы по карантину растений установлена административная ответственность за нарушения мероприятий по карантину, однако в нем не названы органы, правомочные применять за данные нарушения меры административного взыскания. Исходя из со-

держания этого раздела Устава, полагаем, что органы государственной службы по карантину растений должны передавать материалы в отношении нарушителей для наложения штрафов в административные комиссии, что и осуществляется на практике.

Отступления от требований законности при применении общеобязательных правил, действующих в сельском хозяйстве, прослеживаются и в том, что привлечение к административной ответственности за их несоблюдение производится без наличия законных доказательств, направлении дел на рассмотрение ненадлежащими лицами, а также в нарушении других процессуальных норм. Все это наблюдается, в частности, при изучении практики наложения административных взысканий органами государственного ветеринарного надзора. Так, постановлениями заместителя главного ветеринарного врача Гусятинского района Тернопольской области от 16 января 1976 г. за нарушение ветеринарно-санитарных правил наложен штраф на гр-н В. и П. в сумме 10 р. на каждого, тогда как действующее законодательство предоставляет право наложения штрафов в административном порядке только главному ветеринарному врачу района, а не его заместителю.

Постановлением от 5 февраля 1976 г. на ветеринарного врача колхоза им. Островского с. Глебов Гусятинского района Тернопольской области С. наложен штраф в сумме 10 р. вместо привлечения его к дисциплинарной ответственности. Несмотря на то, что закон определил порядок составления, содержания и формы протокола (акта) о нарушениях ветеринарно-санитарных правил, на практике эти требования не всегда соблюдаются. Во многих протоколах отсутствуют даты и место их составления, время и сущность административного правонарушения, не всегда имеются подписи правонарушителей, что отрицательно сказывается на соблюдении требований законности в административном производстве.

Л. И. Брежнев, выступая на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 г., подчеркнул, что «проблема дальнейшего подъема сельского хозяйства на современном этапе — это, прежде всего, проблема повышения его эффективности в самом широком смысле. Общую задачу можно сформулировать так: с умом, хозяйски использовать огромные ресурсы, выделяемые государством для развития сельского хозяйства, бережно относиться к земле, добиваться максимальной отдачи с каждого гектара, с каждого рубля вложений, с каждой тонны удобрений» [1].

Дальнейшее совершенствование и систематизация общеобязательных правил в сельском хозяйстве, неуклонное соблюдение требований законности при их применении послужат одной из надежных гарантий выполнения этих задач.

Список литературы: 1. Брежнев Л. И. Речь на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 г. — Правда, 1976, 26 окт. 2. Якуба О. М., Павловский Р. С. Нере-

шенные вопросы законодательства об административной ответственности.— Сов. государство и право, 1965, № 12, с. 68—72. 3. Ведомости Верховного Совета СССР. 4. Ведомости Верховного Совета УССР. 5. СП СССР. 6. Правда, 1976, 2 июля.

М. И. Бару, д-р юрид. наук

ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ОХРАНА МОРАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ К ТРУДУ

1. Еще в первые годы Советской власти, когда наша страна приступала к строительству нового, социалистического общества, В. И. Ленин писал: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд» [1, т. 41, с. 108].

Первые ростки коммунистического труда В. И. Ленин усматривал в коммунистических субботниках, которым он придавал исключительно важное значение. В них проявлялся интерес участников, но интерес не материальный, а духовный, ибо труд производился без расчета на вознаграждение и основывался на энтузиазме, моральных стимулах.

Успехи социалистического строительства определили дальнейшее развитие как материальных, так и моральных стимулов. Новое отношение к труду формулируется на основе принципов коммунистической морали. Их исчерпывающая характеристика дана в речи Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ: «Мораль, которой мы руководствуемся,— сплав беззаветной преданности идеалам коммунизма и высокой гражданственности, любви к своей социалистической Родине и братской солидарности с трудящимися всех стран, коллективизма и непримиримости к нарушителям общественного долга.

Наша коммунистическая мораль по праву наследует и развивает гуманистические нормы нравственности, выработанные человечеством. Трудолюбие, честность, скромность, чувство собственного достоинства, товарищество, взаимное уважение — все это неотъемлемые черты морального облика советского человека» [2, т. 5, с. 49]. Эти моральные черты и качества находят конкретное проявление в творческом труде миллионов трудящихся строителей коммунизма. Их заинтересованность не только материальными, но и моральными стимулами определяется высоким уровнем сознания, которое означает стремление достигнуть определенный положительный результат, обеспечивающий удовлетворение индивидуальных потребностей.

Советский образ жизни, как совокупность форм жизнедеятельности общества, народов, классов, социальных групп на основе социалистического способа производства, все больше возвышает духовные ценности и потребности людей, в чем проявляется расширение сферы действия моральных стимулов. Возрастание роли моральных стимулов к труду — закономерный результат или, точнее, компонент советского образа жизни. Именно советский образ жизни со свойственными ему социалистическими трудовыми отношениями обусловил развитие моральных стимулов к труду. Последние определяются возросшей активностью широких масс трудящихся в общественно-политической жизни, огромным трудовым энтузиазмом, получившим широкое развитие в форме всенародного социалистического соревнования.

Стимулы могут быть направлены не только на решение общих задач народнохозяйственного значения, но и преследовать специальные цели. Так, в Программе КПСС подчеркнута значимость материального и морального стимулирования в деле ускорения научно-технического прогресса.

Объективно обусловленный интерес — это сила, способствующая и вызывающая активную деятельность людей. Он закрепляется в нормах права, включается в регулятивную (правовую) деятельность государства и, следовательно, охраняется им. Осознанный рабочими и служащими в процессе трудовой деятельности, он отражается в стимулах (материальных и моральных).

Подчеркивая общность цели материальных и моральных стимулов, побуждающих к добросовестному труду, к достижению наиболее высоких показателей, мы вместе с тем отмечаем и их различия. Материальный стимул рассчитан на удовлетворение личных выгод материального характера, на вознаграждение, а моральный — побуждает к труду во имя общей цели — построения коммунистического общества, в расчете не на материальное вознаграждение, а на общественное признание, дающее человеку нравственное удовлетворение. Если материальный стимул в коммунистическом обществе отпадет, перестанет действовать, ибо труд будет коммунистическим без какого-либо материального поощрения, то моральные стимулы будут развиваться. Общество найдет новые эффективные моральные побуждения для нравственного удовлетворения в процессе труда, которые будут действовать с силой, намного превосходящей действие материального стимула в условиях развитого социализма. Такова, по нашему мнению, перспектива материальных и моральных стимулов.

На данном этапе строительства коммунизма моральные стимулы выполняют важнейшую социальную функцию. Их действие непосредственно связано с сознанием человека. На это обратил внимание Л. И. Брежнев: «Современное производство

требует, чтобы каждый работник ясно представлял себе свое место в трудовом процессе, знал, что и зачем он делает, что от него зависит, чувствовал, что его труд — необходимая часть общей работы. Если такое сознание есть, то проявляется настоящая заинтересованность, тогда труд в радость, тогда труд — творчество» [2, т. 6, с. 10—11]. Таким образом, духовная заинтересованность определяет уровень сознания, которое обеспечивает стремление к достижению определенных положительных результатов труда, доставляющих нравственное удовлетворение.

2. В юридической науке понятие стимула не имеет единообразного определения. Можно отметить два направления в этой проблеме: широкое и узкое. В широком смысле под стимулом понимают всю совокупность правовых средств, которые обеспечивают эффективное действие юридических норм, стимулирующих активную деятельность, — убеждение, принуждение, поощрение, общественное воздействие и т. д. [см. 3, с. 177; 4]. В узком смысле к стимулам относят только средства поощрительного, предоставительного характера и не включают меры принудительного характера [см. 7, с. 13]. Не вызывает сомнения, что поощрение является ответным действием на проявленную добросовестность, старание, инициативу в труде. Юридическая ответственность — ответное действие на отрицательные явления в труде. Поощрение — антипод юридической ответственности. Если поощрительная норма призвана стимулировать добросовестный труд и оптимальный результат труда, выходящий за пределы обычного, то норма о юридической ответственности направлена на пресечение и предупреждение всяких отступлений, порождающих негативные явления в процессе труда.

Ответственность — следствие отрицательного отношения к труду. Поощрение — следствие положительного отношения к труду. Ставить их в один ряд — значит, недооценить значение большой и разнообразной политико-воспитательной работы, проводимой многими общественными организациями под руководством КПСС. Конечно, все меры, в том числе и принуждения, обеспечивают должное поведение и достижение поставленной цели. Однако, если мы обратимся к закону (ст. 140 КЗоТ УССР, ст. 128 КЗоТ РСФСР), то обнаружим, что достижение цели обеспечивается сознательным отношением к труду, методом убеждения и поощрением, и только по отношению к отдельным недобросовестным работникам в необходимых случаях применяются меры дисциплинарного и общественного воздействия.

Моральное стимулирование связано именно с убеждением и поощрением и отнюдь не с принуждением. Вот почему широкое понимание стимула, включающее и юридическую ответственность, не выявляет специфику этого важного явления, сводя его ко всем средствам правового воздействия. К тому же не все стимулы регулируются правом. Поэтому мы различаем стимулы

неправовые и правовые. Для первых право безразлично, это сфера действия коммунистической морали; для вторых характерно правовое регулирование с помощью норм, установленных или санкционированных и охраняемых государством. Но и для правовых стимулов огромное значение имеют и иные социальные нормы (общественных организаций, морали).

В основе неправового (общего) стимула лежат идеалы коммунизма, для достижения которых люди отдают свои силы, способности, талант, а иногда и жизнь.

В основе правового стимула лежит осознанный и охраняемый правом интерес — материальный или моральный. Соответственно этому различают материальные и моральные стимулы. Следует иметь в виду, что действие общего (неправового) и конкретного (правового) стимулов может происходить и чаще всего происходит одновременно. Все зависит от уровня сознательности и преданности делу коммунизма. Однако различие этих стимулов необходимо, и оно учитывается как в общественно-политической, так и в правовой сфере. В ст. 14 Конституции СССР записано: «Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека». Таким образом, Основной Закон закрепил два вида стимулов — материальные и моральные. Материальные находят свое выражение в системе вознаграждения за труд по принципу социализма. В соответствии с принципом «от каждого — по способностям, каждому — по труду» государство осуществляет контроль над мерою труда и потребления. Материальный стимул проявляется не только в вознаграждении за труд в виде заработной платы, но и в ряде других материальных предоставлений (премии, не предусмотренные системой заработной платы, ценные подарки, путевки в дома отдыха и санатории и др.).

Моральные стимулы проявляются в различных поощрениях. Поощрения материального характера следует отнести к первому виду стимулов, т. е. к материальным. Мы не видим оснований для конструирования особого, третьего вида поощрений морально-материального характера [см. 8, с. 86]. Даже при одновременном моральном и материальном поощрениях они остаются двумя разными видами поощрений. Хотя мы их и различаем, однако не противопоставляем, ибо моральное поощрение может иметь и материальный элемент, равно как всякое материальное поощрение имеет и моральный элемент. Известно, что лица, получившие в виде поощрения ценные подарки, очень часто придают значение не ценности подарка, а процедуре его вручения, выражающей почет и общественное признание трудовых заслуг. С другой стороны, лица, получающие моральное поощрение (награждение орденами и медалями, грамотами, почетными званиями и т. п.), получают вследствие этого целый ряд льгот и преимуществ материального характера. В ст. 145 КЗоТ УССР (ст.

133 КЗоТ РСФСР) прямо предусмотрено, что рабочим и служащим, успешно и добросовестно выполняющим свои трудовые обязанности, предоставляются в первую очередь преимущества и льготы в области социально-культурного и жилищно-бытового обслуживания. Такие работники имеют также преимущество при продвижении по работе.

Кроме того, в локальных нормах, например в нормативной части коллективных договоров, мы, как правило, обнаруживаем нормы о материальных льготах и преимуществах для лиц, поощряемых морально. Так, на Ленинградском заводе «Электрик» в коллективном договоре предусмотрено увеличение размера вознаграждения по итогам работы за год для работников, занесенных в Книгу почета завода, награжденных медалями ВДНХ, признанных и получивших звание «Лучший по профессии» и др. Указанными различиями не исчерпывается классификация моральных стимулов, трудность которой заключается в том, что для нее нет единого критерия, единого признака. Стимулы разграничиваются по многим признакам, они находятся в различных плоскостях. Очевидно, нужно отличать стимулы, выходящие за пределы предприятия (учреждения), например награждение орденами и медалями, от стимулов, действующих внутри предприятия и учреждения (поощрения согласно ст. 143 КЗоТ УССР, ст. 131 КЗоТ РСФСР). Следует различать также стимулы, определяемые, с одной стороны, действующим законодательством, а с другой — локальными нормами. Стимулы могут быть коллективными (для предприятия в целом; для структурных подразделений, бригад) и индивидуальными. Повторяем, единого признака для классификации дать невозможно.

Могут ли вообще быть установлены конкретные более или менее точные основания для применения поощрений? Этот вопрос и в литературе, и в законодательстве не находит еще единогообразного решения. Конечно, определение конкретных показателей, дающих право на поощрение, сблизило бы в этом смысле основания для материального и морального поощрения. Материальный стимул, как уже было показано, имеет точные, скрупулезно разработанные показатели, выраженные в системах (основных и дополнительных) заработной платы. Притязания работника на получение определенного вознаграждения основаны на нормах выработки, расценках, показателях премирования и т. д. Таких точных критериев нет в моральном поощрении.

Конечно, всякое оценочное понятие таит в себе опасность субъективизма. На это обстоятельство мы в свое время обращали внимание. К сожалению, подобные факты имеют место на практике. С такими явлениями, о которых часто сообщает периодическая печать, следует бороться. Но это не снимает вопроса о необходимости стремления к конкретизации оснований, точнее, показателей морального стимулирования. В. И. Ленин

указывал, что надо сделать так, «чтобы наградить того, кто проявил геройство, исполнительность, талант и преданность» [1, т. 42, с. 215]. Следовательно, В. И. Ленин предъявлял высокие требования к тем, кого награждают. Только объективная, справедливая оценка трудовой активности каждого работника может привести к правильному поощрению. Но, повторяем, это не снимает вопроса о конкретизации показателей поощрения. Безусловно, чем конкретнее и точнее выражен стимул, тем эффективнее его результаты. Конкретизация стимулов часто обнаруживается в локальных нормах (в коллективных договорах), в договорах на социалистическое соревнование предприятий, цехов, бригад и отдельных работников.

Стремление к конкретизации показателей, достижение которых дает право на поощрение, мы можем найти в Статуте Ордена трудовой славы, в частности, там сказано следующее: высокие производственные показатели, систематическое перевыполнение норм выработки и планов, достижение высокой производительности труда, изготовление продукции высокого качества, экономия материалов и сокращение трудовых затрат, новаторство в труде, ценные изобретения и т. д. Достижение этих показателей дает уверенность тому, кто их достиг, что он достоин и имеет право на награждение. Именно в этот момент следует признать, что у работника возникло субъективное право на поощрение, которое подлежит охране.

Приведенные выше показатели могут и должны быть еще больше конкретизованы локальным регулированием. Так, если показателем является рост производительности труда, то на данном предприятии может быть уточнено, на сколько именно процентов должна быть повышена производительность труда. Если речь идет о качестве продукции, следует уточнить, в чем именно это выразится, например в повышении сортности продукции, в сдаче продукции с первого предъявления, в выпуске продукции с государственным Знаком качества и т. п.

Наши соображения о конкретизации показателей морально-го стимулирования [см. 5, с. 70] встретили возражения в литературе [см. 9, с. 199]. При этом указывалось, что моральные стимулы применяются по сравнительной оценке результатов труда и путем выделения лучших, а не по абсолютным результатам. Но такой результат не может быть заранее регламентирован. Л. Я. Гинцбург отмечает, что приведенные соображения подчеркивают лишь сложность вопроса, но они касаются технической стороны дела, не подрывая самой идеи по существу. «Можно не сомневаться, — пишет он, — что в процессе дальнейшего совершенствования нормативного регулирования будут найдены нужные формулы, обеспечивающие действительное осуществление личных неимущественных трудовых прав» [6, с. 65]. Нам остается только присоединиться к этому, безусловно, правильному утверждению.

Говоря о конкретизации показателей морального стимулирования, следует отметить значение трудового стажа, особенно непрерывного и отраслевого. Известно, какое внимание государство и общественность уделяет ветеранам, наставникам, за плечами которых имеется большой стаж работы. При наличии же конкретных показателей тот или иной вид поощрения соотносится со степенью их достижения.

Не вызывает возражений признание того, что поощрение по советскому праву — особая форма государственного одобрения. Но к этому следует добавить, что в данном случае имеет место не только государственное одобрение, а и общественная форма одобрения, поскольку согласно ст. 144 КЗоТ УССР (ст. 132 КЗоТ РСФСР) поощрение производится совместно или по согласованию с ФЗМК, причем этот порядок является обязательным условием законности поощрения. Нарушением закона будет, как это иногда случается на практике, согласование вопроса с председателем ФЗМК, а не с ФЗМК, как с коллегиальным органом. Уместно поставить вопрос о возможности передачи права согласования вопроса с цеховым комитетом профсоюза, поскольку он ближе к рабочим и служащим. Не вызывает сомнения, что это право и сейчас принадлежит цеховым комитетам в тех предприятиях, где завкому предоставлены права райкома профсоюза.

Приведенные соображения дают возможность следующим образом определить понятие морального стимула. Моральный стимул — это побуждение к активной, творческой деятельности, вызванное и заинтересованностью с расчетом не на встречное материальное вознаграждение, а на получение глубокого нравственного удовлетворения, основанное на правовых и иных социальных нормах, которые выражены в системе морального поощрения, построенной на общей оценке либо на конкретных показателях трудовой активности.

3. Распространение получило признание того, что наряду с другими разнообразными правоотношениями существует и поощрительное [см. 11, с. 95]. Мы полагаем, что о поощрительном правоотношении речь может идти лишь в том случае, когда оно исходит от органа, не состоящего в трудовом правоотношении с поощряемым, например при награждении орденом или медалью, значком ударника коммунистического труда или присвоения почетного звания. Сторонами такого правоотношения являются органы, производящие поощрение, и трудящиеся, получившие поощрение за те или иные трудовые заслуги. Но если поощрение производится внутри предприятия или учреждения, то ни о каком поощрительном правоотношении не может быть и речи.

Поощрение составляет неимущественный элемент трудового правоотношения. Отрицание этого коренится в недооценке не-

имущественных прав рабочих и служащих¹. На это обстоятельство обратил внимание еще А. Е. Пашерстник, который отмечал, что «трудовое правоотношение не является чисто имущественным отношением и наряду с имущественным содержит в себе и неимущественный элемент [10, с. 175]. Однако приводимые им примеры (рабочий снимает безвозмездно номерок на табельной доске или расписывается в книге прихода на работу и ухода с нее, направляется к рабочему месту и т. п.) обедняют представление о неимущественных правах, сводя их к отдельным действиям, без которых организация труда вообще невозможна и которые не вызывают ответного возмездного действия. Усмотреть только в этом наличие неимущественного элемента в трудовом правоотношении — значит, недооценить значение моральных стимулов в социалистическом труде и неимущественные права трудящегося, в частности права на трудовую честь, на поощрение за добросовестный труд и т. д. Значение неимущественного элемента в трудовом правоотношении подчеркнуто Л. Я. Гинцбургом [см. 6, с. 78—85].

Итак, неимущественные правомочия и корреспондирующие им обязанности не выключаются из единого трудового правоотношения и не создают новых правоотношений, в том числе поощрительного. Поощрение — результат выполненной администрацией (по согласованию или совместно с профсоюзом) обязанности дать моральную оценку отношения к труду со стороны работника, который тем самым реализует свое субъективное право на поощрение.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, 42. 2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., Политиздат. Т. 5. 1976. 592 с. Т. 6, 1978. 680 с. 3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., Юрид. лит., 1966. 187 с. 4. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., Юрид. лит., 1971. 247 с. 5. Бару М. И. Охрана трудовой чести по советскому законодательству. М., Юрид. лит., 1966. 101 с. 6. Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., Наука, 1977. 310 с. 7. Каринский С. С. Материальные и моральные стимулы к повышению производительности труда. М., Юрид. лит., 1966. 238 с. 8. Каринский С. С. Поощрения за успешный труд. М., Госюриздат, 1961. 151 с. 9. Лившиц Р. З. Стимулирование труда в повышении эффективности общественного производства. — В кн.: Трудовое право и повышение эффективности общественного производства. М., Наука, 1972, с. 99—213. 10. Пашерстник А. Е. Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих. М., Изд-во АН СССР, 1949. 352 с. 11. Процевский А. И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М., Юрид. лит., 1972. 286 с. 12. Явич С. Я. Общая теория права. Л., Наука, 1976.

¹ Мы не включаемся в дискуссию о характере трудового правоотношения. Совершенно очевидно, что оно составляет единый комплекс правомочий и обязанностей, сложный фактический состав. Выключение из него отдельных элементов, из которых якобы формируются отдельные правоотношения (по зарплате, по дисциплине труда, по поощрению в труде), сужает само содержание трудового правоотношения и выхолщивает из него самую суть. В новых работах по общей теории права в классификации правоотношений мы не обнаруживаем поощрительного правоотношения [см. 12, с. 217].

ИСПЫТАНИЕ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ В УСЛОВИЯХ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Среди долговременных целей десятого пятилетнего плана высшей был и остается подъем материального и культурного уровня жизни народа. Средствами, путями их достижения являются динамичное и пропорциональное развитие общественного производства, повышение его эффективности, ускорение научно-технического прогресса, рост производительности труда, всемерное улучшение качества работ во всех звеньях народного хозяйства [см. 1, с. 39—40].

Обязательными условиями ускорения научно-технического прогресса, роста производительности общественного труда и его эффективности выступают общая культура, профессиональная подготовка, дисциплина, четкость и организованность каждого работника в любом звене народного хозяйства.

Среди множества социально-экономических и правовых вопросов, связанных с выполнением этих задач, особую актуальность приобретает проблема «человек — профессия», поскольку при правильном использовании творческих сил каждого работника достигается эффективность, продуктивность и производительность общественного труда. Отсюда следует, что определение для рабочего или служащего работы, на которой он мог бы более целесообразно применять свои способности, имеет первостепенное значение. Поэтому Конституция СССР 1977 г. расширила не только формулу права на труд путем включения в ее содержание права на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием, но и гарантии его реализации: бесплатное профессиональное обучение, повышение трудовой квалификации и обучение новым специальностям, развитие системы профессиональной ориентации и трудоустройства.

Практическая реализация задачи формирования и совершенствования кадров нашего общества последовательно претворялась в жизнь в процессе социалистического строительства и нашла отражение в программных документах партии и правительства. Ее осуществление в современный период обеспечивается по двум направлениям: первое (основное) — абсолютное и относительное увеличение количества квалифицированных кадров путем расширения профессионально-технического образования (как в системе ПТО, так и непосредственно на производстве) и специального образования; второе — рост квалификационного уровня занятых работников на базе имеющейся у них общеобразовательной и специальной подготовки.

Эффективное решение задач, относящихся к проблеме «человек — профессия», зависит от усилий физиологов, психологов, инженеров, специалистов эргономики и т. д., которые не только получают информацию на основе изучения индивидуально-типологических особенностей человека, тех или иных профессий, но и определяют критерии отбора. В настоящее время используются различные критерии по определению способностей человека. Это и ЭВМ, и тесты, разработанные на основе прогресса в области психологии и психиатрии, и т. п. Бесспорно, применение достижений науки и техники в работе по подбору и расстановке кадров ведет к положительному социальному эффекту, в основе которого лежит идея максимального и гармонического сочетания в процессе труда субъективных возможностей работника с объективными требованиями общественного производства.

Поэтому мы полагаем, что предусмотренная советским трудовым законодательством (ст. 26—28 КЗоТ УССР) возможность заключения трудового договора при приеме на работу с условием об испытании соответствия рабочего или служащего работе, на которую он претендует, является одним из правовых средств, способствующих разрешению задачи подбора и расстановки кадров в общественном производстве, а также частичному решению проблемы «человек — профессия».

Нормы, регламентирующие порядок заключения трудового договора с условием об испытании, выступают гарантией как для рабочих и служащих, так и для администрации в плане организационной деятельности по подбору и расстановке кадров. Они включают следующие моменты: 1) установление четкого правового порядка в деле проверки деловых качеств работников, поступающих на работу по избранной специальности или должности с условием об испытании, что в известных пределах ограничивает субъективный подход в вопросах подбора и расстановки кадров со стороны администрации; 2) необходимость определения дополнительных гарантий реализации права на труд для тех категорий граждан, с которыми не может заключаться трудовой договор с условием об испытании; 3) необходимость предоставления администрации права на упрощенный порядок прекращения правоотношений при отрицательных результатах испытания. По приведенным соображениям мы не можем согласиться с теми авторами, которые недооценивают испытание как одно из условий трудового договора [см. 6, с.6] либо отрицают его вообще [см. 8, с. 7]. Но как условие трудового договора оно справедливо подвергается критике [см. 3, с. 43—47; 74—75]. В практике его применения и сейчас возникают вопросы, которые требуют своего разрешения. В настоящее время нет единства мнений о природе трудового договора с условием об испытании. Одни авторы полагают, что в данном случае трудовой договор заключен

под отлагательным условием [см. 4, с. 14], другие под отменительным [см. 6, с. 60, 76], третьи считают это чисто теоретическим спором, не имеющим никакого практического значения [см. 14, с. 136]. Мы полностью разделяем мнение тех авторов, которые указывают, что испытание как условие трудового договора нельзя рассматривать ни как отлагательное, ни как отменительное условие [см. 2, 11], и не останавливаемся на этом вопросе, поскольку он достаточно освещен в литературе.

Основы законодательства о труде и кодексы союзных республик последовательно проводят в жизнь принцип полного равноправия сторон трудового договора в процессе реализации права на труд. Это положение советского трудового права нашло свое отражение и в предварительном испытании. Ранее действовавшее законодательство установило предварительное испытание целиком и полностью относило к сфере усмотрения администрации. Действующее законодательство [ст. 26 КЗоТ УССР] прием на работу на условиях испытания допускает при наличии обоюдного волеизъявления сторон трудового договора. Если работник возражает против включения в содержание трудового договора условия об испытании, последнее не может быть внесено администрацией односторонне.

К сожалению, на практике встречаются факты нарушения приведенных положений. Чаще всего это происходит из-за различного подхода лиц (органов, применяющих трудовое законодательство) к данной правовой категории. Например, волеизъявление на заключение трудового договора с условием испытания либо вообще не выясняется судами, либо сводится к установлению в ходе судебного разбирательства факта ознакомления рабочего или служащего с приказом о приеме на работу на таком условии. Тем самым свобода волеизъявления сторон на заключение трудового договора на условиях предварительного испытания сводится к порядку его оформления. Для правильного решения поставленного вопроса необходимо выяснить, было ли соглашение сторон на включение в трудовой договор условия об испытании. От этого зависит и ответ на следующий вопрос: вправе ли администрация отказать работнику в приеме на работу, если он возражает заключить трудовой договор с таким условием? Мы не можем согласиться с теми авторами, которые на этот вопрос отвечают положительно [см. 2, с. 8—9; 5, с. 72], поддерживаем уже высказанное в литературе мнение о том, что администрация не имеет права отказать в приеме на работу рабочему или служащему, не изъявившему желания включить в трудовой договор условие об испытании [см. 12, с. 73]. В противном случае нарушается принцип соглашения сторон при выработке условия о предварительном испытании, и поэтому значительно расширяются правовые возможности администрации. Тем более, что оценка результатов испытания с последую-

щим расторжением трудового договора принадлежит тоже администрации. Правовые возможности рабочего или служащего сводятся только к соглашению заключить трудовой договор на условиях предварительного испытания. Более того, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (ст. 9) закрепили важнейшую юридическую гарантию обеспечения реализации права на труд, согласно которой запрещен необоснованный отказ в приеме на работу. С установлением этого правила советское трудовое законодательство в своем развитии сделало большой качественный скачок, перейдя от этапа установления отдельных элементов подобного рода гарантий для всех либо отдельных категорий граждан к этапу признания любого отказа в приеме на работу, не предусмотренного специальным законом, недействительным [см. 13, с. 60—61]. Специального закона, дающего право отказать в приеме на работу в результате нежелания заключить трудовой договор на условиях предварительного испытания, нет. Кроме того, как известно, не все условия трудового договора имеют одинаковое значение. Не будет считаться заключенным трудовой договор, например, если стороны не пришли к соглашению о месте работы, трудовой функции (ст. 21 КЗоТ УССР). Это необходимые (обязательные) условия трудового договора. Другие условия трудового договора, не являясь необходимыми, все же могут быть включены в его содержание (например, условия о совмещении профессий). Поскольку условие об испытании не обязательно для каждого трудового договора, постольку его природа факультативна.

В литературе имеется точка зрения, что инициатором включения в трудовой договор условия об испытании может быть только администрация. По нашему мнению, инициатором по включению этого условия в трудовой договор может быть и работник, изъявивший желание по собственной инициативе проверить свои деловые качества в условиях того или иного предприятия, организации, учреждения. Здесь необходимо отличать инициативу работника по включению этого условия в трудовой договор при его заключении от требования принять его на работу на условиях испытания, когда ему на основании закона может или должно быть отказано в приеме на работу. Признание за обеими сторонами инициативы по заключению трудового договора на условии предварительного испытания повысит значение данного условия, будет способствовать более обстоятельной и взвешиваемой проверке соответствия работника претендуемой работе в течение срока, предусмотренного ст. 27 КЗоТ УССР; выступать организующим и дисциплинирующим фактором для самого работника; значительно уменьшит количество случаев расторжения трудового договора как по ст. 2 ст. 40 КЗоТ УССР, так и по другим основаниям. Такой вывод наводит на мысль о необходимости установления более краткого срока увольнения по собственному желанию в период

предварительного испытания, чем срок, предусмотренный ст. 38 КЗоТ УССР. Мы поддерживаем высказанное в литературе мнение о необходимости установления в законодательном порядке краткого срока увольнения по собственному желанию в период испытательного срока [см. 5, с. 72].

Испытание, как условие, должно включаться в трудовой договор только тогда, когда стороны, свободно выражая свою волю, определяют его содержание и срок действия. Полагаем, что содержание условия об испытании, выработанное соглашением сторон, и установленный этим соглашением срок его действия в соответствии со ст. 26 КЗоТ УССР должны быть раскрыты в приказе (распоряжении) о приеме на работу. Иное понимание наводит на мысль, что содержание условия проверки деловых качеств и время проверки в пределах срока, установленного законом, для той или иной категории граждан, определяется администрацией односторонне и произвольно. Это противоречит не только характеру социалистических трудовых правоотношений, но и действующему законодательству, его духу. Администрация в момент заключения трудового договора имеет возможность на основании трудовой книжки, документа о специальной подготовке и образовании выяснить квалификацию работника. Подвергнуть сомнению квалификацию работника, установленную в порядке, предусмотренном законом, она не имеет права. Но с учетом выявленной квалификации работника и знания специфики своего производства у нее могут возникнуть сомнения в способности работника выполнять трудовую функцию по претендуемой работе, поэтому она может предложить работнику заключить трудовой договор с условием об испытании. Трудящийся же, поступая на работу и принимая предложения администрации заключить трудовой договор с условием об испытании, должен быть осведомлен не только о характере предъявляемых требований по претендуемой работе, но и о содержании условия проверки, критериях оценки результатов его работы в испытательный период. Выработанное соглашением сторон содержание условий проверки деловых качеств и должно быть отражено в приказе.

Достигнутое соглашение сторон на заключение трудового договора с условием об испытании в этом случае является реализованным предписанием нормы. Выработанное сторонами условие об испытании — его объемный признак, содержание. Четкое и детальное установление соглашением сторон условия проверки деловых качеств и его срока, легализации их в приказе рельефно определит и предмет возникшего спора, так как орган по рассмотрению трудовых споров должен проверить, насколько правильна оценка администрацией результатов испытания.

Таким образом, изложенное дает основание полагать, что под испытанием при приеме на работу следует понимать обуслов-

ленное соглашением сторон в пределах установленного законом срока условие о проверке соответствия деловых качеств рабочего или служащего поручаемой работе, результаты которой призваны способствовать стабильности трудового правоотношения.

Суды и другие правоприменительные органы находятся в затруднительном положении, когда вопрос касается существа увольнения по результатам оценки итогов испытания, т. е. когда администрация в обосновании увольнения ссылается на выявленное несоответствие рабочего или служащего претендуемой работе. Ранее действовавшие кодексы законов о труде вообще не раскрывали негативных признаков предварительного испытания. Новое законодательство определяет их как установленное в течение срока испытания несоответствие рабочего или служащего работе, на которую он принят. В литературе высказано мнение о том, что обнаруженное несоответствие рабочего или служащего поручаемой работе в период срока испытания (ст. 28 КЗоТ УССР) и выявленное несоответствие рабочего или служащего занимаемой должности или выполняемой работе в ходе выполнения трудовой функции (ч. 2 ст. 40 КЗоТ УССР) — аналогичные понятия [см. 3, с. 73]. Различие состоит лишь в том, что несоответствие рабочего или служащего поручаемой работе согласно ст. 28 КЗоТ УССР должно быть выявлено администрацией в период срока, установленного для испытания, а несоответствие рабочего или служащего должности или выполняемой работе может быть обнаружено в ходе осуществления работником трудовой функции. В первом случае это дает право администрации расторгнуть трудовой договор с работником без согласия ФЗМК профсоюзов, во втором — только с его согласия.

Мы не можем поддержать приведенное положение, поскольку оно противоречит как смыслу закона, так и судебной практике. При рассмотрении дел этой категории суды правильно принимают во внимание не только данные, относящиеся к квалификации и состоянию здоровья работника, но и в соответствии с выполняемой трудовой функцией, спецификой производства учитывают также и другие данные, касающиеся личности работника (дисциплина, организаторские способности, личный пример и т. д.) и выступающие как обязательные условия его способности выполнять трудовую функцию по претендуемой работе. Таким образом, под негативными результатами испытания, на наш взгляд, следует понимать выявление в течение установленного законом либо соглашением сторон срока таких обстоятельств, относящихся к квалификации, специальности, состоянию здоровья или личным качествам рабочего или служащего, выполнявшего трудовую функцию, обусловленную договором при приеме на работу, которые, не исключая либо исключая его вину, с учетом специфики производства, непосредственно и объективно

делают невозможным использование его предприятием, учреждением на принятой работе.

Порядок увольнения лиц, не выдержавших испытания, нуждается в совершенствовании. В литературе о трудоустройстве лиц, подлежащих увольнению как невыдержавших испытание, отмечается как о праве администрации. При установлении несоответствия рабочего или служащего работе, на которую он принят, и при отсутствии виновных действий со стороны работника целесообразно было бы предложить ему перейти на другую работу с учетом выявленной у него специальности и наличия свободных мест (вакансий). И только при несогласии работника на перевод или при отсутствии другой соответствующей работы — уволить. Думается, что трудоустройство лиц, не выдержавших испытания при отсутствии их вины, должно стать преюдицией к их увольнению и найти свое разрешение как в законе, так и в судебной практике. К тому же практика свидетельствует о том, что администрация в большинстве случаев, прежде чем уволить такого работника по этому основанию, предоставляет ему возможность подыскать себе другую работу или предлагает перевод. Следовательно, такие отношения между администрацией и работником фактически складываются и в применительной практике. Поэтому данные вопросы должны найти свое разрешение в законе, так как работу по совершенствованию советского законодательства надо продолжать, чтобы оно не отставало от жизни, чтобы наши законы, оставаясь прочными, стабильными, правильно отражали происходящие в обществе процессы.

К сожалению, в настоящее время правовое положение работника и администрации предприятия в момент заключения трудового договора с условием об испытании еще детально не регламентировано. Дальнейшее развитие законодательства о предварительном испытании должно идти по пути поиска дополнительных гарантий для рабочего или служащего при реализации права на труд, что должно найти свое отражение в более детальной регламентации их прав и обязанностей.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 2. Бару М. И. Технический прогресс и совершенствование норм трудового права.— В кн.: Проблемы социалистической законности. Вып. 1. Харьков, Вища школа, 1976, с. 3—12. 3. Голованова Е. А. Прекращение трудового договора. М., Юрид. лит., 1966. 183 с. 4. Давидович Я. И., Хрусталев Е. Ф. Прием на работу, перевод, дисциплина труда и увольнение работников. Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1964. 98 с. 5. Жигалкин П. I. До питання про попереднє випробування працівника.— Рад. право, 1970, № 1, с. 71—74. 6. Кленов Е. А. Судебная защита прав рабочих и служащих при увольнении. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Л., 1963. 19 с. 7. Левиант Ф. Н. Виды трудового договора. М., Юрид. лит., 1966. 187 с. 8. Магницкая Е. В. Правовые формы распределения рабочей силы в СССР. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Л., 1963. 19 с. 9. Орловский Ю. П. Правовые вопросы использования труда рабочих и служащих на промышленных предприятиях. М., Наука, 1966. 192 с. 10. Пашерстник Е. А. Рассмотрение трудовых споров. М., Юрид. лит., 1958. 213 с. 11. Прудинский А. М. Об испытательном сроке.— В кн.: Вопросы гражданского

права и процесса. Л., Изд-во ЛГУ, 1969, с. 142—153. 12. *Процевский А. И.* Роль угод у регуливанні праці за Кодексом про працю УРСР.— Рад. право, 1973, № 5, с.73—75. 13. *Скобелкин В. Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М., Юрид. лит., 1969. 184 с. 14. *Хаскина Т. С.* К вопросу об основаниях увольнения рабочих и служащих в судебной практике.— В кн.: Вопросы гражданского права и процесса. Л., Изд-во ЛГУ, 1969, с. 133—141.

О. Ф. Фрицкий, канд. юрид. наук

О ХАРАКТЕРЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ МЕЖДУ МЕСТНЫМИ СОВЕТАМИ И ПРЕДПРИЯТИЯМИ, МИНИСТЕРСТВАМИ И ВЕДОМСТВАМИ

В последнее время получил широкое распространение институт кооперирования средств для долевого участия в строительстве. Однако из-за ведомственной разобщенности средств, выделяемых для этих целей, реализация генеральных планов планировки и застройки населенных пунктов, возложенная законодателем на местные Советы, наталкивается на серьезные трудности. Как известно, капитальное строительство ведется за счет денежных средств государства, собственных капиталовложений предприятий (объединений) и банковского кредита. При этом последний выделяется также для финансирования жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства.

Источники финансирования обычно подразделяются на два вида: централизованные и нецентрализованные, т. е. направляемые на капитальное строительство по государственному плану и сверх него. К централизованным капиталовложениям относятся ассигнования из государственного бюджета (они поступают только на вновь начинаемое строительство), часть амортизационных отчислений, часть плановой прибыли. Одна часть этих капиталовложений, расходуемая на возведение объектов жилищно-коммунального и социально-культурного назначения, выделяется местными Советами, а другая — министерствами и ведомствами Союза ССР и союзных республик или непосредственно их предприятиями [см. 2, 1967, № 17, ст. 119]. Нецентрализованные капиталовложения — средства, выделяемые из фонда развития производства предприятий (объединений), фонда ширпотреба (до 60%), часть сверхплановой прибыли и др. Ассигнования, поступающие на капитальное строительство, имеют строго целевое назначение, они не могут использоваться на иные нужды [см. 4, с. 28—29].

Объединение средств централизованных источников на началах долевого участия в строительстве жилья осуществляется в соответствии с договором о совместной деятельности. Сторонами выступают государственные предприятия, на которые

распространяется Положение о социалистическом государственном производственном предприятии [см. 2, 1965, № 19—20, п. 56, ст. 155], и производственные объединения (комбинаты) [см. 2, 1974, № 8, ст. 38]. Поскольку сторонами по договору о совместной деятельности могут быть только организации, пользующиеся правами юридического лица, производственные единицы, входящие в состав производственных объединений и не являющиеся юридическими лицами, не могут объединять с местными Советами закрепленные за производственными единицами средства фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, предназначенные для строительства жилья. Вот почему местные Советы вправе привлекать согласно законодательству указанные предприятия и объединения к участию в строительстве жилья только при наличии согласия этих органов на выделение соответствующей доли [см. 4, с. 78—79]. Доли каждого из них, определяемые исполкомами, а также объемы капиталовложений, утверждаемые министерствами или ведомствами, оформляются в так называемые «протоколы согласования».

Одновременно в целях обеспечения комплексной и наиболее экономичной застройки городов централизованные капиталовложения на строительство жилых домов и детских дошкольных учреждений для расположенных в городах предприятий, организаций и строек министерств и ведомств СССР в тех случаях, когда функции единого заказчика по указанному строительству осуществляются исполкомами, передаются этими министерствами и ведомствами в порядке долевого участия Совету Министров союзной республики. Министерствам и ведомствам СССР и союзных республик, а также исполкомам предоставлено право разрешать непосредственно подчиненным предприятиям и организациям передавать в порядке долевого участия на строительство, расширение и реконструкцию объектов водоснабжения, канализации, газо- и теплоснабжения, связи, подъездных дорог и других объектов совместного пользования средства, предусмотренные на указанные цели в сметах на строительство объектов производственного назначения и в планах капитальных вложений [см. 2, 1967, № 17, п. 5, 9, ст. 119].

При этом возможны два варианта кооперирования этих средств. В больших городах, где в распоряжении Советов находятся мощные строительные специализированные организации, предприятия вышестоящего подчинения предпочитают объединять свои средства с местными Советами. Там же, где крупные предприятия сами располагают хорошими строительными кадрами и организациями, средства Советов, как правило, кооперируются с капиталовложениями крупных предприятий или строек.

Преобладает, однако, объединение средств предприятий и организаций вышестоящего подчинения местными Советами, во-первых, в силу нехватки средств для осуществления строительства собственными силами; во-вторых, исходя из единообразных

требований к величине строений, их этажности и т. п., вытекающих из содержания генеральных планов, за осуществление которых местные Советы несут полную ответственность; в-третьих, в связи со все более расширяющейся практикой возложения функций единого заказчика по жилищному, коммунальному и культурно-бытовому строительству на исполнительные комитеты; в-четвертых, согласно предоставленным местным Советам в соответствии со ст. 147 Конституции СССР в пределах их полномочий функций по обеспечению комплексного экономического и социального развития на их территории, координации и контролю деятельности предприятий, организаций и учреждений и организаций вышестоящего подчинения в области строительства, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения. Местным Советам, таким образом, согласно Конституции СССР 1977 г. принадлежит координирующая роль в объединении и направлении усилий всех расположенных на их территории предприятий, учреждений и организаций по комплексному развитию местного хозяйства.

Поскольку объединение и направление работы общесоюзных и союзно-республиканских министерств и государственных комитетов отдельными предприятиями и объединениями, находящимися в союзном подчинении, возложено, как сказано в ст. 135 Конституции СССР, на Совет Министров СССР, а в союзных республиках по отношению к союзно-республиканским министерствам и государственным комитетам, а также республиканским министерствам, предприятиям и объединениям, находящимся в республиканском подчинении,— на Советы Министров союзных республик, то министерства, государственные комитеты, отдельные предприятия и объединения союзного и республиканского подчинения, являясь органами отраслевого управления, вступают в отношения с органом общей компетенции местного Совета — исполкомом — не непосредственно, а на основе акта высшего исполнительно-распорядительного органа государственной власти — Совета Министров СССР или Совета Министров союзной республики, определяющего основы их взаимоотношений в процессе использования совместных средств. При этом характер отношений, возникающих в процессе долевого участия в строительстве между местными Советами и министерствами, государственными комитетами, отдельными предприятиями и объединениями, и обусловленная им ответственность сторон определяются источником финансирования. Так, если министерства, государственные комитеты, предприятия и объединения нарушают свои обязательства, зафиксированные в «протоколах согласования», не выделяя или выделяя несвоевременно средства на строительство, то они несут ответственность, вытекающую из гражданско-правовых или хозяйственных отношений. Поэтому влияние местных Советов на деятельность, вытекающую из договора, ограничено. По существу оно может быть сведено к

контролю за своевременным выполнением исполкомом своих договорных обязательств.

На практике министерства, государственные комитеты, предприятия и объединения, как правило, вовремя выделяя средства на жилищное строительство, часто не ассигнуют их на строительство объектов социально-культурного, коммунального и бытового назначения, в результате чего готовые к эксплуатации объекты сдаются с опозданием. Между тем ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» признали необходимым, чтобы союзные министерства и ведомства вместе со средствами на жилищное строительство передавали местным Советам соответствующие ассигнования и на возведение детских дошкольных учреждений [см. 2, 1957, № 9, ст. 102].

Было обращено внимание на недоступность диспропорции между жилищным и коммунальным строительством и в решениях XXV съезда КПСС. В докладе А. Н. Косыгина подчеркивалось, что «при разработке пятилетнего плана Госплану СССР, госпланам союзных республик, строительным министерствам необходимо обратить особое внимание на правильные пропорции между жилищным и коммунальным строительством и не допускать запаздывания в строительстве водопроводов, газовых сетей, городского транспорта, предприятий торговли» [1, с. 122]. Для разрешения указанной проблемы достаточно важным представляется выяснение характера отношений, возникающих между местными Советами и министерствами, государственными комитетами, предприятиями и объединениями в процессе использования средств, выделяемых на строительство объектов социально-культурного, бытового и коммунального назначения.

Жилищное строительство, осуществляемое за счет кооперированных средств нецентрализованных источников финансирования, неотделимо от социально-культурного строительства, сооружения различного рода коммуникаций (водопроводных, канализационных, газовых, тепловых сетей), которые возводятся местными Советами для всех объектов — производственных и жилых, независимо от источников финансирования и ведомственной подчиненности. При этом источником финансирования данных объектов могут быть нецентрализованные (в этом случае обязательства министерств, государственных комитетов, предприятий и объединений по своевременному их выделению должны быть определены в «протоколах согласования») и централизованные капиталовложения.

В первом случае между местными Советами и министерствами, государственными комитетами, предприятиями и объединениями в процессе использования выделенных средств возникают гражданско-правовые, или хозяйственные, отношения, во-втором — административно-правовые, точнее, финансово-

правовые, отношения. В этой связи, очевидно, недостаточно убедительным представляется вывод о том, что совершенствованию форм участия предприятий, министерств и ведомств в жилищно-коммунальном и социально-культурном строительстве в районах и городах должно служить применение хозяйственного договора в отношениях между Советом и этими объектами. Подобный вывод аргументируется тем, что по своей природе указанные отношения, в какой-то степени регулируемые ныне протоколом, являются хозяйственными, вытекающими из плана, и их урегулирование хозяйственным договором обеспечит более четкие взаимные обязанности сторон, необходимую юридическую ответственность и арбитражную защиту.

Если согласиться с этим предложением, то следует признать во взаимоотношениях исполкомов местных Советов с министерствами, государственными комитетами, предприятиями и объединениями наличие в полном объеме хозяйственных либо гражданско-правовых отношений, специфической особенностью которых является равенство сторон. Однако названные отношения возникают лишь в процессе объединения средств децентрализованных источников на началах долевого участия в строительстве жилья в соответствии с договором о совместной деятельности между местными Советами и государственными предприятиями, на которые распространяется действие Положения о производстве, и объединениями (комбинатами).

Что касается долевого участия министерств и ведомств (а с их разрешения — и подчиненных предприятий) за счет централизованных капиталовложений, выделяемых на строительство объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения (которые специально определены в приведенных выше постановлениях правительства), а также отношений исполкомов местных Советов с министерствами, государственными комитетами, предприятиями и объединениями по всем остальным вопросам, связанным со строительством этих объектов, то, во-первых, в этих случаях в основе взаимоотношений местных Советов с упомянутыми министерствами, ведомствами и предприятиями лежат административно-правовые отношения, особенностью которых является неравенство сторон. При этом руководящая роль принадлежит местным органам власти в пределах предоставленных им законами прав.

Во-вторых, согласование мероприятий и объединение средств (кроме децентрализованных источников финансирования) оформляются не гражданско-правовым или хозяйственно-правовым актом, а решением исполкома, который заключает отношения между ним и указанными объектами вышестоящего подчинения в русле административно-правовых отношений. Законодательство же о местных Советах предусматривает, что акты исполкомов, принятые в пределах представления им полномочий, обязательны для исполнения всеми расположенными

на их территории органами, должностными лицами и гражданами. Установлены и гарантии осуществления этих актов.

В-третьих, именно местные Советы на своем уровне обязаны обеспечить правильное сочетание отраслевого и территориального начал в руководстве и планировании, что позволяет пресекать ведомственную разобщенность и ограниченность органов управления вышестоящего подчинения.

Как же местным Советам объединить различные источники финансирования капиталовложений, выделяемых на жилищное, социально-культурное, коммунальное и бытовое строительство? На наш взгляд, существует три направления совершенствования деятельности Советов в этой области, взаимно дополняющие друг друга.

Первое состоит в строгом соблюдении сторонами своих прав и обязанностей, обусловленных договором. В особенности это относится к обязанности участников своевременно и в полном объеме вносить средства, необходимые для достижения оговоренной в договоре цели. К сожалению, как показывает практика, исполкомы местных Советов вместо обращения в суд или арбитраж при нарушении этой обязанности министерствами, государственными комитетами, объединениями и предприятиями затевают с ними ненужную переписку. Очевидно, необходимо перейти от оформления «протоколов согласования» к заключению договоров в полном соответствии с нормами гражданского права, определяющих взаимные права и обязанности участников, которые вытекают из их совместной деятельности. Точное установление в них всего объема прав и обязанностей сторон создаст необходимые предпосылки для реальной судебной или арбитражной защиты в случае нарушения договора одним из его участников.

Второе направление заключается в изыскании способа объединения показателей по долевному участию и показателей, вытекающих из централизованных источников финансирования. Они должны быть состыкованы не только в генеральном плане. Представляется правильным, чтобы показатели по долевному участию министерств, государственных комитетов, предприятий и объединений по жилищному и социально-культурному строительству и средства, выделяемые министерствами и ведомствами из централизованных источников финансирования на строительство объектов жилищного, социально-культурного, бытового и коммунального строительства, включались как в генеральный, так и в перспективный комплексный план экономического и социального развития района, города и области, а также в годовые планы экономического и социального развития.

Третье направление сводится к увязке с помощью норм права всех нормативных актов, регулирующих на разных уровнях деятельность местных Советов и указанных объектов

вышестоящего подчинения в процессе кооперирования средств, направляемых на строительство объектов жилищного, социально-культурного, коммунального и бытового назначения. Основы таких взаимоотношений, как известно, заложены в законах о местных Советах, в отдельных постановлениях правительства, однако они не замыкаются на актах министерств и ведомств. Действительно, местный Совет вправе решать вопросы о совместном использовании средств, выделяемых на такое строительство, предприятиями, организациями и учреждениями вышестоящего подчинения только с их согласия [см. 3, п. «е» ст. 15]. На практике же министерства и ведомства ни одним нормативным актом не обязываются оказывать в этом вопросе помощь местным Советам. В данном случае до конца не срабатывает механизм правового регулирования, а существующие ведомственные барьеры становятся главной помехой на пути разрешения затронутого вопроса. По-видимому, в нормативных актах министерств и ведомств должны быть определены гарантии выполнения тех обязанностей, которые берут на себя эти органы, выражая согласие участвовать в кооперировании средств, выделяемых на строительство. Такой гарантией, в частности, могло быть точное установление сроков выделения указанных средств. Для обеспечения выполнения мероприятий по строительству, определенных в генеральных планах застройки, Госплан союзной республики должен в нормативном порядке определить единые для всех министерств и ведомств республики сроки выделения средств на жилищное, социально-культурное, коммунальное и бытовое строительство, осуществляемое местными Советами.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 2. СП СССР. 3. Закон о городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся Украинской ССР, принятый Верховным Советом Украинской ССР восьмого созыва 15 июля 1973 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными Указами Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 29 марта и 29 октября 1973 г.). Законы о районном, городском, районном в городе, поселковом, сельском Советах депутатов трудящихся Украинской ССР. Киев, Политиздат Украины, 1975. 328 с. 4. Москаленко И. М., Красько И. Е., Гайворонский В. Н. Юридический справочник хозяйственника. Харьков, Вища школа, 1977. 134 с.

Н. И. Панов, канд. юрид. наук

ПОНЯТИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Проблеме способа совершения преступления криминалисты уделяют большое внимание, хотя единства взглядов по вопросу о понятии способа совершения преступления среди них нет. Между тем данное понятие способа совершения преступления

имеет большое теоретическое и практическое значение. В нем выражаются наиболее общие и существенные признаки, которыми обладают все конкретные способы отдельных преступлений. Поэтому выяснение общего понятия способа совершения преступления важно как для определения конкретных способов отдельных преступлений, так и для установления их содержания и уголовно-правового значения.

Наиболее распространено мнение, согласно которому способ рассматривается как определенная форма выражения преступного действия или бездействия [см. 1, с. 181; 12; с. 3—4; 13, с. 57—62]. С таким решением вряд ли можно согласиться. Если под термином «форма» в его общеупотребительном значении понимать «наружный, внешний вид явления или предмета», то толкование способа как формы совершения преступления приводит к отождествлению самого действия (бездействия) и способа его совершения, поскольку с внешней, наружной стороны преступление выражается, как известно, в общественно опасном действии или бездействии. Неприемлемо критикуемое определение способа совершения преступления и в том случае, если под формой, как философской категорией, понимают внутреннюю структуру, связь, способ организации и взаимодействия отдельных частей, элементов и процессов как между собой, так и с внешними условиями [см. 15, с. 190—197]. Философская категория формы более применима для характеристики общественно опасных деяний определенного вида, описываемых в уголовно-правовой норме в качестве преступления. В диспозиции нормы законодатель учитывает форму проявления преступлений данного вида вовне, выделяет наиболее существенные их признаки, которые отражают определенную общественно вредную закономерность. Структура, внутренняя связь этих признаков, к которым можно отнести признаки, характеризующие преступное действие (бездействие): способ его совершения, место, время, обстановку совершения преступления и др., с учетом характера и содержания общественных отношений, на которые направлены посягательства данного вида, образуют форму совершения преступлений. Так, в законе установлены формы хищений социалистического имущества, причем в основу выделения тех или иных форм хищения (кража, грабеж, разбой и др.) положен способ совершения хищения. Следовательно, здесь способ выступает не как форма преступного действия, а как структурный признак, определяющий соответствующую форму проявления действия и преступления в целом.

В криминалистике способ совершения преступления иногда рассматривают как отдельные комплексы действий [см. 2, с. 65], как единый комплекс действий [см. 10, с. 65] или как систему действий, применяемых лицом для совершения преступления [см. 4, с. 10]. Но такое определение способа совершения преступления является чрезмерно широким, не показывает особеннос-

тей, которыми способ отличается от преступного действия, слагающегося, например, из нескольких поведенческих актов, которые направлены на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны. В. Н. Кудрявцев отмечает, что иногда из-за особенностей конкретного преступления то, что мы называем преступным действием, включает фактически несколько действий виновного [см. 9, с. 70]. Сюда могут быть отнесены продолжаемые преступления, составные или же сложные преступления, преступления, действия которых слагаются из двух или более актов (например, спекуляция). В этих случаях преступное действие представляет собой единый комплекс или же систему действий, осуществляемых лицом для совершения преступления. Таким образом, в приведенных определениях способ совершения преступления и преступное действие фактически отождествляются.

Развивая позицию авторов, полагающих, что способ совершения преступления — это система или же комплекс действий, применяемых лицом для совершения преступления, И. Ш. Жордания определяет способ как систему взаимосвязанных, целенаправленных актов поведения, действий, операций, приемов, движений, применяемых лицом при совершении преступления [см. 3, с. 12—20, 90]. При этом движения, по мнению И. Ш. Жордания, выступают способом выполнения приемов. Совокупность приемов служит способом осуществления операций. Система операций (элементарных поведенческих актов, входящих в состав действия) является способом совершения действий и т. д. Отсюда делается вывод о том, что «у каждого способа имеются свои способы», «каждый способ осуществляется разными способами» [3, с. 17—18]. Данная позиция по существу не отличается от ранее рассмотренной, поскольку способ здесь сводится к сумме поведенческих актов, образующих в совокупности преступное действие. Особенность же ее состоит в том, что менее простая операционная единица признается способом (средством) выполнения более сложной операции. Подобное «анатомизирование» действия на мелкие составляющие его части с определением — какая из этих частей является способом совершения другой — представляется искусственным. В этом случае в любом преступлении может выделяться множество способов, каждый из которых, как и все они вместе взятые, не может свидетельствовать ни о фактических, ни о социальных свойствах преступления.

Иногда под способом совершения преступления понимают дополнительное деяние вспомогательного, служебного по отношению к основному деянию характера и определяют его как предусмотренное законом и существенно повышающее общественную опасность основного деяния умышленное использование виновным дополнительных сил, факторов, облегчающих совершение преступного деяния [см. 7, с. 5—9]. Однако такое сочета-

ние деяний имеет место далеко не всегда. Зачастую способ совершения преступления не составляет «дополнительного действия» по отношению к «основному», а внутренне присущ самому действию, обуславливает последнее и является при этом его наиболее существенным признаком. Например, тайное похищение — при краже, открытое похищение — при грабеже, особая жестокость или опасность для жизни многих лиц — при убийстве и т. п. В таких случаях отсутствует «вспомогательное» действие, которое выступало бы в качестве способа совершения преступления, а само преступное деяние характеризуется тем или иным способом его осуществления. Следовательно, приведенная точка зрения необоснованно суживает понятие способа совершения преступления.

Более предпочтительной представляется позиция В. Н. Кудрявцева, который трактует способ совершения преступления как определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом для совершения преступления. Такое понимание способа совершения преступления соответствует и этимологическому значению термина «способ», под которым разумеют «образ действия, прием, метод осуществления чего-либо, тот или иной порядок действия, метод в исполнении какой-нибудь работы в достижении какой-нибудь цели». Из изложенного вытекает и служебная роль способа совершения преступления. Он характеризует преступное деяние с качественной его стороны, указывает, как, каким образом выполнено предусмотренное законом общественно опасное действие (бездействие), какие именно приемы и движения произведены, каковы их порядок и последовательность, в отношении каких материальных предметов они совершены. Следовательно, способ совершения преступления выступает в роли признака, характеризующего качественное своеобразие преступления и показывающего его индивидуальные особенности, которые присущи действию в конкретном преступлении. Так, завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием свидетельствует о качественном своеобразии действия при мошенничестве, которое отличается, например, от преступного действия при хищении путем кражи, грабежа, присвоения, растраты и т. п.

Способ совершения преступления, являясь объективной характеристикой действия и его неотъемлемым признаком, в то же время не может быть с ним отождествлен, не совпадает с ним по содержанию. Анализируя соотношение действия и способа его выполнения, А. Н. Леонтьев отмечает: «...Помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не са-

мой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения» [11, с. 107]. Действия соотносительны целям, способы же осуществления действий — условиям достижения цели. Допустим, что цель остается той же самой, условия же, в которых она дана, изменяются; тогда меняется именно и только операционный состав действия, т. е. способ его осуществления. Следовательно, в структуре действия выделяются процессы, подчиняющиеся сознательным целям, и операции — способы осуществления действия, которые непосредственно зависят от объективно-предметных условий достижения конкретной цели [см. 11, с. 107—109].

Таким образом, тот или иной способ совершения преступления свидетельствует прежде всего о соответствующих объективно-предметных условиях, в которых осуществляется преступное действие. Эти условия, к которым могут быть отнесены объект, предмет преступления а также место, время, обстановка и средства его совершения, в свою очередь, существенным образом влияют на способ, выступают его детерминантами, т. е. определяют соответствующий образ действия, обуславливают порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении преступления. В связи с этим нельзя согласиться с теми авторами, которые включают место, время, обстановку и другие указанные обстоятельства в содержание способа совершения преступления [см. 4, с. 10; 3, с. 27]. Эти обстоятельства лишь детерминируют соответствующий способ преступного действия, но не могут входить в его содержание как составные части, поскольку в противном случае способ будет отождествлен с объективной стороной преступления [см. 5, с. 335].

Способ совершения преступления представляет собой внутренне присущее ему операционное, динамическое своеобразие исполнения действия. Так, для телесных повреждений, убийства, побоев характерен преимущественно насильственный способ действий; для приписок и других искажений отчетности, контрабанды — обман и т. п. Здесь способ принадлежит непосредственно действию, «скрыт» в нем, является важнейшей характеристикой действия, свидетельствующей о его качественном своеобразии.

Иногда как способ совершения преступления может выступать и отдельное действие, например, физическое насилие или угроза при изнасиловании, обман при уклонении от очередного призыва на действительную военную службу и т. д. Однако способ и в таких случаях представляет собой не нечто самостоятельное, отдельно стоящее от преступного действия, а один из важнейших его признаков, характеризующих качественное своеобразие исполнения действия, признаваемого преступлением. Здесь действие, выступающее как способ совершения преступления, включается в некоторое другое действие, более высокого

уровня в качестве обслуживающего его, и, являясь условием совершения последнего, составляет с ним нер азрывное единство.

Способ совершения преступления характерен прежде всего для преступного действия, как активного, волевого общественно опасного поведения лица. Он и свидетельствует о том, каким образом лицо совершает общественно опасное действие, какие приемы, методы и средства оно применяет для этого. Таким образом, речь о способе совершения преступления может идти лишь применительно к стадии исполнения действия, т. е. к исполнительской деятельности, когда лицо выполняет соответствующее действие, предусмотренное уголовным законом в качестве преступления. В этой связи нельзя согласиться с теми авторами, которые в содержание способа включают и действия, заключающиеся в подготовке или в сокрытии преступления [см. 4, с. 10; 3, с. 27—28]. Приготовление к преступлению, как известно, еще не ставит социалистические общественные отношения непосредственно в опасность причинения вреда, а создает лишь для этого необходимые условия. Приготовительные действия не являются элементом объективной стороны состава преступления, они представляют собой лишь необходимый акт, обеспечивающий совершение преступления. При каких бы то ни было подготовительных действиях нет еще самого осуществления действий, непосредственно приводящих к преступному результату. Следовательно, при приготовлении к преступлению лицо еще не начинает совершать действия, составляющего признак объективной стороны преступления, не осуществляет его. Очевидно, что если действие, предусмотренное законом в качестве преступления, еще не начало осуществляться, то, естественно, нельзя говорить и о способе его совершения. Точно так же нельзя признать, что сокрытие преступления является составной частью способа совершения преступления. Безотносительно к тому — совершены такие действия после окончания преступления либо в процессе его осуществления, они не входят в объективную сторону этого преступления (хотя могут и образовывать состав другого преступления), не входят в действие, признаваемое преступлением, в качестве составляющих его компонентов, и поэтому не могут рассматриваться как составные элементы способа совершения преступления.

Большинство криминалистов признает, что способ является признаком и тех преступлений, которые учиняются путем бездействия. Они исходят из того, что способ при бездействии имеет специфическое содержание, определяя, какие конкретно действия не совершены и какие при этом использованы силы и закономерности [см. 12, с. 8], либо выступает как образ, характер действий, не произведенных субъектом (не включил сигнализацию, не передал сообщение о выходе поезда) [см. 6, с. 9—10], или же заключается в невыполнении каких-либо обязательных действий и выполнении иных действий, не приводящих к

должным результатам, которые требовалось достичь предписанными действиями [см. 3, с. 40]. Однако представляется, что о способе совершения преступления при бездействии можно говорить лишь условно, поскольку бездействие с физической стороны — это состояние, противоположное действию, заключающееся в воздержании от совершения действий, которые лицо обязано было и могло совершить [см. 14, с. 52—61]. Бездействие, являясь негативной формой поведения человека, в целом лишено операционной, исполнительской, относящейся к способу действия сферы. Способ при бездействии может лишь свидетельствовать об источниках опасности, угрожающей правоохраняемому объекту, которую виновный должен был и мог предотвратить, либо о тех явлениях и процессах, развитие которых он использовал для причинения вреда объекту и не препятствовал их развитию, хотя обязан был и мог это сделать. Вместе с тем бездействие может иногда выступать в качестве способа, когда оно сопряжено с последующим совершением активных действий. При этом бездействие выступает в качестве приема, обуславливающего последующее совершение активных действий (например, обман, выражающийся в несообщении сведений, которые виновный должен был сообщить, сопряженный с завладением имущества при мошенничестве).

Способ тесно связан со средствами совершения преступления. Под средствами совершения преступления в уголовном праве понимают вещи, предметы, документы, механизмы, приспособления и другие предметы материального мира, применяя которые, виновный совершает преступление [см. 9, с. 85; 1, с. 188]. Избирательное использование лицом соответствующих предметов для осуществления преступления составляет своеобразный (орудийный) способ его совершения. В предметах материального мира, как средства совершения преступления, содержится определенная программа (способ) возможных действий, которые могут быть совершены путем использования этих предметов. Так, холодное и огнестрельное оружие содержит в себе возможность совершения насильственных преступлений, заведомо подложные документы — возможность совершения различного рода уголовно наказуемых обманов и т. п. Отсюда следует, что характер средств, которые использует виновный при осуществлении преступного посягательства, во многом предопределяет и характер способа совершения преступления. При этом предметы материального мира выступают как средства совершения преступления лишь при условии, что они используются для совершения преступного действия, т. е. находятся не в статическом, а в динамическом состоянии.

Способ, являясь объективным признаком действия, в то же время, как и все преступление в целом, наполнен волевым содержанием. Он служит «средством» достижения определенной цели, которая определяет характер действия и способ его

осуществления, причем целенаправленность поведения характерна не только для умышленных, но и для неосторожных общественно опасных деяний. В связи с этим представляется спорной точка зрения, согласно которой способ присущ только умышленным преступлениям [см. 2, с. 65; 7, с. 9]. Способ, как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев,— объективная характеристика действия, не зависящая от того, с какой формой вины оно совершается [см. 8, с. 71—72]. Умышленно совершая преступление, лицо сознательно избирает такой способ выполнения действия, при котором предвидит его общественно опасные последствия и желает или сознательно допускает их наступление. При неосторожности же поведение виновного характеризуется таким способом его осуществления, при котором он предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего действия, но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение, либо не предвидит этих последствий, хотя мог и должен был их предвидеть.

Таким образом, способ совершения преступления представляет собой определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, принимаемых лицом при совершении умышленных или неосторожных преступлений, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления.

Список литературы: 1. *Браинин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., Юрид. лит., 1963. 274 с. 2. *Васильев А. Н., Мудюгин Г. Н., Якубович Н. Я.* Планирование расследования преступлений. М., Госюриздат, 1957. 199 с. 3. *Жордания И. Ш.* Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, Сабчота сакартвело, 1977. 232 с. 4. *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1970. 31 с. 5. *Колесниченко А. Н.* Актуальные проблемы методики расследования преступлений.— В кн.: Вопросы государства и права.— М., 1970, с. 330—337. 6. *Колесниченко А. Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. 76 с. 7. *Кругликов Л. Л.* Способ совершения преступления (вопросы теории). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Свердловск. 1971. 18 с. 8. *Кудрявцев В. Н.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение.— Сов. государство и право, 1957, № 8, с. 60—69. 9. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М., Госюриздат, 1960. 242 с. 10. *Куранова Э. Д.* Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений.— Вопросы криминалистики, 1962, № 6—7, с. 152—167. 11. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1977. 302 с. 12. *Пономарева Н. П.* Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. Автореф. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1970. 20 с. 13. *Сухарев Е. А.* Оптимальное отражение способа совершения преступлений в конкретных составах.— Сб. научных трудов, вып. 29. Свердловск, 1974, с. 57—62. 14. *Тимейко Г. В.* Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. 214 с. 15. *Шентуллин А. Л.* Категории диалектики. М., Высшая школа, 1971. 277 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ

Из ст. 160 Конституции СССР следует, что наказание, назначенное по приговору суда и в соответствии с законом, должно быть надлежащим образом исполнено. Конкретизируя это требование, ст. 54 Основ уголовного судопроизводства (ст. 403 УПК УССР, ст. 358 УПК РСФСР) устанавливает, что вступивший в законную силу приговор суда (а значит, и наказание, назначенное этим приговором) обязателен для всех государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан и подлежит исполнению на всей территории СССР. Таким образом, приговор суда, вынесенный именем государства, приобретает особое качество, заключающееся в том, что его выводы и предписания получают общеобязательный характер, становятся законом для данного конкретного случая и порождают обязанность прежде всего самого осужденного отбыть назначенное ему наказание. Невыполнение этой обязанности, уклонение осужденного от наказания наносит существенный вред делу борьбы с преступностью, осуществлению общей и специальной превенции, препятствует отправлению правосудия и является по существу нарушением закона, которое должно влечь ответственность.

Поскольку эффективность и предупредительное значение наказания достигаются, как известно, не только и даже не столько его назначением, сколько исполнением последнего, иначе говоря, находятся в прямой зависимости от того, как оно исполняется, большое значение приобретают и средства, с помощью которых можно предупредить уклонение от наказания и вести борьбу с подобными деяниями. В качестве одного из средств (гарантий) исполнения наказания служит установление в уголовном законе особой группы санкций за уклонение осужденного от отбывания наказания.

С точки зрения охраны их исполнения уголовно-правовыми санкциями все виды наказаний могут быть разделены на три группы. К первой относятся наказания, уклонение от которых закон рассматривает как самостоятельное преступление в Особенной части УК. Это лишение свободы, ссылка, высылка. С определенной долей условности сюда же можно отнести направление в дисциплинарный батальон и конфискацию имущества. Во вторую группу входят наказания, ответственность за уклонение от которых регулируется нормами Общей части УК. Это исправительные работы, штраф, обязанность загладить причиненный вред. Наконец, третья группа включает в себя наказания, исполнение которых вообще не охраняется уголовно-правовыми санкциями. Это лишение права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью¹, увольнение от должности, общественное порицание, лишение воинского или специального звания, лишение родительских прав.

Первая группа. Среди наказаний этой группы обращает на себя внимание своеобразная конструкция санкций в ряде УК за уклонение от ссылки и высылки. Во всех УК побег с места ссылки и самовольное возвращение высланного законодатель поместил в главу Особенной части УК о преступлениях против правосудия (ст. 184, 185 УК УССР, ст. 186, 187 УК РСФСР), придав им тем самым значение самостоятельного состава преступления. Специфика этих преступных деяний состоит в том, что они совершаются во время отбывания наказания (ссылки или высылки), ранее назначенного приговором. Следовательно, здесь всегда имеет место стечение нескольких приговоров — совокупность приговоров, что логически влечет необходимость применения специальных правил назначения наказания по нескольким приговорам, закрепленных в ст. 36 Основ (ст. 43 УК УССР, ст. 41 УК РСФСР). Однако анализ санкций, установленных за уклонение от ссылки и высылки в ряде УК союзных республик, свидетельствует, что правила назначения наказания по нескольким приговорам не могут быть здесь применены. Так, в УК Армянской, Латвийской, Узбекской и Украинской ССР за уклонение от ссылки и в УК РСФСР, Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР за уклонение от высылки в санкциях соответствующих статей установлены особые правила замены ссылки лишением свободы и высылки ссылкой на неотбытый срок, что исключает возможность назначения наказания по нескольким приговорам.

В литературе справедливо отмечается, что такой порядок по существу означает поглощение неотбытого наказания и поэтому не согласуется с общими правилами назначения наказания по нескольким приговорам [см. 6, с. 124—125], поскольку правила назначения наказания по нескольким приговорам установлены в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 36), вследствие чего они носят всеобщий и обязательный характер. В связи с этим какое-либо отступление от этих правил в Особенной части УК, не оговоренное в Основах, не соответствует положениям общесоюзных законов. Кроме того, такое решение вопроса о наказуемости уклонения от ссылки и высылки ведет также к логическому противоречию между диспозицией и санкцией соответствующей статьи. С одной стороны, в диспозиции описывается деяние, отвечающее всем признакам самостоятельного состава преступления, что подтверждается и включением данной нормы в Особенную часть УК, с другой — конструкция санкции сводит фактически на нет предписание диспозиции, поскольку исключает возможность назначения на-

¹ В дальнейшем — лишение права занимать определенные должности.

казания по правилам ст. 36 Основ, установленным именно для случаев совершения преступления лицом, отбывающим наказание по предыдущему приговору.

Наконец, такая конструкция санкции предопределяет в какой-то степени и решение суда о мере наказания за побег с места ссылки или за самовольное возвращение высланного, что лишает санкцию самостоятельного характера, не согласуется с общими началами назначения наказания и принципами его индивидуализации. Для устранения создавшегося положения необходимо придать санкциям соответствующих статей УК самостоятельный характер, приведя их в соответствие с требованиями ст. 36 Основ.

Вопрос об ответственности за уклонение от отбывания наказания в дисциплинарном батальоне прямо не решен в уголовном законе. Не ставя перед собой задачу разрешения этой проблемы, отметим, что здесь возникает вопрос о соотношении воинского и общеуголовного преступлений, в частности о разграничении уклонения от несения воинской службы и преступления против правосудия.

Специалисты, исследующие данную проблему, указывают, что поскольку осужденный к направлению в дисциплинарный батальон остается военным служащим, он за всякое уклонение в зависимости от целей и продолжительности самовольного оставления части должен нести ответственность по закону о воинских преступлениях [см. 1, с. 151]. Тем не менее, как замечает З. Ашитов, в некоторых случаях нельзя исключать вовсе и посягательство на интересы правосудия, когда виновный преследует эту цель — совершает побег из дисциплинарного батальона или из-под стражи во время конвоирования туда, чтобы не отбывать уголовное наказание [см. 2, с. 18].

Военнослужащий, отбывающий данное наказание, находится в сфере военно-служебных отношений. Однако эти отношения, складывающиеся среди осужденных, отбывающих наказание по приговору суда, не могут быть отождествлены с военно-служебными отношениями, существующими среди военнослужащих вообще. Помимо исполнения обязанностей по военной службе такие осужденные отбывают наказание и на них распространяются требования о соблюдении уголовного и исправительно-трудового законодательства. Поэтому не случайно осужденные к направлению в дисциплинарный батальон содержатся под охраной вооруженного конвоя. Следовательно, при совершении побега из дисциплинарного батальона с целью уклонения от несения воинской службы и отбывания уголовного наказания содеянное может быть оценено и как уклонение от несения воинской службы, и как посягательство на интересы правосудия, поскольку виновный совершает одновременно (идеальная совокупность) воинское и общеуголовное преступления.

Уклонение от наказания, предусмотренного ст. 35 УК УССР (ст. 35 УК РСФСР) практически невозможно, поскольку конфискация имущества состоит в принудительном изъятии в собственность государства имущества, являющегося личной собственностью осужденного и исполнение этого наказания не зависит от волеизъявления осужденного. Однако возможны случаи, когда имущество, подвергнутое аресту или описи и явившееся впоследствии предметом конфискации, было растрчено или сокрыто лицом, которому оно было вверено. Таким лицом может быть и виновный, в отношении которого суд избрал конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания. Растрата или сокрытие имущества выступает здесь в качестве своеобразного вида уклонения от наказания, ответственность за которое установлена ст. 182 УК УССР (ст. 185 УК РСФСР).

Вторая группа. В нее входят наказания, ответственность за уклонение от которых установлена в Общей части УК в виде замены первоначально назначенного наказания более строгим в порядке исполнения приговора (ст. 410 УПК УССР, ст. 365 УПК РСФСР).

Многие авторы справедливо отмечают, что такой способ регулирования ответственности за уклонение от наказания нельзя признать удовлетворительным, во-первых, потому, что лицо может быть признано виновным и подвергнуто наказанию только по приговору суда (ст. 160 Конституции СССР, ст. 3 Основ уголовного законодательства) [см. 3, с. 104]. При этом предполагается, что речь идет о деянии, предусмотренном конкретной нормой Особенной, а не Общей части УК (ст. 7 Основ). Между тем составы уклонения от наказаний названных выше видов в Особенной части УК не фигурируют. Анализ ст. 30 УК УССР (ст. 28 УК РСФСР), например, свидетельствует, что в Общей части УК по существу сформулирован специальный деликт уклонения от отбывания наказания, наделенный всеми признаками самостоятельного состава преступления и снабженный своеобразной санкцией. Не случайно Пленуму Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июля 1972 г. «О практике применения судами исправительных работ без лишения свободы» пришлось, практически восполняя закон, подробно описать признаки злостного уклонения от отбывания исправительных работ [см. 4, с. 17—18]. Этот деликт аналогичен по своей юридической природе преступлениям, предусмотренным ст. 183—185 УК УССР (ст. 186—188 УК РСФСР). Как по характеру и степени общественной опасности, так и по своей направленности уклонение от отбывания исправительных работ — это преступление против правосудия и место данной нормы в соответствующей главе Особенной части УК.

Однако в настоящее время, когда ответственность за уклонение от отбывания ряда наказаний регулируется нормами Общей части УК, практически получается, как справедливо отмечают

В. М. Галкин и М. И. Блум, что уголовно-правовые санкции устанавливаются законом не только за деяния, оцениваемые им как преступные, но и за иные неправомерные действия, а уголовно-правовой запрет не сводится к обязанности воздержания от преступлений. Отсюда, вопреки сложившемуся представлению, вытекает, что по действующему закону понятия преступления и уголовно-противоправного деяния не совпадают. Положение обстоит так, что уголовно-правовое воздействие предусматривается за деяния, не признаваемые законом преступлениями [см. 5, с. 16—17].

Во-вторых, установление в Общей части УК ответственности за уклонение от отдельных видов наказания приводит к включению в нее норм, ей не свойственных, что нарушает структуру (системность) и логическую стройность закона.

В-третьих, при критикуемом порядке привлечения к ответственности за уклонение от наказания ранее вынесенный и вступивший в законную силу приговор суда заменяется определением той же судебной инстанции, что противоречит процессуальной «субординации» судебных актов.

Целесообразно внести изменения в закон с тем, чтобы уклонение от наказания любого вида рассматривалось как самостоятельное преступление в Особой части УК, как это имеет место, например, в большинстве УК зарубежных социалистических государств (ст. 238 УК КНДР 1950 г.; §171 УК ЧССР 1961 г.; § 237, 238 УК ГДР 1968 г.; ст. 297—300 УК НРБ 1968 г.; ст. 256, 257, 259 УК ПНР 1969 г.).

Третья группа. Что касается данной группы, то наряду с наказаниями, уклонение от которых практически невозможно (например, общественное порицание, увольнение от должности), поскольку их исполнение полностью определяется деятельностью соответствующих государственных органов и не зависит от поведения осужденного, сюда входит и лишение права занимать определенные должности.

Как показывают исследования, данное наказание обладает значительным арсеналом карательно-воспитательных средств и превентивных возможностей [см. 9]. Однако для достижения поставленных перед ним целей крайне важно, чтобы не только само наказание обладало достаточными потенциальными возможностями, но и имелись правовые гарантии их реализации. Между тем практика свидетельствует, что исполнение лишения права занимать определенные должности в настоящее время страдает рядом существенных недостатков, которые объясняются прежде всего отсутствием норм, регулирующих порядок его исполнения. Министр юстиции СССР В. И. Теребилов в одном из своих выступлений прямо отмечал, что в настоящее время учет лиц, осужденных к данному виду наказания, не ведется и никто фактически не следит, где и кем эти лица работают, чем занимаются после вынесения приговора [см. 7, с. 6]. В связи с этим

в литературе неоднократно высказывались предложения по совершенствованию порядка исполнения этого вида наказания, в первую очередь, путем создания правовых (законодательных) гарантий его исполнения [см. 8]. Представляется, что одной из таких гарантий явилось бы и устачовление в законе ответственности за уклонение от отбывания лишения права занимать определенные должности. В настоящее время уклонение от подавляющего большинства срочных видов наказаний влечет, как было показано выше, уголовную ответственность. Более того, такая ответственность установлена даже за уклонение от мер административного принуждения (побег из лечебно-трудового профилактория, злостное уклонение от административного надзора). Между тем исполнение рассматриваемого вида наказания не охраняется уголовно-правовыми санкциями, хотя уклонение от его отбывания причиняет не менее значительный вред интересам социалистического правосудия, чем, скажем, побег из лечебно-трудового профилактория (ст. 186 УК РСФСР) или из специального учебно-трудового учреждения (ч. 3 ст. 167 УК Узбекской ССР) либо даже уклонение свидетеля от дачи показаний (ст. 179 УК УССР).

Довольно распространенными в связи с этим являются и случаи уклонения от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности. Для примера достаточно сослаться на результаты проверки, проведенной в Калининградской области. Здесь было установлено, что из числа лиц, освобожденных из мест лишения свободы в 1961—1970 гг. и лишенных права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания за хищения, лишь 42% остались проживать в этой области. Поэтому данные об исполнении дополнительного наказания в отношении 58% лиц, выехавших в другие районы страны, вообще отсутствовали. Что же касается 42% обследованных, то почти половина из них на момент проверки уклонялись от отбывания наказания, поскольку занимали материально-ответственные должности, являлись счетными работниками, бухгалтерами, а в отдельных случаях даже находились на прежней работе, где ранее ими были совершены хищения [см. 10, с. 2].

Все это свидетельствует, что нет никаких оснований исключать лишение права занимать определенные должности из числа наказаний, уклонение от которых влечет уголовную ответственность для виновных. Установление такой ответственности явилось бы не только одной из эффективных гарантий его исполнения, но и представляется особенно актуальным в интересах профилактики хищений, хозяйственных, должностных, транспортных и ряда других преступлений. Предложение об установлении уголовной ответственности за злостное уклонение осужденного от отбывания этого наказания поддерживают и практические работники. В частности, при анкетном опросе судей в пользу такого предложения высказалось подавляющее большинство (88,3%). Норма об ответственности за уклонение от рассматриваемого вида наказания была известна советскому уголовному законодательству (см. ст. 197—1 УК УССР 1927 г. в редакции от 15 января 1928 г.). Такая

ответственность установлена и в ряде зарубежных социалистических государств (ст. 238 УК КНДР 1950 г.; § 238 УК ГДР 1968 г.; ст. 259 УК ПНР 1969 г.).

Приведенные соображения дают основания считать целесообразным дополнение главы УК о преступлениях против правосудия нормой об ответственности за злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Список литературы: 1. *Ахметшин Х. М., Васильев Н. В., Кудрявцев В. Н., Шанин В. И.* Воинские преступления. М., Изд-во Военно-Политической Академии, 1970. 285 с. 2. *Ашитов З.* Вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности. (Соотношение воинских и общеуголовных преступлений). Алма-Ата, 1976. 184 с. 3. *Болдырев Е. В., Галкин В. М.* Уголовно-правовые санкции.— Тр. ВНИИСЗ. Проблемы совершенствования советского законодательства, 1976, № 6, с. 98—110. 4. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 17—18. 5. *Галкин В. М., Блаун М. И.* Уголовно-правовой запрет.— Межведомственный сборник научных трудов Латвийского ун-та. Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Рига, 1978, с. 3—19. 6. *Гореллик А. С.* Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975. 272 с. 7. Задачи органов юстиции и судов в свете решений декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС.— Соц. законность, 1974, № 6, с. 6—7. 8. *Ключко Г., Тютюгин В.* Виконання вироку щодо позбавлення права займати певні посади або займатися певною діяльністю.— Рад. право, 1975, № 6, с. 75—78. 9. *Махоткин В. П.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1971. 18 с. 10. Социалистической собственности — всемерную охрану.— Сов. юстиция, 1973, № 14, с. 2—3.

В. Я. Таций, канд. юрид. наук

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Коммерческое посредничество — одно из опасных хозяйственных преступлений, причиняющих серьезный вред принципам планового распределения материальных ресурсов и оплаты по труду в социалистическом обществе. Поэтому успешная борьба с ним имеет важное значение в деле укрепления и охраны социалистической системы хозяйства. Изучение судебной практики по делам об ответственности за коммерческое посредничество (ст. 151 УК УССР) свидетельствует о том, что при применении этого закона (статьи) возникают значительные трудности, которые нередко приводят к неправильной квалификации преступных деяний и другим нарушениям закона. Они вызваны главным образом тем, что до настоящего времени отсутствует четкое представление о самом понятии и признаках состава коммерческого посредничества, отграничении его от смежных преступлений и т. д.

Решение всех этих вопросов имеет важное значение для правильного применения ст. 151 УК УССР и, следовательно, успеш-

ной борьбы с коммерческим посредничеством. Большое влияние на совершенствование деятельности по применению рассматриваемого закона оказывает судебная практика, прежде всего деятельность Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик. Постановления и определения этих судебных органов по отдельным делам о коммерческом посредничестве являются своеобразными ориентирами (образцами) для нижестоящих судов. Значительную роль в деле борьбы с анализируемым преступлением сыграло принятое Пленумом Верховного Суда СССР постановление от 25 июня 1976 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за частно-предпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество» [см. 5, 1976, № 4, с. 15—17]. Его главным достоинством является то, что в нем даны разъяснения по вопросам, относящимся главным образом к самому понятию коммерческого посредничества. Это позволяет судить о содержании данного преступления, формах его проявления, способствует отграничению его от смежных общественно опасных деяний и т. д. Так, в п. 8 постановления отмечается, что ч. II ст. 153 УК РСФСР устанавливает ответственность за «действия, осуществляемые при наличии признаков, указанных в законе, частными лицами, оказывающими услуги или принимающими на себя обязанности по приобретению товарно-материальных ценностей для государственных, кооперативных и иных общественных организаций и граждан либо по реализации продукции или совершенствованию иных сделок коммерческого характера. В частности, коммерческое посредничество может выразиться в приобретении или сбыте продукции под прикрытием договора поручения, заключенного социалистической организацией с частным лицом, в подыскании продавцу покупателя, а покупателю продавца, в приобретении товаров для других лиц или организаций, найме помещения для торговли, оказании содействия гражданам в приобретении товаров путем продажи неоплаченных товарных чеков, посредничестве в обмене квартир и т. п.».

Отсюда следует, что Пленум Верховного Суда СССР относит к коммерческому посредничеству самую разнообразную, а не только торговую деятельность виновных, на что иногда указывалось в литературе [см. 1, с. 10; 3, с. 84]. Сказанное подтверждается и тем, что Пленум к коммерческому посредничеству относит и случаи оказания содействия в найме помещения для торговли, посредничество в обмене квартир и т. п. Так, посредничество в обмене квартир отдельным гражданам за вознаграждение часто не носит торгового характера, например, когда оказывается содействие в обмене квартир в домах местных Советов. Этот договор реализуется безвозмездно, не влечет перехода права собственности и его, следовательно, нельзя приравнивать к договору купли-продажи. По приведенным соображениям к торговому посредничеству не могут быть отнесены сделки по

найму помещения и некоторые другие виды коммерческого посредничества.

Такой же вывод сделан Верховным Судом СССР и в постановлении Пленума по делу Л., где указывалось, что коммерческое посредничество предполагает совершение различной посреднической, а не только торговой деятельности [см. 5, 1966, № 3, с. 11]. Из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г., вытекает, что коммерческое посредничество может выражаться в следующих формах:

1. Оказание содействия отдельным гражданам и социалистическим организациям в приобретении товаров. В этих случаях посредник сам не покупает товар, а только сводит покупателя с продавцом, чем содействует заключению договора купли-продажи. Такие договоры могут заключаться как между социалистическими организациями, так и между отдельными лицами или между частными лицами и социалистическими организациями.

К данной форме относятся, например, случаи оказания содействия в ускорении отправки или отгрузки оборудования, сырья, материалов и других ценностей. Отдельным гражданам посредники чаще всего оказывают содействие в приобретении дефицитных строительных материалов (кровельного железа, строительного леса, кирпича и т. д.), мебельных гарнитуров, автомашин, мотоциклов, холодильников и некоторых других товаров.

2. Оказание содействия отдельным гражданам и социалистическим организациям в сбыте принадлежащих им товаров. В этих случаях посредники, осуществляющие такое содействие, сами не продают товар, а лишь подыскивают для продавца покупателя, сводят стороны, т. е. способствуют заключению сделок торгового характера, выполняя посреднические действия в интересах продавца.

Отдельные граждане к подобному содействию посредников чаще всего прибегают тогда, когда сами не могут заниматься реализацией продукции (например, ввиду занятости по работе, инвалидности и пр.) или когда сбыт своими силами связан с определенными трудностями (отсутствие транспорта для отправки продукции на рынок и т. д.). В аналогичных случаях прибегают к помощи посредников и социалистические организации (например, когда они не осведомлены о спросе на эту продукцию или не имеют в своем штате лиц, которые бы могли без ущерба для производства заниматься ее реализацией).

Так, Л., воспользовавшись трудностями отдельных колхозов УССР с реализацией продукции, а также затруднениями орсов некоторых областей РСФСР в ее приобретении (поскольку они не имели штатных заготовителей), заключал с этими организациями трудовые соглашения, а затем, выступая в качестве пред-

ставителя, заключал между ними соответствующие соглашения по заготовке и реализации колхозной продукции. За эту деятельность он получил 22 933 р. вознаграждения [см. 5, 1966, № 3, с. 10—11].

3. Принятие на себя обязанностей по приобретению или реализации товаров, принадлежащих отдельным лицам или социалистическим организациям. При этой форме посредник наделяется более широкими полномочиями. Он по поручению продавца или покупателя сам выполняет их функции, связанные как с покупкой, так и с реализацией товаров, получая за это вознаграждение. Сюда следует отнести продажу на рынке бывших в употреблении носильных вещей, обуви, всевозможной домашней утвари. Нередко отдельные лица и колхозы прибегают к помощи посредников и для реализации различной сельскохозяйственной продукции. Принимая на себя обязанности по приобретению для организаций каких-либо товаров, посредник чаще всего занимается закупкой для колхозов и других организаций запасных частей для автомашин, тракторов и комбайнов, сравнительно недорогого оборудования, строительных материалов и др.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г. названы не все, а лишь наиболее часто встречающиеся формы проявления рассматриваемого преступления. Однако из приведенного выше определения вытекает также вывод о том, что данное преступление может выразиться и в осуществлении иных сделок коммерческого характера. Такое разъяснение имеет весьма важное значение, поскольку оно не дает никаких оснований к ограничительному толкованию закона. Действительно, практике известны и многие другие формы коммерческого посредничества, например, содействие в заключении договора обмена квартир или домостроений, договора подряда, жилищного найма и др.

Верховный Суд СССР и Верховные Суды союзных республик в своих решениях по отдельным делам неоднократно разъясняли, что коммерческое посредничество предполагает такую возмездную деятельность, которая направлена на получение нетрудового дохода. Так, М. был осужден народным судом по ст. 151 УК УССР за то, что он в соответствии с заключенными с колхозами района соглашениями выполнял их поручения по заготовке деловой древесины, за что получал вознаграждение в размере 200 р. в месяц. Наряду с этим он обеспечивал охрану леса, занимался доставкой его водным путем к железнодорожной станции и погрузкой в вагоны, давал заказы на краны и баржи, нанимал рабочих, выплачивал им заработную плату, производил расчеты с организациями и т. д. С таким решением согласился и областной суд, рассматривавший это дело в кассационном и надзорном порядке.

По протесту заместителя Генерального прокурора СССР судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР отменила состоявшиеся по делу решения и дело производством прекратила за отсутствием в действиях М. состава преступления, указав, что М. получал оплату за свой труд, а к коммерческому посредничеству относится только деятельность, связанная с выполнением виновным незаконных посреднических операций, как средство нетрудового обогащения [см. 6, 1966, № 1, с. 90]. Аналогичное решение было сформулировано и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Л. [см. 5, 1970, № 6, с. 30—31]. Эти разъяснения были основаны на прямом указании ст. 151 УК УССР, согласно которой ответственность за коммерческое посредничество наступает при совершении его в виде промысла или в крупных размерах.

Для правильного применения ст. 151 УК УССР важное значение имеет и решение вопроса о квалификации коммерческого посредничества, когда оно совершается с использованием форм социалистических организаций. В юридической литературе распространено мнение о том, что если посредническая деятельность совершается с использованием форм социалистической организации, то ответственность должна наступать по ст. 150 УК УССР [см. 2, с. 28; 4, с. 277]. Такая позиция иногда встречается и на практике. Например, Президиум Ленинградского городского суда, изменяя квалификацию преступления по делу П. с ч. 1 ст. 153 УК РСФСР на ч. II ст. 153 УК РСФСР, указал, что виновный должен нести ответственность за коммерческое посредничество, а не за частнопредпринимательскую деятельность, поскольку преступление он «осуществлял без использования государственных, кооперативных или иных общественных форм...» [5, 1972, № 4, с. 14].

Однако достоверность высказанной точки зрения вызывает серьезное возражение, и она, на наш взгляд, противоречит неоднократным разъяснениям Верховного Суда СССР. Так, в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г. указывается, что коммерческое посредничество, в частности, «может выразиться в приобретении или сбыте продукции под прикрытием договора поручения, заключенного социалистической организацией, с частным лицом...» Если учесть, что поручением является такой договор, по которому одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия (ст. 386 ГК УССР), то нетрудно заключить, что поверенный (посредник) здесь становится представителем доверителя и совершает действия не от своего имени, а от имени социалистической организации, форму («вывеску») которой и использует виновный при совершении преступления.

Обобщение практики по делам о коммерческом посредничестве свидетельствует также о том, что деятельность виновных

по оказанию различного рода услуг социалистическим организациям чаще всего связана с использованием их форм. Для сокрытия действительного характера преступной деятельности посредники во многих случаях заключают с этими организациями трудовое соглашение или иной договор, который позволяет им, прикрываясь «вывеской» этой организации (используя официальные документы, бланки, печати, расчетный счет в банке и др.), осуществлять свои преступные планы.

Например, Ф. был признан виновным в том, что он с целью извлечения нетрудового дохода оказывал содействие горпромкомбинату в заготовке спирта. В соответствии с заключенным трудовым соглашением на Ф. возлагалось «оформление по заготовке, получению и отгрузке необходимого сырья», а горпромкомбинат был обязан оплатить ему за заготовку и отгрузку из расчета 15 к. за каждый доставленный литр спирта-рекуперата. Для осуществления этих действий Ф. получил от горпромкомбината все необходимые документы. Хотя посредник в данном случае действовал от имени горпромкомбината и прикрывал действительный характер своей деятельности формой социалистической организации, Пленум Верховного Совета СССР обоснованно признал здесь состав коммерческого посредничества [см. 5, 1967, № 6, с. 25—27].

Аналогичный вывод о квалификации сформулирован и в обзоре судебной практики по делам о коммерческом посредничестве при анализе дела Д., который в целях личного обогащения оказывал содействие ряду колхозов Алтайского края по поставке им деловой древесины и цемента. В соответствии с трудовыми соглашениями, заключенными с колхозами, Д. было выплачено из расчета 10 р. за каждый поставленный кубометр леса за семь месяцев 25 699 р. Отбыв назначенное судом наказание, он вновь совершил такое же преступление, получив вместе с соучастником 21 200 р. нетрудового дохода. С целью реализации этих соглашений ему выдавались чистые бланки с подписями руководителей учреждений, доверенности и другие документы, что дало ему возможность официально выступать от имени социалистических организаций, скрывать действительный характер совершаемых действий и создавать видимость их законности. Несмотря на то, что заключенные соглашения с колхозами явились лишь прикрытием для осуществления преступления и оно фактически совершено с использованием форм социалистических организаций, Д. обоснованно и в первом, и во втором случае осуждался за коммерческое посредничество [см. 5, 1977, № 2, с. 31—32].

В связи с изложенным представляется, что при решении вопроса о квалификации посредничества, совершенного с использованием форм социалистических организаций, следует учитывать имеющуюся конкуренцию общей (ст. 150 УК УССР) и специальной (ст. 151 УК УССР) норм, при которой предпоч-

тение отдается последней. Следовательно, и в случаях совершения коммерческого посредничества с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм, оно не меняет своей сущности и ответственность должна наступать по ст. 151 УК УССР.

Коммерческое посредничество в силу разнообразия форм его проявления имеет много общего с другими смежными преступлениями, что создает иногда значительные трудности в разграничении этих деяний, порождает немало ошибок при квалификации преступных действий виновных. К таким смежным преступлениям прежде всего необходимо отнести спекуляцию и хищение государственного и общественного имущества путем мошенничества.

Вопрос о разграничении спекуляции и коммерческого посредничества возникает тогда, когда последнее выражается в сбыте или приобретении каких-либо товаров или иных предметов для социалистических организаций или отдельных граждан, а также в случаях, когда посредники принимают на себя такие обязанности. Так, К. был осужден по ч. II ст. 165 УК МССР (спекуляция) за то, что он скупал у граждан вино по 70 к. за литр, а продал его на рынке по 80 к. за литр и таким образом извлек нетрудовой доход в сумме 700 р. Материалами дела было установлено, что по просьбе колхозников с. Огородное К. продавал на рынке вино, принадлежащее им. При этом было обусловлено, что продает вино по 80 к. за литр, а собственникам выплачивает по 70 к. за литр. В связи с этим Пленум Верховного Суда Молдавской ССР по протесту Генерального Прокурора СССР переквалифицировал действия К. на ч. II ст. 163 УК МССР, справедливо указав, что виновный совершил коммерческое посредничество, поскольку занимался за вознаграждение реализацией вина, принадлежащего отдельным гражданам [см. 6, 1968, № 5, с. 89—90].

Аналогичная ошибка была допущена и при рассмотрении дела по обвинению Ш., действия которого первоначально были квалифицированы как спекуляция по ст. 154 УК РСФСР. Однако из показаний потерпевших по делу было установлено, что они, приехав в Москву и встретившись с Ш., договорились с ним о покупке ковров за соответствующее вознаграждение и передали ему для этой цели 900 р. Ш. купил для них в магазине 4 ковра, заплатив 717 р., а разницу (183 р.) получил в качестве вознаграждения.

Верховный Суд РСФСР вполне обоснованно переквалифицировал действия Ш. на ст. 153 ч. II УК РСФСР, поскольку здесь отсутствует скупка и перепродажа товаров, а виновный лишь оказывал содействие этим лицам в приобретении для них за особое вознаграждение дефицитных товаров и, следовательно, совершил коммерческое посредничество [см. 5, 1972, № 8, с. 9].

В приведенных постановлениях содержатся указания на ряд важных признаков, позволяющих разграничивать спекуляцию от коммерческого посредничества. В частности, из них видно, что при коммерческом посредничестве, в отличие от спекуляции, виновный, не являясь собственником товара, получает вознаграждение за оказание содействия в его приобретении или сбыте. Посредник, приобретая товары, покупает их на средства заказчика, а при реализации продукции не становится ни ее собственником, ни собственником ценностей, полученных от реализации товаров. Следовательно, действия К. вначале были неправильно квалифицированы как спекуляция еще и потому, что виновный не совершал скупки товаров, а продавал вино, принадлежащее другим лицам. Кроме того, если коммерческое посредничество может выражаться либо только в продаже товаров, либо только в их скупке, то спекуляция всегда предполагает наличие двух действий: скупки и перепродажи товаров или иных предметов.

Известные трудности вызывают и вопросы отграничения коммерческого посредничества от хищения государственного или общественного имущества путем мошенничества. Так, Ф. был осужден по ст. 83 ч. III УК УССР за то, что он путем обмана совершил хищение государственных денежных средств на сумму 2021 р. Вместе с тем из материалов дела усматривается, что указанная сумма была получена Ф. по заключенному им трудовому соглашению, которым на него возлагалось «оформление по заготовке, получению и отгрузке необходимого сырья», а на «Горпромкомбинат — оплатить за заготовку и отгрузку исполнителю из расчета 15 копеек за каждый литр спирта-рекуперата». Всего Ф. заготовил 175 174 л спирта и получил 2021 р. вознаграждения. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР по этому делу, которым действия Ф. были переклассифицированы на ч. II ст. 153 УК РСФСР [см. 5, 1967, № 6, с. 25—27], содержится ряд важных положений, которые позволяют сделать вывод об основных признаках, отличающих коммерческое посредничество от хищения социалистического имущества путем мошенничества.

Так, если при хищении обращение лицом социалистического имущества в свою пользу или в пользу других лиц всегда происходит безвозмездно, то при коммерческом посредничестве виновный во всех случаях получает вознаграждение за свою деятельность, которое, однако, явно не соответствует количеству и качеству затраченного труда. Кроме того, расхититель, принимая на себя посреднические обязательства, вообще не намеревается их выполнять, рассчитывая лишь таким путем завладеть социалистическим имуществом. Вместе с тем по делу Ф. было установлено (на что обращает внимание Верховный Суд СССР), что виновный как при заключении трудового соглашения, так и при его выполнении не совершал каких-либо

обманных действий, направленных на завладение государственным имуществом. Следовательно, в отличие от мошенничества при коммерческом посредничестве нет обмана как средства завладения социалистическим имуществом.

Среди опубликованных материалов практики о коммерческом посредничестве есть немало и других дел, в которых содержатся важные разъяснения Верховных Судов по вопросам правильного применения закона. Их тщательное изучение имеет важное значение для правильного применения ст. 151 УК УССР.

Список литературы: 1. *Ефимов М., Фролов Е., Шведова З.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество.— Сов. юстиция, 1961, № 9, с. 10. 2. *Леонтьев Б. М.* Ответственность за хозяйственные преступления. М., Юрид. лит., 1963. 28 с. 3. *Лысов М. Д.* О понятии коммерческого посредничества по советскому уголовному праву.— Правоведение, 1966, № 1, с. 84. 4. Советское уголовное право. Особенная часть. М., Юрид. лит., 1971. 277 с. 5. Бюллетень Верховного Суда СССР. 6. Соц. законность.

П. И. Орлов

К ВОПРОСУ О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

В юридической литературе при определении непосредственного объекта оставления в опасности нет единства мнений. Так, И. И. Горелик, обращая внимание на то, что в статье УК, предусматривающей уголовную ответственность за оставление в опасности, говорится об «опасном для жизни положении», приходит к выводу, что непосредственным объектом этого преступления является жизнь человека [см. 3, с. 4]. Сторонники приведенной точки зрения иногда уточняют эту мысль, указывая, что таким объектом выступает «жизнь человека, которой угрожает серьезная опасность» [см. 8, с. 241], или «жизнь человека, которой угрожает реальная опасность» [см. 10, с. 162]. Многие криминалисты считают непосредственным объектом оставления в опасности жизнь и здоровье человека или «жизнь и здоровье беспомощного человека» [см. 6, с. 140].

Такое понимание непосредственного объекта оставления в опасности полностью отождествляет его с объектом преступлений против жизни и здоровья. Указание закона (ст. 111 УК УССР) на «опасное для жизни положение» само по себе не предрешает вопроса об объекте преступления, а обрисовывает объективные основания уголовной ответственности за его совершение. Несостоятельна также ссылка при определении объекта на беспомощность лица, наличие реальной или серьезной опасности для его жизни, так как не исключено и

убийство беспомощного лица, находящегося в опасном для жизни положении (например, детоубийство, ответственность за которое предусмотрена ст. 97 УК УССР).

Следовательно, признание непосредственным объектом оставления в опасности жизни и здоровья человека не раскрывает особенностей тех общественных отношений, которые нарушаются при совершении этого преступления, что в свою очередь не позволяет в максимально возможной степени конкретизировать характер общественной опасности данного преступления и отграничить его от смежных с ним посягательств. Отметим, что все советские криминалисты по существу признают, что непосредственный объект оставления в опасности имеет свои специфические черты, отличные от посягательств на жизнь и здоровье человека. Так, считая непосредственный объект критерием разделения преступлений против личности на отдельные группы, они не включают оставление в опасности в группу преступлений против жизни и здоровья, а относят к преступлениям, опасным для жизни и здоровья [9, с. 141]. Последние отличаются от преступлений против жизни и здоровья тем, что «непосредственно не посягают на жизнь или здоровье людей» [9, с. 169], «непосредственно не причиняют такого вреда, как преступления против жизни и здоровья» [7, с. 58].

Признание конкретных общественных отношений непосредственным объектом преступления требует, чтобы эти отношения данным преступлением всегда нарушались или ставились в опасность нарушения [см. 5, с. 229]. Поэтому, если считать, что непосредственный объект оставления в опасности — это жизнь и здоровье человека, то необходимо установить, что во всех случаях в результате оставления в опасности именно этим отношениям всегда причиняется ущерб либо создается угроза его причинения.

Однако оставление в опасности не всегда посягает на жизнь человека, не всегда представляет для нее опасность. Например, при автопроисшествии потерпевший получает такую травму, которая по своему характеру является безусловно смертельной, и даже своевременное оказание медицинской помощи в этой ситуации не может предотвратить наступление смерти. Создается положение, при котором водитель, оставивший потерпевшего, даже при выполнении своей обязанности по оказанию помощи не мог никак повлиять на развитие вредоносных сил и предотвратить смерть потерпевшего. В подобных случаях оставивший в опасности не посягает на жизнь человека. Тем не менее, по единодушному мнению, в действиях водителя, оставившего потерпевшего без помощи в опасном для жизни положении, при наличии всех иных признаков содержится состав преступления, предусмотренный ст. 111 УК УССР.

Аналогично решает этот вопрос и судебная практика, примером чего служит дело В. Управляя автомашиной, он неви-

новно переехал 15-летнего подростка М., причинив ему смертельное повреждение. Подобрал потерпевшего, В. вместо того, чтобы доставить его в больницу, привез к себе домой, где М. вскоре скончался. Судебной коллегией Верховного Суда СССР В. был признан виновным в заведомом оставлении потерпевшего в опасном для жизни состоянии, хотя судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что своевременное оказание помощи потерпевшему не смогло бы предотвратить наступление смертельного исхода [см. 13, с. 17—18].

По такому пути идет и местная практика. Например, водитель Д. был осужден по ч. 1 ст. 111 УК, хотя по заключению судебно-медицинской экспертизы «спасти жизнь Л. при оказании своевременной специализированной медицинской помощи не представлялось бы возможным ввиду обширности травмы».

При определении основного непосредственного объекта оставления в опасности следует учитывать, что для преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, характерна непосредственная направленность деяния на причинение вреда этим объектам. Объективная же сторона оставления в опасности заключается в бездействии специально обязанного субъекта, нарушении установленного ст. 111 УК УССР правила поведения, в соответствии с которым необходимо оказать помощь лицу, находящемуся в опасном для жизни положении. Наличие у субъекта специальной правовой обязанности означает, что данное лицо — участник определенной системы общественных отношений. Невыполнение субъектом такой обязанности, несоблюдение им установленного порядка поведения приводит к нарушению этой системы. «Непосредственным объектом посягательства при бездействии, — правильно замечает А. А. Тер-Акопов, — является система отношений, составляющих указанный порядок, лишь через нарушение данного порядка субъект может оказать воздействие на другие охраняемые уголовным правом объекты» [11, с. 74]. Следовательно, при оставлении в опасности виновный непосредственно посягает на общественные отношения, урегулированные правилом поведения, закрепленным в ст. 111 УК УССР. Последующее причинение вреда жизни или здоровью оставленного без помощи является лишь возможным дополнительным последствием бездействия виновного. Таким образом, только опосредствованно, через нарушение данного порядка поведения субъект может причинить вред жизни или здоровью потерпевшего.

Признавая непосредственным объектом преступления «то конкретное благо, против которого прямо и непосредственно направлено преступное деяние и которое вследствие этого специально ставится под охрану уголовного закона» [12, с. 204], и учитывая особенности оставления в опасности, следует заключить, что жизнь и здоровье не являются основным непосредственным объектом этого преступления.

В основе установления правовой обязанности оказать помощь лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, лежат нравственные принципы коллективизма, взаимопомощи, социалистического гуманизма, которые регулируют, по словам Энгельса, «для человека отношения человека к человеку» [1, с. 347]. Действие этих принципов исторически конкретно. На современном этапе коллективизм и взаимопомощь выступают как способ совместной жизнедеятельности, отражающий общественный характер производства, общения и поведение советских людей. Названные принципы складываются под непосредственным воздействием общественных отношений, отражая их и определяясь их сущностью. Но эти принципы являются всеобщими, поэтому можно выделить различные области их действия. Например, отношения взаимопомощи между людьми, коллективами людей, народами различных республик. Поэтому есть основание говорить о наличии системы отношений взаимопомощи, существующей в соответствии с указанными принципами. Она состоит из большого числа относительно обособленных подсистем. В плане ответственности за оставление в опасности имеют значение лишь отношения взаимопомощи на межличностном уровне, которые являются элементом данной системы. Эти отношения предполагают разнообразный характер помощи лицам, в различной степени в ней нуждающимся. Субъектом отношений взаимопомощи может выступать любой член общества, имеющий реальную возможность оказать необходимую помощь. Тот, кто в одной ситуации оказывает помощь, в другой сам ее получает. Регулируются эти отношения, как правило, нормами морали, правилами социалистического общежития, соблюдение которых обеспечивается средствами духовного воздействия, силой привычки, традиций и общественного мнения. Однако в ст. 111 УК УССР закреплена обязанность лишь определенных субъектов оказать помощь, и только лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, не способному самостоятельно справиться с грозящей ему опасностью. Именно исключительная ситуация, эти особые условия, взятые в совокупности, в значительной мере формируют опасность такого поведения и позволяют выделить их из отношений взаимопомощи межличностного уровня в самостоятельную группу отношений. Содержанием последних является связь между участниками, заключающаяся в наличии, с одной стороны, возможности для любого члена общества получить в ситуациях, угрожающих его жизни, и при обстоятельствах, когда он не может принять меры самосохранения, необходимую помощь от других лиц, а с другой — в специальной обязанности этих лиц, нашедшей свое закрепление в уголовно-правовой норме, предоставить такую помощь. При этом конкретное поведение по оказанию помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, выступает как индивидуализированная форма общественных отношений взаимопомощи, как конкретное их проявление. Свое-

образе этой формы общественных отношений заключается в том, что по своему внутреннему основанию она возникает из субъективных отношений личностей к объективным социальным явлениям, связям, в частности, к объективно существующей в соответствии с характером общественных отношений развитого социализма общественной необходимости оказать помощь лицу, находящемуся в опасном для жизни положении. Цель правовой обязанности по оказанию помощи, а тем самым и цель издания нормы об уголовной ответственности за оставление в опасности, заключается прежде всего в обеспечении безопасности личности как необходимого условия ее нормального существования. Невыполнение этой обязанности приводит к нарушению указанных выше межличностных отношений взаимопомощи, содержанием которых является деятельность по оказанию помощи и тем самым обеспечение безопасности существования личности.

Отметим, что некоторые юристы предлагали рассматривать именно безопасность личности в качестве непосредственного объекта оставления в опасности. Так, Н. Ф. Кузнецова, критикуя авторов, которые относят оставление в опасности к усеченным составам преступлений, посягательствам на жизнь и здоровье, отмечает, что такое понимание оставления в опасности «приводит к извращению действительного содержания состава оставления в опасности и, в первую очередь, объекта преступления. На самом деле... объектом оставления в опасности является не жизнь и здоровье личности, действительно находящиеся за составом преступления, а безопасность личности» [4, с. 82]. А. С. Горелик также считает, что непосредственным объектом оставления в опасности «является безопасность существования личности» [2, с. 6—7].

Эти определения, указывая на один из важных признаков непосредственного объекта рассматриваемого преступления, тем не менее, как представляется, чрезмерно расширяют границы непосредственного объекта оставления в опасности и не учитывают, что отношения, обеспечивающие безопасность личности, как объект этого преступления, являются отношениями взаимопомощи.

В обществе существует множество отношений, которые обеспечивают безопасность личности как непосредственно, так и в связи с ее деятельностью в различных сферах общественной жизни. Совокупность этих отношений в соответствии с их целевым назначением можно представить в виде определенной системы, в которой обособленные группы общественных отношений, соответствующие самостоятельным сферам деятельности человека (например, производство строительных работ и т. п.), выступают в качестве элементов, образуя тем самым ее структуру. Последняя характеризуется значительной сложностью, обусловленной как дифференциацией различных сфер деятельности человека и в связи с этим необходимостью учета их особенностей при обеспечении его безопасности, так и тем, что в целях всемерной охраны

личности она осуществляется на различных уровнях. При этом под безопасностью личности понимаются не только те условия, при которых опасность не возникает, но и те, при которых уже возникшая опасность ликвидируется и тем самым предотвращается возможный вред. Учитывая это положение, всю систему отношений, обеспечивающих безопасность личности, можно разделить на отношения, существующие в связи с необходимостью не допустить возникновения угрозы для охраняемых уголовным правом интересов личности (например, отношения, обеспечивающие безопасные условия труда — ст. 135 УК УССР), и отношения, существующие в связи с объективной необходимостью ликвидации реальной угрозы для жизни или здоровья человека (например, отношения, охраняемые от преступлений, предусмотренных ст. 111, 112, 113 УК УССР). Последняя группа отношений по обеспечению безопасности личности представляет собой названные ранее отношения взаимопомощи, существующие в соответствии с принципами коллективизма и социалистического гуманизма. Именно отношения взаимопомощи призваны обеспечить безопасность личности в случаях, когда ее жизни угрожает опасность. Поэтому преступление, предусмотренное ст. 111 УК УССР, посягает на отношения взаимопомощи между лицом, находящимся в опасном для жизни положении и лишенным возможности принять меры к самосохранению, и субъектом, специально обязанным заботиться о потерпевшем и имеющим возможность оказать помощь.

Изложенное позволяет определить основной непосредственный объект оставления в опасности как отношения взаимопомощи, существующие в соответствии с объективной необходимостью обеспечения безопасности жизни беспомощного лица.

Ч. 2 ст. 111 УК УССР предусматривает уголовную ответственность за оставление в опасности, повлекшее смерть лица, оставленного без помощи, или иные тяжкие последствия. Казалось бы, здесь находит свое подтверждение мнение, что объектом оставления в опасности является жизнь и здоровье человека. Однако указание на последствия преступного деяния, содержащееся в нормах Особенной части УК, само по себе не предreshает вопроса о его объекте. Оставление в опасности посягает на жизнь, здоровье личности лишь в случаях, когда виновный своим вмешательством, выполнением своей обязанности по оказанию помощи способен был воспрепятствовать силам, ведущим к наступлению вредного последствия, создать условия, нейтрализующие вредное воздействие указанных сил на человека и тем самым предотвратить наступление тяжких последствий. Нарушение обязанности оказать помощь в этих случаях приводит к причинению вреда жизни и здоровью. Но без нарушения лежащей на субъекте обязанности, т. е. без причинения вреда основному непосредственному объекту посягательства, было бы невозможно и само наступление указанных последствий, так как, оказав помощь потерпевшему, виновный ликвидировал бы существующую для жизни угрозу. Вред, причиненный в этих случаях жизни и здоровью, является показателем повышенной общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 111 УК УССР, поскольку своим поведением виновный не только нарушил общественные отношения, ради охраны которых установлена эта норма, но еще и причинил серьезный вред другим, связанным с

ними правоохраняемым интересам. Поэтому при оставлении в опасности, предусмотренной ч. 2 ст. 111 УК, жизнь и здоровье выступают лишь в качестве дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2. 2. Горелик А. С. Уголовная ответственность за оставление в опасности. Автореф. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Л., 1964. 19 с. 3. Горелик И. И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1960. 72 с. 4. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., Госюриздат, 1958. 218 с. 5. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., Изд-во ЛГУ, 1968. 646 с. 6. Курс советского уголовного права. Т. 5. Под ред. А. А. Пионтковского и др. М., Наука, 1971. 571 с. 7. Пионтковский А. А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М., Изд-во НКЮ СССР, 1938. 135 с. 8. Советское уголовное право. Часть Особенная. Под ред. Н. И. Загородникова. М., Юрид. лит., 1973. 575 с. 9. Советское уголовное право. Особенная часть. Изд. 2-е. Под ред. В. Д. Меньшагина и др. М., Изд-во МГУ, 1975. 471 с. 10. Советское уголовное право. Часть Особенная. Вып. 1. Под ред. Е. А. Смирнова, Я. Ш. Якупова. Киев, КВШ МВД СССР, 1975. 343 с. 11. Тер-Акопов А. А. Определение сущности бездействия.— Сов. государство и право, 1976, № 12, с. 70—74. 12. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления.— Сб. учен. трудов. Вып. 10. Свердловск, 1969, с. 184—225. 13. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1948, вып. 2.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В ГЛАВЕ X ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК УССР

Одной из важных, но вместе с тем и наиболее сложных проблем уголовного права является разработка научно обоснованной системы построения Особенной части УК и отдельных его глав. Каждая глава должна строиться по родовому объекту и включать статьи, содержащие описание однородных преступлений. Между тем глава X УК «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья» состоит из статей, предусматривающих ответственность за различные преступления [см. 7, с. 95]. Этим вызваны ее большой объем (39 статей) и различные решения в науке относительно как объекта этих преступлений, так и их дифференциации.

Одни юристы считают, что преступления, включенные в главу X, имеют единый родовый объект, которым являются общественная безопасность, общественный порядок и народное здоровье [см. 18, с. 383—384]. Однако эту точку зрения нельзя признать обоснованной. Прежде всего ее авторы не указывают, что же объединяет общественную безопасность, общественный порядок и народное здоровье, что между ними общего, охватываются ли они единым понятием и каким именно. Очевидно, что общественная безопасность, общественный порядок и народное здоровье хотя и взаимосвязаны между собой, однако они не могут отожд-

дествляться, поскольку обладают определенной самостоятельностью. Так, ни одно из преступлений, входящих в главу X, не посягает одновременно и на общественную безопасность и на общественный порядок и на здоровье населения. Далее, при совершении преступлений против общественной безопасности (например, незаконное обращение с оружием) отсутствует посягательство на общественный порядок и народное здоровье. В свою очередь, преступления против общественного порядка (например, бродяжничество) не затрагивают общественной безопасности и народного здоровья, а преступления против народного здоровья (например, незаконное врачевание) не посягают на общественную безопасность и общественный порядок. По указанным основаниям нельзя признать достаточно точным и мнение тех авторов, которые полагают, что анализируемые преступления имеют два родовых объекта: а) общественный порядок и общественную безопасность и б) здоровье населения [см. 14, с. 410].

Вряд ли обоснованно и утверждение о том, что родовым объектом этих преступлений является нормальная деятельность государственного аппарата и общественных организаций в области поддержания общественного порядка, охраны общественной безопасности и здоровья населения [см. 5, с. 8]. Ведь отношения, обеспечивающие нормальную деятельность Советского государственного и общественного аппарата, составляют самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны — должностных преступлений и преступлений против порядка управления. Таким образом, нет никаких оснований говорить о едином родовом объекте преступлений, входящих в главу X Особенной части УК.

Другие юристы, вообще не упоминая о родовом объекте, считают, что в наименовании главы X указаны непосредственные объекты [см. 13, с. 10]. Приведенное мнение также не может быть признано убедительным. Во-первых, из него не ясно, что же является родовым объектом этих преступлений; во-вторых, признавая общественную безопасность непосредственным объектом ряда преступлений, сторонники этой точки зрения в то же время классифицируют эти преступления на группы. Так, П. С. Матышевский делит все преступления против общественной безопасности на две группы: преступления, нарушающие правила общей безопасности, и преступления, нарушающие правила специальной безопасности [см. 13, с. 10—11]. П. Ф. Гришанин, исходя из источника опасности, выделяет преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта, преступления, нарушающие безопасность при производстве горных, строительных работ и безопасность на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах и иные преступления против общественной безопасности [см. 19, с. 490—502]. Эту классификацию названные авторы проводят по существу из сходства и различия тех общественных отношений, на которые посягают указанные преступления, поскольку каждая из намеченных

ими групп имеет объект. Действительно, преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта, не посягают на те общественные отношения, которым причиняют вред преступления, нарушающие правила безопасности работ, например, в горной промышленности. Такие же, допустим, преступления, как незаконное изготовление или ношение холодного оружия, не причиняют ущерба безопасности движения и эксплуатации транспорта. Но если это так, то анализируемые преступления не имеют единого объекта.

Наконец, в ряде работ правильно говорится, что рассматриваемые преступления имеют самостоятельные родовые объекты и в зависимости от их характера они подразделяются на несколько групп [см. 10, с. 69]. В связи с тем, что в главе X Особенной части УК имеется несколько групп преступлений, посягающих на разнородные общественные отношения, в литературе содержатся предложения по выделению их в самостоятельные отдельные главы и тем самым по «разукрупнению» главы X.

Так, А. Н. Игнатов считает, что объединение в этой главе таких разнородных преступлений, как хулиганство, незаконное ношение оружия и др., носит искусственный характер и предлагает выделить в самостоятельные главы транспортные преступления и преступления против здоровья населения [см. 7, с. 95—96]. Охрана здоровья населения представляет собой самостоятельную правовую проблему и выделение такой главы в Особенной части УК подчеркнуло бы значение борьбы с преступлениями, посягающими на здоровье населения.

И. Н. Данышин предлагает создать самостоятельные главы, применительно к четырем объектам: а) общественный порядок; б) общественная безопасность; в) нормальная работа транспорта; г) интересы здоровья населения [см. 4, с. 191—192].

С. С. Яценко, обращая внимание на то, что понятия общественный порядок, общественная безопасность и народное здоровье употребляются законодателем как равнопорядковые, охватывают различные общественные отношения, специфика которых весьма существенна, соглашается с мнением о целесообразности выделения из главы X Особенной части УК самостоятельных глав об ответственности за транспортные преступления и преступления против общественного порядка [см. 20, с. 19—21].

Анализ указанных предложений свидетельствует о том, что в отношении выделения круга преступлений против общественного порядка и народного здоровья в принципе нет расхождений.

Иное положение сложилось по вопросу о выделении в самостоятельную главу Особенной части УК преступлений против общественной безопасности. Здесь имеются существенные разногласия относительно круга преступлений, который следует в нее включать. Э. Н. Зинченко относит сюда лишь те преступления против общественной безопасности, которые указаны в главе X

Особенной части УК [см. 6, с. 7—8]. Остается не ясным, почему автотранспортные преступления отнесены автором к преступлениям против общественной безопасности, а преступления на железнодорожном, водном и воздушном транспорте им в эту группу не включены. Ведь те и другие нарушают однородные общественные отношения. Кроме того, Э. Н. Зинченко безосновательно объединяет в одну группу транспортные преступления и преступления против безопасности социалистического производства.

М. С. Гринберг к числу преступлений против общественной безопасности относит лишь такие, которые связаны с нарушением правил обращения с техническими устройствами и исключает отсюда все деликты, связанные с незаконным обращением с оружием, боевыми припасами и взрывчатыми веществами [см. 3, с. 53—55]. Эта позиция, с одной стороны, беспредельно расширяет сферу общественной безопасности, ибо сейчас практически не существует социальных связей, в той или иной мере не сопряженных с отношениями по использованию техники и технических систем, с другой — необоснованно суживает указанную сферу социальной жизни, поскольку оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества при нарушении правил обращения с ними также представляют большую и притом реальную угрозу общественной безопасности.

Н. И. Коржанский считает преступлениями против общественной безопасности транспортные преступления, неосторожное убийство и преступления против народного здоровья [см. 9, с. 42], хотя очевидно, что личность человека и народное здоровье, как определенные группы социалистических общественных отношений, представляют собой самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны.

Более правильным является иной подход к вопросу о дифференциации преступлений, включенных в главу X Особенной части УК. Здесь прежде всего заслуживает поддержки мнение криминалистов, предлагающих выделить в самостоятельную главу Особенной части транспортные преступления. Такая глава имеется в УК Армянской, Казахской и Молдавской ССР. Правильно отмечает Б. А. Куринов, что транспортные преступления имеют единый родовой объект посягательства — безопасную работу транспорта в сфере его движения, так как все виды механического транспорта выполняют единые задачи и на любом из них возможно наступление однородных вредных последствий [см. 11, с. 10—13]. Несмотря на то, что ответственность за транспортные преступления предусмотрена в различных главах УК, они имеют много общих признаков. Это однородная самостоятельная группа посягательств на социалистические общественные отношения в сфере безопасности движений и эксплуатации транспортных средств [см. 8, с. 3—4]. Особую актуальность приобретает проблема выделения транспортных преступлений в отдельную самостоятельную главу Особенной части в настоящее время. В соот-

ветствии с постановлением ЦК КПСС «О трудовом содружестве коллективов моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников в Ленинградском транспортном узле» [см. 16] укрепляется деловое содружество и согласованная деятельность всех видов транспорта, широко внедряются новые, более прогрессивные формы их работы по взаимовязанным непрерывным графикам на основе единого технологического процесса, что позволяет существенно повысить эффективность использования транспорта, снижать издержки народного хозяйства, обеспечивать четкий и безопасный ритм транспортного конвейера.

Обосновано и предложение о выделении преступлений, посягающих на безопасность социалистического промышленного производства, с возможным их объединением с преступлениями против политических, трудовых и иных прав граждан [см. 17, с. 41; 15, с. 74—75]. В литературе отмечается, что ст. 135 УК УССР выступает в качестве общей нормы по отношению к ст. 218—220, являющимся нормами специальными. Преступления, предусмотренные этими статьями, имеют много общего. Все они связаны с нарушением правил безопасности промышленного производства, и возможные или наступившие в результате их совершения последствия по существу тождественны [см. 2, с. 5]. Эта общность определяется прежде всего их объектом, которым является безопасность социалистического промышленного производства.

В рассматриваемом плане заслуживает внимания точка зрения И. П. Лановенко о включении преступлений, указанных в ст. 218—220 УК УССР, в одну главу вследствие того, что безопасные условия труда — это неотъемлемая часть трудовых отношений, и их нарушение, которое имеет место при совершении таких преступлений, представляет собой посягательство на трудовые права граждан [см. 12, с. 172—173; с. 4, 15—23].

Дальнейшая дифференциация общественно-опасных деяний предполагает, наконец, выделение из главы X и из других глав в самостоятельную главу Особенной части УК группы посягательств, которые собственно и являются преступлениями против общественной безопасности. Их наличие признается и законодателем не только путем указания об этом в наименовании самой главы X, но и в ст. 90 УК, в которой употребляются слова «...при отсутствии признаков преступления против общественной безопасности».

К преступлениям против общественной безопасности можно отнести бандитизм (ст. 69), массовые беспорядки (ст. 71), нарушение правил пожарной безопасности (ст. 220—1), нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ (ст. 221), незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного или холодного оружия, боевых припасов и припасов и взрывчатых веществ (ст. 222), хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ст. 223), небрежное хранение

огнестрельного оружия и боеприпасов (ст. 224). Вместе с тем в литературе предлагается включить в эту группу и такие преступления, как нарушение национального и расового равноправия (ст. 66), действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 69—1), разбой (ст. 86, 142), угрозу совершить убийство (ст. 100) и др. Таким образом, вопрос о круге преступлений против общественной безопасности является дискуссионным и нуждается в дальнейшем исследовании.

Преступления против общественной безопасности по своим объективным и субъективным признакам существенно отличаются от других преступлений, прежде всего транспортных и против безопасности социалистического промышленного производства. Преступления, посягающие на общественную безопасность, представляют собой общеопасные деяния: они угрожают или создают состояние общей опасности, порождают психологическую атмосферу подавленности, напряженности, определенной неуверенности, общественного беспокойства, нарушают безопасное течение жизни граждан и организаций. Вследствие этого преступления против общественной безопасности признаются оконченными уже с момента создания общей опасности и обрисованы в диспозициях закона, как преступления с формальным и нередко усеченным составом. Транспортные же преступления и преступления против безопасности социалистического производства создают не общую, а локальную, чаще всего профессиональную опасность в определенных хозяйственно-управленческих сферах. Поэтому их составы по общему правилу сконструированы как материальные. Преступления против общественной безопасности совершаются, как правило, с прямым умыслом, по низменным мотивам, нарушают обычные, общеизвестные, т. е. общие, условия безопасности и лишь в редких случаях связаны с нарушением специальных технических правил. Транспортные преступления и преступления против безопасности социалистического производства совершаются в результате нарушения тех или иных специальных технических правил и диспозиции статей УК, в которых они обрисованы, являются бланкетными. К тому же они в преобладающем своем большинстве совершаются как бы изнутри, т. е. со стороны лиц, обслуживающих тот или иной вид транспорта, работающих на социалистическом предприятии по обеспечению тех или иных технологических процессов. Преступления же против общественной безопасности совершаются, как правило, извне, лицами, не связанными какими-либо специальными отношениями с соответствующими учреждениями или организациями.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что преступления против общественной безопасности — это самостоятельная группа посягательств, в связи с чем ответственность за их совершение должна быть предусмотрена в самостоятельной главе Особенной части УК.

Список литературы: 1. *Бажанов М. И.* Преступления против политических и трудовых прав граждан. Харьков, 1965. 30 с. 2. *Борисов В. И.* Ответствен-

ность за преступное нарушение правил безопасности промышленного производства. Харьков, 1976. 40 с. 3. *Гринберг М. С.* Советское уголовное право. Часть Особенная. Преступления против общественной безопасности. Свердловск, 1974. 178 с. 4. *Даньшин И. И.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., Юрид. лит., 1973. 199 с. 5. *Ефимов М. А.* Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Минск, Высшая школа, 1971. 236 с. 6. *Зинченко Э. Н.* Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1976. 20 с. 7. *Игнатов А. Н.* Совершенствование Особенной части УК РСФСР.— Сов. государство и право, 1972, № 5, с. 95—99. 8. *Касынюк В. И.* Уголовная ответственность за транспортные преступления. Киев, Вища школа, 1977. 36 с. 9. *Коржанский Н. И.* Развитие учения об объекте преступления в науке советского уголовного права.— В кн.: Становление и развитие советского уголовного законодательства.— Волгоград, 1973, с. 31—46. 10. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М., Изд-во МГУ, 1969. 232 с. 11. *Куринов Б. А.* Автотранспортные преступления. Квалификация и ответственность. М., Юрид. лит., 1976. 208 с. 12. *Лановенко И. П.* Охрана трудовых прав. Киев, Наукова думка, 1975. 320 с. 13. *Матышевский П. С.* Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., Юрид. лит., 1964. 160 с. 14. Научный комментарий к уголовному кодексу РСФСР. Свердловск, 1964. 505 с. 15. *Никифоров Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1960. 232 с. 16. Правда, 1978, 24 марта. 17. *Сахаров А. Б.* Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., Госюриздат, 1958. 93 с. 18. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., Юрид. лит., 1969. 512 с. 19. Уголовное право. Часть Особенная. М., Юрид. лит., 1968. 584 с. 20. *Яценко С. С.* Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, Вища школа, 1976. 192 с.

И. Н. Даньшин, д-р юрид. наук, **З. М. Онищук**, канд. юрид. наук, **И. А. Христинич**, канд. экон. наук
**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ПРАВОВОЙ
СТАТИСТИКИ**

Изучение и предупреждение преступности и иных правонарушений предполагает их всеобъемлющий учет. В связи с этим в нашей стране принят ряд мер по упорядочению правовой статистики. В настоящее время введен единый учет преступлений в органах МВД и прокуратуры, учет осужденных возложен на суды и органы юстиции. Начинает использоваться вычислительная техника, для чего в органах МВД СССР, Прокуратуры СССР и Министерства юстиции СССР разработаны формы документов первичного учета, пригодные для машинной обработки. Система и состояние статистического учета преступлений в каждом из этих ведомств в известной мере удовлетворяет запросам практики. Показатели действующей статистики, во-первых, содержат сведения об уровне, структуре и динамике преступности; во-вторых, разносторонне характеризуют личность преступников; в-третьих, дают представление о работе следственных, прокурорских, судебных органов и исправитель-

но-трудовых учреждений. Поэтому анализ этих статистических данных позволяет изучать преступность и ее причины, обобщать деятельность органов, ведущих борьбу с преступностью в масштабе района, города, области и республики.

Между тем в деле организации правовой статистики имеется ряд недостатков. Основной из них, на наш взгляд,— отсутствие централизованного учета преступлений и правонарушений. Советская статистика базируется на принципе централизованного руководства. Еще в первом Положении о государственной статистике, подписанном В. И. Лениным 25 июля 1918 г., было сказано, что на ЦСУ возлагается общее попечение о развитии правильной постановки статистики в государстве и расширении статистических знаний [см. 8]. В Положении о Центральном статистическом управлении СССР также подчеркнут принцип централизации отчетности в органах государственной статистики [см. 7]. Согласно этому Положению ЦСУ СССР осуществляет централизованное руководство делом учета и статистики в стране; несет ответственность за организацию и всемерное их улучшение и достоверность представляемых и публикуемых им статистических данных. На ЦСУ СССР возложен контроль за состоянием учета и отчетности и достоверностью отчетных данных непосредственно во всех отраслях народного хозяйства. Подобный принцип организации статистики нашел свое отражение и в Конституции СССР 1977 г. (ст. 131).

В настоящее время создалось такое положение, что в соответствии с принципом централизованного руководства предприятия, учреждения, организации всех отраслей народного хозяйства, кроме правоохранительных органов, представляют отчетность в органы государственной статистики, где она подвергается сводке и обработке, а второй экземпляр отчетности — своим вышестоящим организациям. Отсутствие централизованного учета приводит к несопоставимости данных уголовной статистики. Так, в органах МВД и прокуратуры заполняется первичный статистический документ «Карточка на лицо, совершившее преступление», а в органах юстиции — «Статистическая карточка на подсудимого». При сравнении показателей этих документов первичного учета можно видеть, что по многим из них имеются существенные расхождения. Причем если по таким показателям, как образование, партийность и др., путем дополнительного объединения их отдельных групп можно получить сопоставимые данные, то по показателю «Занятие подсудимого» (лица, совершившего преступление) этого практически достичь невозможно. Несопоставимы также сведения о ранее совершенных преступлениях и сведения о прошлых судимостях и т. д. Получается иногда так, что одно и то же деяние и одно и то же лицо в отчетности юридических ведомств охарактеризовано по-разному.

Кроме того, в масштабе страны отсутствует учет правонарушений, рассматриваемых товарищескими судами, комиссия-

ми по делам несовершеннолетних, административными комиссиями и инспекциями. В ныне действующей статистической отчетности отсутствуют отдельные показатели, имеющие криминологическое значение (например, характер и виды ответственности за предшествующее преступление, мотивы его совершения, цели, причины и т. п.).

Несмотря на то, что ведется большая работа по внедрению в деятельность статистических отделов правоохранительных органов механизированных средств обработки данных, обеспеченность вычислительными машинами у них значительно отстает от других отраслей. Существенным недостатком, по нашему мнению, является отсутствие публикаций данных правовой статистики. Как известно, такие данные публиковались у нас до 1930 г.

На страницах партийной и юридической печати неоднократно затрагивались вопросы, касающиеся в той или иной мере дальнейшего совершенствования статистики правонарушений [см. 2, с. 26—27; 4, с. 17]. Полагаем, что назрела необходимость тщательным образом изучить все высказанные предложения и принять меры по их конкретной реализации.

В частности, считаем целесообразным сконцентрировать в системе ЦСУ СССР всю правовую статистику, включающую в себя сведения о фактически совершенных правонарушениях в зависимости от известных советскому праву видов юридической ответственности, а именно: уголовно-правовую, административно-правовую и гражданско-правовую. С этой целью необходимо создать самостоятельный орган, который должен анализировать и оценивать состояние преступности и иных правонарушений в стране. Нельзя не согласиться с мнением тех авторов, которые предлагают образовать этот орган (сектор) при недавно созданном отделе социальной статистики ЦСУ СССР [см. 3, с. 56; 5, с. 31; 6, с. 31]. На этот отдел возложена обязанность организовать и осуществлять систематическое наблюдение и контроль за ходом выполнения текущих и перспективных планов социального развития, проводить всесторонний и комплексный анализ социальных явлений и процессов, происходящих в нашем обществе.

Идея выделения социальной статистики в самостоятельную отрасль продиктована стремлением объединить в одной системе различные показатели, которые ранее существовали относительно обособленно, и заключается в разработке новых группировок и классификаций, отражающих важнейшие черты и тенденции социальной жизни людей. Предполагается включить в систему показателей социальной статистики такие основные разделы и подсистемы, как население и семья; народное образование и воспитание молодого поколения; обслуживание населения учреждениями культуры; медицинское обслуживание и состояние здоровья населения; распределение доходов

населения; уровень и структура потребления населением материальных благ и услуг; жилищные и коммунальные условия; бытовое обслуживание населения; условия труда; организация отдыха и использование свободного времени [см.5, с. 27—28]. В этой системе должно быть отведено место и подсистеме, состоящей из ряда обобщающих показателей, которые характеризуют моральный облик людей, в том числе негативные, антиобщественные проявления и поступки со стороны отдельных лиц, с которыми социалистическое общество ведет непримиримую и решительную борьбу (алкоголизм, тунеядство, преступления и иные виды правонарушений).

Все перечисленные показатели социальной статистики — не простая совокупность разных показателей, а система взаимосвязанных и взаимообусловленных показателей, обеспечивающая взаимосвязи между отдельными ее составными частями. Их тщательный и всесторонний анализ позволит дать общую глобальную характеристику состояния и развития всех общественных явлений и процессов, включая все виды правонарушений. Разумеется, этому должен предшествовать глубокий марксистско-ленинский анализ изучаемых явлений и процессов.

Создание подобного сектора правовой статистики снимет с обсуждения и вопрос о методологическом руководстве этой отраслью статистики. Его будет осуществлять отдел социальной статистики ЦСУ СССР и НИИ ЦСУ СССР с привлечением статистических отделов юридических ведомств страны.

Упорядочение правовой статистики предполагает разработку и внедрение в практику единого первичного документа. По нашему мнению, целесообразно иметь, например, по уголовному делу не один такой документ (карточку), а два: первый — на преступление (включающий показатели, разносторонне характеризующие совершенное общественно опасное деяние); второй — на лицо, привлекаемое к уголовной ответственности (содержащий сведения социально-демографического порядка и описывающий морально-психологический облик субъекта данного деяния). Рассредоточение показателей о преступлении и личности преступника по самостоятельным статистическим карточкам позволит избежать громоздкости, сделает первичный документ легко обозримым и более пригодным для обработки механизированным способом.

Считаем также, что первичные документы в двух экземплярах должны проходить с уголовным делом все стадии процесса с момента его возбуждения и до полного окончания производства по нему. Органы, осуществляющие ту или иную стадию уголовного процесса, вносят соответствующие сведения либо дополняют и изменяют некоторые из них. По истечении квартала (полугодия) орган, окончательно завершивший производство по уголовному делу, направляет первые экземпляры первичных документов в статистическое управление области (края), где со-

ставляются сводные данные за указанный период в масштабе области (края); потом они представляются в ЦСУ союзной республики для обобщения сведений по республике; затем — в ЦСУ СССР для составления сводок в целом по стране, отражающих уровень, структуру и динамику преступности и деятельность органов, ведущих борьбу с ней. Вторые экземпляры первичных документов, хранящиеся в материалах дела, используются для оперативных и статистических надобностей соответствующих юридических ведомств снизу доверху.

Первичные документы должны содержать оптимальное количество показателей. В то же время сюда необходимо включить все те показатели, которые в своей совокупности глубоко и полно характеризуют преступность и личность преступника. Вообще вопрос о содержании, форме и прохождении документов по уголовным, а также гражданским делам должен быть обсужден на представительном совещании практических работников суда, прокуратуры, внутренних дел, статистических управлений и ученых в области права, статистики и кибернетики.

Существенное место в получении информации о преступности и преступнике наряду с обработкой официальных первичных документов должно быть отведено данным, полученным в результате проведения в определенном территориальном разрезе, а то и в масштабе всей страны, специальных выборочных криминологических обследований. Желательно также при проведении переписей населения вместе с переписным листом, заполняемым на осужденных, вводить дополнительную форму по ряду вопросов, касающихся совершенных ими преступлений (их мотивы, причины и условия, отношение к ним осужденного и т. п.).

Необходимо наладить четкий учет всех правонарушений, которые рассматриваются товарищескими судами, комиссиями по делам несовершеннолетних, административными комиссиями и различного рода инспекциями. Он должен вестись Советами народных депутатов, при исполнительных комитетах которых функционируют общественные советы по работе товарищеских судов [см. 9] и перечисленные выше комиссии и инспекции. Обобщающими данными о правонарушениях и личности правонарушителей в масштабах областей, республик и страны обязаны располагать и органы ЦСУ. В задачу последних должна входить и разработка необходимых для этой цели форм статистической отчетности.

Централизация правовой статистики потребует, конечно, более широкого использования современных средств вычислительной техники. На 1 января 1977 г. в системе ЦСУ СССР действовало 2966 вычислительных организаций; в 1975 г. введена в эксплуатацию первая очередь автоматизированной системы государственной статистики (АСГС) [см. 1, с. 10—11]. Следовательно, статистические органы обладают большими возможно-

стями в деле автоматизированной, быстрой обработки любых статистических материалов, в том числе данных правовой статистики.

Назрела необходимость в создании автоматизированных систем управления правоохранительных органов. Это станет возможным благодаря согласованности и кооперированию усилий всех юридических ведомств. В связи с этим предварительно должно быть решено множество научных, технических и организационных вопросов.

Список литературы: 1. Володарский Л. О дальнейшем совершенствовании государственной статистики в свете решений XXV съезда КПСС.—Вестн. статистики, 1977, № 6, с. 6—23. 2. Остроумов С. Уголовная статистика за годы Советской власти.—Вестн. Московск. ун-та, 1977, № 6, с. 24—30. 3. Остроумов С., Яковлева З. Правовая статистика и предупреждение правонарушений.—Соц. законность, 1978, № 1, с. 54—56. 4. Укрепление социалистической законности и юридическая наука.—Коммунист, 1956, № 11, с. 12—23. 5. Эйдельман М. Актуальные проблемы социальной статистики.—Вестн. статистики, 1976, № 8, с. 25—35. 6. Эйдельман М. Об обобщающих показателях социальной статистики.—Там же, 1977, № 12, с. 25—33. 7. СП СССР, 1973, № 9, ст. 44. 8. СУ РСФСР, 1918, № 55, ст. 611. 9. Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 121.

В. В. Голина, канд. юрид. наук

ПОНЯТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЕЕ МЕР

Термин «профилактика преступлений», по-видимому, первоначально заимствованный правовой наукой из других отраслей знания, употребляется в криминологической теории и практике борьбы с преступностью для определения ее главного направления и совокупности предпринимаемых в связи с этим мер с целью недопущения и в конечном счете ликвидации преступлений в нашей стране. Наряду с ним в литературе и различных ведомственных актах нередко с тем же значением используются понятия «предупреждение», «предотвращение», «пресечение» и вошедшее в 60-х годах в криминологический научный обиход «ранняя профилактика» преступлений. С появлением последнего понятие «профилактика преступлений» стало утрачивать свою определенность. В самом деле, если профилактика означает заблаговременное принятие мер для того, чтобы помешать осуществлению нежелательного явления, то в чем смысл ранней профилактики? Разумеется, речь идет не о продолжении формального спора о терминологии, имевшем место в прошлом, а о выяснении самой сущности тех социальных явлений, которые ими обозначаются.

Понятие — сложная категория, вырабатываемая в результате обобщения массы единичных явлений и отражающая сущест-

венные, основные, решающие связи, свойства явлений, вещей, деятельности людей. Практика борьбы с преступностью показывает, что деятельность различных государственных органов и общественных организаций, а также отдельных граждан, направленная на недопущение совершения преступлений, имеет значительные различия в формах и методах ее осуществления. Совокупность мероприятий, проводимых, например, с целью устранения теневых в криминологическом отношении негативных последствий научно-технической революции не совпадает ни по содержанию, ни по характеру с мероприятиями органов внутренних дел по пресечению умысла на совершение преступления, хотя между ними и существует тесная взаимосвязь. И понятия, выражающие приведенные разновидности предупредительной деятельности по борьбе с преступностью, также должны иметь самостоятельное значение.

Самостоятельность и стабильность понятий необходимы в теоретическом, внутри- и межнаучном плане, так как они обеспечивают их унификацию, облегчают обмен информацией, способствуют научному анализу и классификации изучаемых явлений, создают «инструментарий» для выработки исходных положений, обсуждения спорных проблем и решения частных вопросов. В практическом же плане научное понятие материализуется в определенной деятельности, что позволяет очертить ее внешние границы, конкретизировать характер мер, сферу их приложения, средства, субъектов исполнения и т. п.

В правовой литературе о понятии, содержании и классификации профилактики имеется много высказываний, которые возможно сгруппировать определенным образом.

Первую группу составляют суждения авторов, которые рассматривают профилактику как составную часть всей воспитательной работы в социалистическом обществе, направленную на борьбу с причинами и условиями преступности, либо включают в это понятие всю деятельность по недопущению преступлений. В последнем случае характерным является то, что термин «профилактика» не получает у них самостоятельного содержания и употребляется чаще как синоним термина «предупреждение» и реже — терминов «предотвращение» и «пресечение».

Показательными в этом отношении являются высказывания М. Д. Шаргородского. Под профилактикой, отождествляемой им с понятием предупреждение преступности, он понимал «совокупность всех мероприятий партии и правительства, направленных на борьбу с конкретными причинами преступности и на ее предупреждение» [8, с. 84, 108]. Несколько позже он же писал, что профилактика преступности заключается в том, чтобы, во-первых, воздействовать там, где это возможно, на конкретные причины, уничтожая таким образом у отдельных субъектов мотивы для совершения преступлений, и, во-вторых, создать такую обстановку, при которой лица с преступными мотивами не имели

бы возможности или боялись совершить преступления [см. 9, с. 47—48].

Широко понимал систему специальных мер предупреждения преступлений А. А. Герцензон, не проводя при этом четкого различия между понятиями предупреждения, пресечения и профилактики преступности. Он считал, что предупреждение преступлений — это система государственных и общественных мер, обеспечивающих при своем осуществлении в конечном счете полное искоренение преступности путем создания условий, исключающих возникновение причин преступлений и гарантирующих своевременное реагирование государственных органов и общественных организаций на факты аморального, антиобщественного поведения, которые могут привести на путь совершения преступлений того или иного члена коллектива [см. 1, с. 17]. Несколько иначе рассуждает А. П. Кан. Развивая идею о создании специального кодекса основных положений по предотвращению (профилактике) преступлений, он полагает, что его назначение состоит в том, чтобы «пресекать» отрицательные поведения на стадии правонарушения, не допуская их перерастания в преступления [см. 3, с. 59, 68—69].

С суждениями названных и иных, разделяющих их точку зрения авторов в целом можно согласиться, хотя следует уточнить, что профилактика — самостоятельное направление, входящее составной частью в систему предупреждения преступности. Ею, в частности, охватывается и деятельность по устранению самой возможности появления на ранних этапах в различных сферах общественной жизни негативных обстоятельств, которые порождают или в перспективе могут породить причины и условия преступности. Пресечение же отрицательного поведения на стадии правонарушений, аморальных проявлений — всего лишь одна из форм профилактики.

Вторая, наиболее многочисленная группа представлена мнениями авторов, рассматривающих профилактику преступлений как самостоятельное направление в борьбе с преступностью, имеющее свою, отличную от предупреждения (предотвращения) и пресечения специфику. Считая предупреждение преступлений подсистемой более общей системы регулирования общественной жизни, А. Б. Сахаров выделяет три ее уровня: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный. Последние относятся к криминологической профилактике, поскольку они охватывают мероприятия, направленные на устранение причин и условий совершения различных преступлений [см. 6, с. 6]. Подобное деление предлагает и А. С. Шляпочников, у которого классификационным критерием выступают философские категории общего, особенного и единичного [см. 10, с. 7—10].

А. Г. Лекарь по этому вопросу пишет, что профилактика — это деятельность государственных органов и общественных организаций трудящихся по выявлению и устранению причин, поро-

ждающих преступления, и условий, способствующих их совершению. По его мнению, понятиями «предупреждение» и «пресечение» (у автора собирательный термин — «предотвращение») объединяются соответственно работа по установлению лиц, обнаруживших намерение совершить преступление, и прерывание преступной деятельности на стадиях приготовления и покушения [см. 4, с. 3—4]. Такой же или сходной точки зрения придерживаются А. Ф. Зелинский, П. А. Дубовец, И. Н. Даньшин, М. А. Ефимов и др.

Анализируя сложившуюся предупредительную практику органов внутренних дел, А. Г. Лекарь различает общую и индивидуальную профилактику. Под первой он понимает деятельность по выявлению и устранению внешних объективных причин, порождающих преступления, и условий, им способствующих, под второй — выявление и устранение конкретных причин и условий, имеющих отношение к предпреступной или преступной деятельности отдельной личности [см. 4, с. 83].

Впервые о предмете именно криминологической профилактики, как о целенаправленной борьбе с преступностью, высказался Г. М. Миньковский. Он исходит из положения о том, что явления и процессы, питающие преступность в нашем обществе, нельзя представлять как некую однородную совокупность. Поскольку характер, объем и интенсивность криминогенных действий различны в зависимости от их генезиса и содержания, постольку должны различаться направления, объем и характер профилактических мер. Поэтому можно выделить четыре уровня действия мер криминологической профилактики: а) устранение «узких мест» и диспропорций системы общественного воспитания, затрудняющих формирование социально полезных качеств и облегчающих действие факторов, которые могут сформировать антиобщественную позицию личности; б) противодействие отрицательным влияниям (в широком смысле) и их ликвидация; в) пресечение антиобщественной тенденции в поведении личности с целью воспрепятствования ее превращению в преступное; г) предотвращение совершения новых преступлений и рецидива — меры этого уровня уже связаны с совершенным преступлением [см. 5, с. 18—20]. Аналогичные положения развиваются в работах Ю. М. Антоняна, К. Е. Игошева и др. В основном здесь профилактика проявляется по отношению к субъекту и тем объективным условиям, которые непосредственно связаны с его нравственным формированием. Представляется, однако, что предмет криминологической профилактики преступлений все же шире. Он включает и другие обстоятельства, порождающие причины и условия преступности.

А. Э. Жалинский определяет криминологическую профилактику как целенаправленный процесс применения специальных криминологических знаний и навыков для «регулирования пове-

дения людей» в целях соблюдения уголовно-правовых норм [см. 2, с. 105—106]. По механизму воздействия на криминогенные факторы он выделяет: а) меры-нормы — специальные меры, состоящие в установлении таких правил поведения, которые облегчают исполнение уголовного закона и препятствуют совершению преступлений; б) меры-команды, т. е. меры побуждения к проведению профилактической работы; в) меры-действия — меры непосредственного воздействия на криминогенные факторы с целью изменения неблагоприятной ситуации [см. 2, с. 161—162]. Данное определение профилактики (по терминологии А. Э. Жалинского — специального предупреждения преступлений) нуждается в уточнении. Во-первых, криминологическая профилактика преступлений как система мероприятий, развернутых во времени и пространстве, предполагает использование комплекса специальных, а не только криминологических мер и соответствующих знаний. Во-вторых, объем и содержание выражения «регулирование поведения людей» сужает, на наш взгляд, предмет криминологической профилактики.

В третью группу объединены высказывания авторов, которые, помимо термина «профилактика», а иногда взамен его употребляют понятие «ранняя профилактика» преступлений, понимая под ним (с некоторыми различиями) совокупность мер, направленных на предупреждение формирования антиобщественной ориентации личности, устранение неблагоприятных условий среды, в которых она находится или в которые может попасть, оказание «сдерживающего» и «корректирующего» воздействия на лиц с социально отклоняющимся поведением, недопущение реализации преступного умысла, исправление и ресоциализацию личности.

В. Н. Кудрявцев, исследуя проблему так называемого «проектирования личности», т. е. научно обоснованной организации процесса ее формирования, полагает, что «планирование личности» в криминологических целях возможно на трех этапах, и первый из них — ранняя профилактика, предусматривающая создание всех условий для нормального формирования личности, устранение жизненных конфликтов, развитие ее самосознания [см. 11, с. 172]. В более поздней своей работе «Причины правонарушений» автор опускает термин «ранняя профилактика», а то содержание, которое в нее включалось, относит к понятию профилактики, имеющей несколько уровней.

Иногда под ранней профилактикой понимают деятельность органов государства и общественности (либо комплекс социально-педагогических мер), направленную на заблаговременное устранение отрицательных обстоятельств, относящихся к социальной и педагогической сфере, наличие которых приводит или может привести к деформации личности и в конечном счете к правонарушениям и преступлениям (В. Ф. Трегубов, В. И. Кригер, А. Б. Чяпас, Г. С. Саркисов, Н. И. Чудин и др.).

Более широкое определение ранней профилактики (раннего предупреждения) предлагает Е. А. Харшак. Сюда он включает меры государственных органов, общественных организаций и граждан, имеющие целью предупреждение формирования антиобщественной ориентации личности и ее ресоциализацию, недопущение реализации преступного умысла в случае его возникновения, а также устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений [см. 7, с. 10]. Приведенные суждения о понятии ранней профилактики вначале отразили поиски научной мысли для теоретического выражения деятельности по заблаговременному предупреждению преступлений несовершеннолетних, а затем уже стали подменять собой понятие профилактики, ибо эти термины по существу и содержанию идентичны.

Обзор основных высказываний позволяет указать на следующие особенности, свойственные криминологической профилактике.

По характеру — это основанное на криминологической теории, тесно связанное с социальным развитием общества самостоятельное направление в борьбе с преступностью, представляющее собой целенаправленную деятельность соответствующих органов и организаций по недопущению преступлений в нашей стране. По содержанию — это комплекс научных знаний, отражающих процесс профилактики преступлений и совокупность разнообразных по формам, методам, средствам, исполнителям специальных профилактических мер. По времени — это разработка и осуществление заблаговременных мероприятий с целью недопущения появления и действия неблагоприятных обстоятельств. По сфере применения криминологическая профилактика предполагает вторжение во все социальные процессы и явления, где таится опасность возникновения причин и условий преступности. По своей цели она направлена на коррекцию и устранение нежелательных в криминологическом отношении явлений, которые порождают или способствуют антиобщественному формированию и поведению личности.

Таким образом, профилактика преступлений — это основанное на криминологической теории, тесно связанное с социальным развитием социалистического общества самостоятельное направление борьбы с преступностью, представляющее собой комплекс разнообразных по характеру, содержанию, времени, сфере применения и цели мер, осуществляемых государственными органами, общественными организациями и гражданами по заблаговременной коррекции и устранению нежелательных в криминологическом отношении явлений, которые способствуют антиобщественному формированию и поведению личности.

Зарождение правонарушений и преступлений происходит в конечном счете в глубине социальных процессов и проходит несколько стадий: от момента возникновения криминогенных

обстоятельств, появления антиобщественных взглядов в сознании виновного до совершения им преступления. В зависимости от того, когда и в какой сфере общественных отношений возникают нежелательные явления и как они детерминируют общественное и индивидуальное сознание, все профилактические мероприятия можно разделить на несколько групп и подвидов профилактики: меры устранения, или профилактика устранения; меры исправления, или профилактика исправления; меры сдерживания, или профилактика сдерживания.

Меры устранения направлены: а) на те общественные отношения и социальные процессы, которые хотя и находятся вне сферы преступности, но тесно связаны с ее причинами либо условиями (например, неблагоприятные последствия урбанизации, миграции, процесса адаптации и т. п.), с целью ограничения или нейтрализации в них криминогенных факторов и отрицательного, провоцирующего влияния на личность; б) на процесс раннего формирования и развития личности и выступают здесь в корректирующей роли в основном по отношению к социально-педагогической методике воспитания и обучения.

Профилактика устранения предполагает включение в процесс нравственного воспитания таких методик либо исключение из него негативных факторов, которые погашали бы саму возможность социальной деформации личности. Профилактика устранения по содержанию сходна, но по объему несколько шире так называемой ранней профилактики. Основываясь на долгосрочном прогнозировании, она должна опережать возникновение негативных явлений либо во всяком случае разрабатывать противодействующие им меры.

Меры исправления нацелены: а) на имеющиеся в социальной среде антиобщественные явления, которые порождают причины и условия преступности (например, пережитки прошлого в общественном и индивидуальном сознании, отрицательные неантагонистические противоречия социализма, пьянство, половая распущенность и т. п.); б) на лиц, допускающих различные аморальные и антиобщественные поступки, влекущие принятие к ним соответствующих правовых и общественных мер реагирования. Основная задача мер исправления, в отличие от первой группы мер, заключается в том, чтобы ликвидировать, а при объективной невозможности — исправить негативные обстоятельства, которые при их последовательном развитии и непротодействии грозят перерасти в более тяжелые формы антиобщественных проявлений. Профилактика исправления — это теория и практика борьбы с уже имеющимися в различных сферах жизни либо в личности отрицательных антиобщественных явлений и свойств. Она непосредственно следует за профилактикой устранения и в то же время выступает как самостоятельное звено в системе профилактики.

Мерами сдерживания охватываются как отдельные криминогенно-опасные «очаги» в социальной среде, так и широкий контингент лиц с явно антиобщественной ориентацией, в частности: лица с предпреступным, антиобщественным поведением, свидетельствующим о внутренней готовности их к совершению преступления; лица, обнаружившие умысел на его совершение; лица, отбывшие наказание и возвратившиеся из мест лишения свободы, если их поведение не свидетельствует об исправлении, и т. п. В круг подобного профилактического воздействия попадают также лица, осужденные условно к исправительным работам, с отсрочкой исполнения приговора, условно, условно-досрочно освобожденные из мест лишения свободы и иные категории лиц. Профилактика сдерживания представляет собой комплекс мероприятий, направленных на ликвидацию действующих в различных сферах причин и условий преступности, на недопущение перерастания антиобщественного, предпреступного поведения в преступное, на прерывание развития причинной цепи, ведущей к преступлению и его рецидиву, на исправление и ресоциализацию личности.

Предлагаемое понимание криминологической профилактики и классификация ее мер обязывают пересмотреть иные родственные ей понятия. Для создания единой терминологической базы в теории и практике предупреждения преступности и во избежание терминологического разнобоя следует присоединиться к мнению авторов, считающих целесообразным рассматривать предупреждение (синоним его — предотвращение) преступности как наиболее емкое, общепотребительное в межнаучном плане понятие, охватывающее в обществе все виды, формы и методы деятельности по недопущению преступлений. Тогда составными ее частями правомерно считать профилактику (в вышеприведенном ее смысле) и пресечение, т. е. прерывание развития преступной деятельности на стадиях приготовления и покушения.

Список литературы: 1. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., Юрид. лит., 1966. 227 с. 2. Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории). Львов, Вища школа, 1976. 182 с. 3. Кан Н. П. О кодексе основных положений по предотвращению преступлений в Союзе ССР.— В кн.: Преступность и ее предотвращение. Л., 1966, с. 59—73. 4. Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. М., Юрид. лит., 1972. 108 с. 5. Миньковский Г. М. Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности.— Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972, с. 17—52. 6. Сахаров А. Б. Теоретические основы предупреждения преступности.— Сов. юстиция, 1972, № 3, с. 5—7. 7. Харшак Е. А. Меры раннего предупреждения преступлений. Караганда, 1976. 39 с. 8. Шаргородский М. Д. Причины и профилактика преступности.— В кн.: Вопросы марксистской социологии. Л., Изд-во ЛГУ, 1962, с. 84—109. 9. Шаргородский М. Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе.— В кн.: Преступность и ее предупреждение. Л., 1966, с. 20—59. 10. Шляпчиков А. С. К вопросу о классификации мер предупреждения преступности.— Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972, с. 3—10. 11. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., Юрид. лит., 1968. 171 с.

СТРУКТУРА И ВИДЫ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ,
СОВЕРШЕННЫМИ ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ ЛИЦОМ

О связях между преступлениями в их множественности в криминологической и уголовно-правовой литературе известно лишь то, что они существуют. Между тем научное знание в конечном счете сводится к познанию связей между вещами и явлениями. Анализ и классификация рецидивных связей способны оказать помощь практике, которая нуждается в критериях правовой оценки множественности преступлений (признание виновного особо опасным рецидивистом, учет повторности как обстоятельства, отягчающего ответственность и др.). Нами предпринята попытка анализа и классификации отношений между двумя общественно опасными деяниями, совершенными одним и тем же лицом.

Связью признается такое отношение между объектами, при котором изменение, появление или исчезновение одного из них влечет изменение, появление, исчезновение другого [см. 10, с. 86]. Связь осуществляется благодаря наличию в явлениях какого-либо общего тождественного свойства, служащего основанием связи. Все поступки индивида, даже самые различные, имеют общее свойство — они отражают личность одного и того же человека. Личность субъекта нескольких преступлений выступает, таким образом, основанием связи между ними. Как бы ни изменялся человек, его поступки обнаруживают принципиальное родство друг с другом и составляют своеобразный стиль жизни.

Связь может возникать не на одном, а на нескольких основаниях. В рецидиве и повторности преступлений нередко оказывается общая цепь криминогенных ситуаций, которая является объективным (внешним) основанием связи общественно опасных поступков лица. В таких случаях можно говорить о субъективной (личностной) и объективной (внешней, ситуационной) линиях связи множественных преступлений.

Исследуя эту связь, необходимо учитывать взаимную зависимость человеческого поведения и внешней среды, в которой оно осуществляется. Среда, как известно, формирует личность и обуславливает ее поведение. Но и поступки, в свою очередь, создают новую ситуацию. Человек в значительной мере сам производит условия своей будущей деятельности. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «... Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [1, с. 37]. В психологической науке разработано положение о кольцевой зависимости между поступками и личностью. В деятельности человека его личностные качества не только проявляются, но и формируются [см. 7, с. 142; 3, с. 170—173]. Социально полезная актив-

ность укрепляет положительные мировоззренческие, нравственные и волевые качества человека. И наоборот, эгоистические, антиобщественные поступки развращают и разрушают личность. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами», — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс [1, с. 19]. Воздействуя на личность и условия ее жизни, преступление в той или

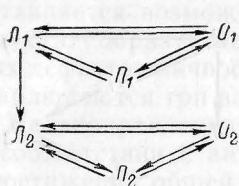

Рис. 1.

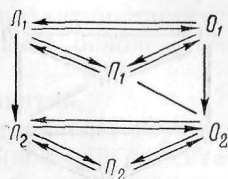

Рис. 2.

иной мере детерминирует последующее поведение и, следовательно, вступает с ним в связь.

Можно определить четыре типа структур рассматриваемых связей. Для их анализа воспользуемся схемами.

Обозначим знаками L_1 и O_1 личность и обстановку первого преступления (Π_1), а знаками L_2 и O_2 — то же лицо и ситуацию второго (Π_2). Линиями покажем направления воздействия друг на друга указанных элементов системы. Практический пример: кто-то путем подлога незаконно получил государственную пенсию, а затем, посетив магазин, похитил костюм. Оба преступления, выражающие корыстную антисоциальную направленность похитителя, связаны между собой этим личностным свойством. Прямой ситуационной линии этой связи может и не быть. Связь между преступлениями реализуется только через субъекта, в чем заключается особенность данной структуры. Схематически этот первый, наиболее простой тип структуры показан на рис. 1. Здесь взаимодействие между L_1 и O_1 повлекло не только Π_1 , но и новое состояние той же личности (L_2), которое, в свою очередь, взаимодействуя с иной обстановкой (O_2), стало причиной повторного преступления (Π_2). Преступления (Π_1 и Π_2) соотносятся через L_1 и L_2 — личность рецидивиста в различные периоды его жизни. Связью такого типа объединяются не только однородные, но и разнородные правонарушения.

Второй тип структуры связей между повторно совершаемыми преступлениями характеризуется преемственностью обуславливающих ситуаций. Например, неоднократные кражи государственного имущества из одного и того же плохо охраняемого источника, одновременные поби и телесные повреждения средней тяжести по одним и тем же мотивам, обусловленным поведением потерпевшего и т. п. Схема такой повторности отражает и субъективную, и объективную линию связи (рис. 2).

Первое преступление (Π_1) соотносится со вторым (Π_2) через одну и ту же личность в различные моменты ее жизни, как

и в структуре первого типа, и, кроме того, линию связи образует одна и та же внешняя обстановка в ее развитии. Для такой структуры характерны небольшие интервалы времени и, как правило, однородность посягательств. Она обуславливает связь более тесную, чем рассмотренный выше механизм первого типа. Еще прочнее связаны преступления, которые помимо единства

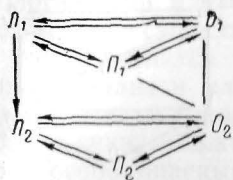

Рис. 3.

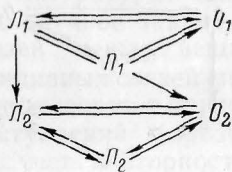

Рис. 4.

личности и преемственности ситуаций непосредственно детерминируют друг друга. Речь идет о случаях, когда один противоправный поступок создает условия или поводы для другого, последующего. Например, хищение государственного имущества и затем — обман покупателей для возмещения недостачи. Этот третий тип структуры связи изображен на рис. 3. Здесь первое преступление связано со вторым не только личностью и обстановкой, но и посредством криминогенного воздействия на новую ситуацию.

Четвертый тип структуры рассматриваемых связей отличается от третьего тем, что в нем отсутствует преемственность внешней обстановки преступлений. Все остальные элементы те же: одна и та же личность своим поведением создает предпосылки для повторного нарушения уголовного закона. Например, осуждение и отбывание наказания в ИТУ повлекло за собой возникновение конфликтной ситуации в семье, что послужило одной из причин посягательства на личность (рис. 4). Такая конструкция обнаруживается в рецидиве преступлений, обусловленных неблагоприятными социальными последствиями наказания [см. 9, с. 84—90].

Структура определяет формальную характеристику связи. Влияние предшествующего преступления на последующее вскрывается содержательным анализом отношений между ними. По направленности и характеру этого влияния мы различаем четыре вида связей: развития, связи состояний, генетическая (связь порождения), взаимодействия [см. 2, с. 43—45]. Предлагаемая классификация, как и всякая иная, является достаточно условной. В конкретном своем проявлении отношения между двумя преступлениями нередко обнаруживают признаки нескольких названных выше видов. В значительной мере, как это будет показано, вид связи зависит и от его структуры.

Связь развития определяет отношения между старым и новым, низшим и высшим. Она отражает процессы увеличения и

уменьшения, сокращения, расширения, повторения, прогресса и регресса и иного качественного изменения определенной системы [см. 12, с. 24]. Развитие — это «необратимое, направленное качественное изменение того или иного объекта, происходящее на определенной устойчивой основе, возникающей в предшествующий период» [4, с. 6]. Исходя из такого понимания развития, представляется возможным говорить о развитии преступной деятельности, образующейся на «устойчивой основе» антисоциальных дефектов личности.

Наблюдаются три варианта связи развития.

1. Целенаправленная преступная деятельность осуществляется в соответствии с антисоциальной ценностной ориентацией и для достижения общей цели, которую субъект рассчитывает реализовать посредством системы преступлений.

2. Преступления повторяются в силу привычки. Речь идет не только о привычке преступного поведения (она встречается редко), но и о вредных привычках (алкоголизм, наркомания и др.), создающих криминогенные ситуации. Психологическим основанием такой связи выступают свойства подструктуры опыта личности [см. 6, с. 125—130].

3. Субъективным основанием связи развития некоторых видов преступной деятельности могут служить и патологические изменения личности, в частности психопатические черты характера, слабоумие и другие отклонения, не исключаяющие, однако, вменяемости. Такая связь нередко наблюдается в рецидиве агрессивного поведения, бродяжничества, некоторых половых преступлений.

Развитие преступной деятельности влечет дальнейшее отчуждение личности, ее постепенную деградацию. В одном случае правонарушения становятся все более дерзкими и квалифицированными, в другом — все бессмысленнее и мельче. Направленность качественных изменений преступного поведения зависит от того, какое личностное свойство лежит в основании связи между преступлениями. Если в них обнаруживается антиобщественная направленность личности, преступления до определенного момента в «карьере» преступника выполняются, как правило, изощренным способом. При иных субъективных основаниях связи наблюдается процесс «измельчания» противоправного поведения. Связь развития может обладать любой из описанных выше структур, поскольку определяющей для нее является субъективная линия.

Связь состояний. Философская категория «состояние» означает форму реализации бытия, качественную определенность системы в данный момент времени [см. 8, с. 301]. Среди типологического многообразия связей выделяют связь состояний как соотношение различных качественных свойств системы в последовательные моменты времени [см. 8, с. 305]. Соответственно этому представляется возможным определять этим

термином такое соотношение преступлений, когда лицо в силу неодинаковых своих свойств, активизированных той или иной ситуацией и определяющих внутреннее состояние личности в данный момент, неоднократно нарушает уголовно-правовые запреты (или предписания). Например, кем-то совершена кража, а затем по другому поводу и в иной обстановке — убийство с превышением пределов необходимой обороны. В подобных случаях иногда отрицают всякую связь между поступками. Но она существует, поскольку действовало одно и то же лицо. Виновный обнаружил не только воровские наклонности, но и неоправданную агрессивность. Оба деяния характеризуют одну личность и, в свою очередь, несут на себе печать ее индивидуальности. Для механизма связи состояний характерна структура первого типа, хотя в принципе возможна и преемственность криминогенных ситуаций, вызвавших различную реакцию преступника. При прочих равных условиях множественность преступлений, объединяемая связью состояний, обоснованно считается менее опасной и не признается отягчающим обстоятельством, когда закон на этот счет содержит факультативные указания (ст. 26, п. 1 ст. 41 УК УССР¹).

Связь порождения (генетическая) имеет место тогда, когда один объект (явление) выступает как основание, вызывающее к жизни другой объект (явление) [см. 2, с. 45]. Генетическая связь между преступлениями основывается не только на личностных свойствах виновного, но главным образом на созданных им же внешних криминогенных обстоятельствах. Она соотносит самые различные общественно опасные деяния. Можно указать на следующие ее разновидности.

1. Предшествующее преступление и судимость за него становятся предпосылками уголовной ответственности за деяние, приобретающее уголовную противоправность в силу особого правового положения ранее судимого лица. Такими преступлениями являются: действия, дезорганизующие работу ИТУ (ст. 69¹ УК), побег с места ссылки (ст. 184), самовольное возвращение высланного (ст. 185), побег из места заключения (ст. 183), уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 183¹) и некоторые другие. Перечисленные преступления по своей природе являются рецидивными: согласно прямому указанию закона их субъектами могут быть лишь осужденные или имеющие судимость (ст. 196¹).

2. Преступление и следующее за ним наказание создают ситуации, которые способствуют насильственным посягательствам на личность и общественный порядок. Обстановка лишения свободы, влекущая существенное изменение социального статуса осужденного, переживания фрустрации приводят иногда к аг-

¹ В дальнейшем ссылки производятся на УК УССР и при этом имеются в виду соответствующие статьи УК других союзных республик.

рессивному и неустойчивому поведению, утрате или ослаблению адаптивных способностей [см. 9, с. 88—89]. Конфликтные ситуации возникают также после освобождения в семьях судимых лиц. Исследователи рецидивной преступности отмечают непрочность семейных уз среди лиц, неоднократно судимых. Конфликтные ситуации, связанные с прошлыми преступлениями, возникают иногда в производственных и иных коллективах. Повторные посягательства совершаются также для сведения счетов между соучастниками и причастными к прошлой преступной деятельности лицами.

3. Прежняя преступная деятельность, разрушившая или существенно ослабившая социально полезные связи, влечет постепенное социальное обесценивание и деградацию личности. Выпадение ее из нормальных человеческих отношений приводит к возникновению антиобщественных контактов либо утрате всяких устойчивых отношений с другими людьми. А это, в свою очередь, обуславливает бродяжничество, нарушение паспортных правил, уклонение от уплаты алиментов и другие преступления, отражающие асоциальность личности.

Ослабление полезных социальных связей восполняется, как правило, сближением с лицами, имеющими сходные биографии. Образуются группировки с антиобщественной ценностной ориентацией и взаимным развращением, что приводит к новым преступлениям. Нередки случаи и прямого подстрекательства со стороны «друзей». Групповой конформизм обоснованно считается важным криминогенным фактором [см. 11, с. 141—163]. Генетическая связь обладает структурой третьего или четвертого типов.

Связь взаимодействия — это такой вид отношений между явлениями, который отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность. Каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и как следствие обратного влияния противоположной стороны [см. 5, с. 8]. Мы признаем связью взаимодействия такое отношение между делящимися, продолжаемыми или систематически совершаемыми преступлениями, при котором они, одновременно проявляясь или последовательно сменяя друг друга в поведении лица, создают взаимные благоприятствующие условия. Взаимодействуют со многими преступлениями, в частности с кражами, бродяжничеством и нарушением паспортных правил. С другой стороны, преступная деятельность обуславливает проживание на нелегальном положении и бродяжничество. Общеизвестна тесная взаимодействующая связь между хищениями социалистического имущества, обманом покупателей, умышленными должностными правонарушениями, халатностью, приписками, выпуском недоброкачественной продукции, частнопредпринимательской деятельностью и коммерческим посредничеством. Структура связи взаимодействия характеризуется механизмом третьего

типа, но при наличии многократной повторяемости противоправных поступков и взаимозаменяемости их в процессе детерминации преступного поведения.

Таково содержание основных видов связи между преступлениями, совершенными одним и тем же лицом. Их классификация, как уже отмечалось, является условной: в реальной действительности они чаще всего переплетаются и совмещаются, что не освобождает от обязанности определить главную, наиболее характерную для данного случая. От этого зависит правовая оценка содеянного и личности виновного. Признание лица особо опасным рецидивистом, придание прежнему преступлению значения отягчающего обстоятельства, сложение наказаний за совокупность преступлений обосновываются лишь связью развития. Кроме того, виновное создание криминогенной обстановки в результате прежней преступной деятельности не может служить основанием для смягчения наказания по признакам п. 2 и 3 ст. 40 (стечение тяжелых семейных или личных обстоятельств, наличие угрозы или принуждения со стороны других членов преступной группы, а также материальной и иной зависимости этих лиц).

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. 2. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М. Мысль, 1970, с. 12—46. 3. Леонтьева А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1977. 302 с. 4. Морозов В. Д. Проблемы развития в философии и естествознании. Историко-философский очерк. Минск, Высшая школа, 1969. 92 с. 5. Парнюк М. А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме. — В кн.: Современный детерминизм и наука. Т. 1. Новосибирск, Наука, 1975, с. 3—20. 6. Платонов К. К. О системе психологии. М., Мысль, 1972. 216 с. 7. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., Педагогика, 1973. 423 с. 8. Разумовский О. С. Вариационные принципы как способ выражения связи состояний. — В кн.: Современный детерминизм и наука. Т. 1. Новосибирск, Наука, 1975, с. 301—312. 9. Шмаров Н. В. Преодоление отрицательных последствий отбывания уголовного наказания. — Сов. государство и право, 1977, № 2, с. 84—90. 10. Уемов А. И. О диалектико-материалистическом понимании связей между явлениями. — Философские науки. 1958, № 1, с. 82—90. 11. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., Юрид. лит., 1971. 348 с. 12. Солопов Е. Ф. Движение и развитие. Л., Наука, 1974. 98 с.

В. М. Трубников, канд. юрид. наук

ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОСТНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

Одним из условий успешной борьбы с рецидивной преступностью является административный надзор органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В ряде районов, городов и областей, где организация административного надзора осуществляется надлежащим образом, показатели преступности среди поднадзорных более низкие, чем среди освобожденных, которые не находятся под административным надзором [см. 2, с. 23; 5, с. 118—119]. Это свидетельствует о том, что надлежащим образом организованный административный

надзор, тесное взаимодействие органов милиции, администрации исправительно-трудовых учреждений, прокуратуры и общественности — важные условия успешной адаптации поднадзорных.

При осуществлении административного надзора к поднадзорным за нарушение правил надзора могут быть применены различные меры воспитательного и административного воздействия. И лишь в случае совершения поднадзорным злостного нарушения правил административного надзора, предусмотренного ст. 196¹ УК УССР, основной формой воздействия в отношении его становится наказание. Здесь новое качество приобретает не только деяние (третье нарушение правил надзора после двукратного применения мер административного воздействия), но и сам поднадзорный, который не прекратил антиобщественных действий после применения к нему мер воздействия за первые два нарушения. Наказание при этом выступает как крайняя мера, необходимость в которой возникает после безуспешного применения иных мер воздействия. В установлении двукратной административной преюдиции усматривается выражение принципа экономии репрессии. Законодатель, не желая сразу прибегать к наказанию, «отсрочивает» его применение, считая достаточным определение за первые два нарушения правил административного надзора мер административного воздействия.

В связи с этим важное значение приобретает правильное установление элементов состава злостного нарушения правил административного надзора, в частности его субъективных признаков, что в определенной мере будет способствовать успешной деятельности органов милиции по осуществлению административного надзора и предупреждению совершения новых преступлений со стороны поднадзорных. Субъективная сторона злостного нарушения правил административного надзора, как и любого другого преступления, характеризуется такими признаками: вина, цель и мотив его совершения. Выяснение формы вины при злостном нарушении правил административного надзора особых трудностей не вызывает. Несмотря на отсутствие в уголовном законе прямого указания на форму вины, анализ уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 196¹ УК УССР, свидетельствует о том, что данное преступление с полным основанием относится к умышленным. Отдельные авторы при характеристике субъективной стороны злостного нарушения правил административного надзора ограничиваются лишь указанием, что названное деяние может быть совершено поднадзорным умышленно, не уточняя при этом вид вины. Однако подавляющее большинство криминалистов единодушны в том, что злостное нарушение правил административного надзора может быть совершено только с прямым умыслом.

Некоторые трудности возникают при выяснении таких признаков субъективной стороны злостного нарушения правил

административного надзора, как цель и мотив. Состав преступления, предусмотренный ст. 196¹ УК УССР, сконструирован таким образом, что его субъективная сторона предполагает наличие не только вины в форме прямого умысла, но и специальной цели совершения этого преступления — уклонения от административного надзора. Эта цель, являясь обязательным признаком субъективной стороны, обусловлена самим характером рассматриваемого преступления. Виновный, совершая злостное нарушение правил административного надзора, игнорирует примененные к нему правила надзора, не желает их исполнять, строит свое поведение без учета правоограничений, исходя только из удовлетворения своих потребностей и интересов. Цель уклонения от надзора является непосредственной целью деяния поднадзорного. Это означает, что она определяет умысел на совершение данного преступления. Такой вид умысла, который характеризуется наличием в сознании виновного особой цели, включенной законодателем в состав преступления в качестве конститутивного элемента, в юридической литературе иногда называют специальным умыслом [см. 3, с. 76].

Включение специальной цели уклонения от надзора в число признаков субъективной стороны преступления объясняется необходимостью подчеркнуть определенную антисоциальную направленность действий поднадзорного, определенную линию его поведения, свидетельствующую об особом характере общественной опасности преступления и лица, его совершившего. О цели уклонения от административного надзора речь может идти лишь тогда, когда уклонение от использования его конкретных правил имело место без уважительных причин. Это означает, что лицо нарушило эти правила добровольно, не вынужденно, проявило свое желание воздержаться от определенного действия. Отметим, что термин «уклонение» носит двойственный характер: с одной стороны, он показывает объективную возможность совершения определенного действия, с другой — подчеркивает волимый характер воздержания от него [см. 3, с. 124]. Поскольку рассматриваемое преступление относится к преступлениям с формальным составом, достижение цели уклонения от надзора становится возможным в результате совершения самого деяния (злостного нарушения правил административного надзора).

Цель уклонения от надзора — основная, непосредственная, ближайшая цель деяния поднадзорного. Однако ее возникновение и постановка обуславливаются существованием у субъекта одновременно других целей, выступающих дополнительными, конечными целями его деяния. Они не являются обязательным признаком субъективной стороны злостного нарушения правил административного надзора, но без их существования невозможно постановка непосредственной цели данного преступления — уклонения от надзора. Конечные цели всегда служат для удов-

летворения каких-то потребностей поднадзорного, что становится возможным лишь при уклонении виновного от надзора, т. е. от тех конкретных правоограничений, которые установлены в отношении его. Нарушение правил административного надзора выступает здесь лишь необходимым средством, определенным этапом достижения целей виновного.

В отдельных случаях конечная цель исключает непосредственную цель рассматриваемого преступления, а следовательно, и его состав. Сюда следует отнести, например, уход из дома в запрещенное время для вызова врача к больному, неявка на регистрацию в орган милиции из-за задержки на аварийных работах и т. п. В этих ситуациях независимо от того, какие правила административного надзора нарушаются поднадзорным, отсутствуют цель уклонения от надзора и умысел на злостное нарушение правил административного надзора, так как конечная цель, которую ставит перед собой данное лицо, является правомерной, общественно полезной.

Конечная цель при злостном нарушении правил административного надзора может существенно влиять на квалификацию действий поднадзорного. В случаях, когда поднадзорный кроме преступления, предусмотренного ст. 196¹ УК УССР, совершает и другое преступление, его действия следует квалифицировать по правилам о совокупности преступлений (например, выезд за пределы района (города) без разрешения органа милиции и последующее совершение хищения социалистического имущества путем кражи должны быть квалифицированы по ст. 196¹ и 81 УК УССР). Поэтому злостное нарушение правил административного надзора нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от конечной цели, для достижения которой лицо и нарушило то или иное правоограничение. Степень общественной опасности совершенного деяния и личности виновного может быть определена только лишь при учете той цели, которую поднадзорный преследовал, опасности того правонарушения, к совершению которого он стремился.

Большое значение имеет установление конечных целей и для назначения наказания. Так, совершение путем злостного нарушения правил административного надзора других преступлений представляет большую степень общественной опасности и должно влечь при прочих равных условиях более строгое наказание в пределах санкции ст. 196¹ УК УССР.

Изучение материалов судебной практики свидетельствует о том, что злостное нарушение правил административного надзора совершается с целью удовлетворения самых различных потребностей, для самых различных конечных целей. Их специфика в большинстве своем определяется характером тех правоограничений, обязательное исполнение которых вменено в обязанность поднадзорному.

Нередко при зломном нарушении правил административного надзора достижение цели уклонения от надзора обуславливает выявление преступных связей с ранее судимыми и совершение поднадзорными новых преступлений. Так, Д., ранее четырежды судимый за корыстные преступления и зломное хулиганство, пьянствовал, нарушал общественный порядок, не соблюдал установленных в отношении его правил административного надзора, за что дважды привлекался к административной ответственности. Зломное нарушение правил административного надзора было совершено с целью последующего хищения личного имущества. Для этого он ушел из дома в запрещенное время, взломал гвоздодером замок двери квартиры, откуда похитил ценные вещи [см. 8].

Исследование ряда уголовных дел показало, что цель уклонения от надзора преследовалась для совершения других преступлений (это чаще всего корыстные преступления, зломное хулиганство, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и др.). Значительное число случаев зломного нарушения правил административного надзора совершено поднадзорными для того, чтобы скрыться от органов милиции. Указанная цель, как правило, имела место после двукратного применения к поднадзорным в течение года мер административного воздействия. Стремясь уйти из-под контроля органов милиции, многие из них самовольно уезжали из постоянного места жительства, разъезжали по городам страны, вели антиобщественный, паразитический образ жизни.

Чаще всего зломное нарушение правил административного надзора совершалось для уклонения от трудоустройства, употребления спиртных напитков, занятия бродяжничеством и т. п. Наличие подобных конечных целей у поднадзорных свидетельствует о том, что многие из них, неоднократно судимые за тяжкие преступления, еще сохраняют общественную опасность. В антиобщественном поведении поднадзорных находили свое отражение степень и глубина их социальной испорченности. Иногда в качестве конечных целей при зломном нарушении правил административного надзора выступает стремление поднадзорных удовлетворить потребности, вытекающие из конкретной жизненной ситуации (посетить клуб, кинотеатр, купить продовольственные товары и т. д.). Здесь действия поднадзорных хотя и являлись как будто правомерными, но квалифицировались как нарушения правил административного надзора, поскольку были совершены с их нарушением. Следует иметь в виду, что поднадзорный мог достичь таких целей и без нарушения правил административного надзора.

На практике и в теории существуют разногласия по поводу того, когда необходимо устанавливать цель уклонения от административного надзора: только при совершении зломного нарушения правил надзора или же и при совершении поднадзорным

двух предыдущих нарушений, за которые он понес административную ответственность. Некоторые авторы придерживаются того мнения, что цель уклонения от административного надзора должна иметь место лишь в третьем случае нарушения правил [см. 1, с. 11]. Представляется, что такое толкование цели уклонения от надзора неточно выражает волю законодателя. И в том, и в другом случае нарушения правил административного надзора поднадзорный уклоняется от него. Если данное лицо нарушило правило административного надзора без цели уклонения от него, нет основания для привлечения его не только к уголовной, но и к административной ответственности. Указание в диспозиции ст. 196¹ УК УССР на цель уклонения от административного надзора подразумевает, что такая цель у поднадзорного должна иметь место при совершении каждого из трех нарушений правил административного надзора. Поэтому при рассмотрении судами уголовных дел данной категории следует, выясняя законность и обоснованность применения меры административного воздействия за два предыдущих нарушения правил административного надзора, обязательно устанавливать и наличие у подсудимого цели уклонения от надзора. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 5 июля 1974 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора» отметил, что за нарушение правил административного надзора поднадзорный может быть привлечен к административной или уголовной ответственности при условии совершения им этих действий, преследующих цель уклонения от надзора [см. 6, с. 13].

Несмотря на очевидность такой трактовки субъективной стороны злостного нарушения правил административного надзора, отдельные суды неправильно понимают цель данного преступления, что влечет за собой его неправильную квалификацию. Так, поднадзорный Б. дважды был привлечен к административной ответственности за нарушения правил административного надзора. В связи с третьим нарушением Б. был осужден по ст. 196¹ УК УССР к двум годам лишения свободы. Кассационная жалоба была оставлена без удовлетворения, а приговор — без изменения. На приговор был внесен в порядке надзора протест, в котором ставился вопрос об его отмене и прекращении дела за отсутствием в действиях осужденного состава преступления. Удовлетворяя этот протест, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР указала, что по делу не установлен один из обязательных признаков субъективной стороны злостного нарушения правил административного надзора — цель уклонения от надзора. Из пояснений Б. и материалов дела усматривалось, что он отсутствовал дома по уважительной причине (в приобщенной к делу справке говорилось, что в это время он находился на приеме в корреспондентском пункте

«Комсомольской правды»). При наличии таких данных отсутствует цель уклонения от административного надзора и, следовательно, состав преступления, предусмотренный ст. 196¹ УК УССР [см. 7].

Существенную роль в характеристике виновности поднадзорного лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 196¹ УК УССР, играют мотивы его поведения. Кроме того, их установление облегчает определение тех конечных целей, ради достижения которых данное лицо решилось на совершение злостного нарушения правил административного надзора. Подобное преступление невозможно совершить без уклонения от этого надзора. Отсюда следует, что и мотивы его совершения нужно рассматривать как желание поднадзорного удовлетворить свои различные потребности и интересы. Поскольку это возможно лишь путем ухода из-под контроля и воздействия органов милиции, осуществляющих административный надзор, указанный мотив находит свое осознанное выражение в конкретном нарушении правил административного надзора. В этом случае мотив воздействует на сознание человека, формирует цель и направленность его воли, обуславливает характер его действий.

Из диспозиции ст. 196¹ УК УССР вытекает, что мотив злостного нарушения правил административного надзора не является обязательным признаком субъективной стороны данного состава преступления. Вместе с тем установление мотива имеет большое значение для оценки степени общественной опасности самого злостного нарушения правил административного надзора и лица, его совершившего.

В соответствии с имеющимися в юридической литературе классификациями мотивы злостного нарушения правил административного надзора могут быть разделены на различного рода низменные побуждения и мотивы личной заинтересованности, лишённые низменного характера. К первому виду следует отнести: корысть, озорство, нежелание заниматься общественно полезным трудом, пренебрежение к правилам социалистического общежития и т. д.; ко второму — стремление к удовлетворению различных жизненных потребностей противоправным способом, недисциплинированность и т. д. Причем многообразие и специфика мотивов нарушений правил административного надзора в большинстве своем обуславливаются именно характером тех правоограничений, которые были применены к поднадзорному на данный момент.

Как свидетельствует практика, злостное нарушение правил административного надзора совершается по таким низменным мотивам: корысти; озорства; стремления уклониться от уголовной ответственности или трудовых обязанностей. Названные мотивы обусловлены пренебрежением поднадзорных к исполнению конкретных правил административного надзора. В их осно-

ве, как правило, лежат примитивные личностные потребности, для удовлетворения которых поднадзорные избирают антиобщественные формы и средства. В таких случаях мотив, как правильно отмечает С. А. Таратухин, аккумулирует в себе внутренние черты не только преступления, но и самого преступника. Являясь внутренним содержанием «помыслов» лица, именно подобные мотивы выражают социальные свойства субъекта, направленность действий, находят свое объективное выражение в совершении преступления [см. 4, с. 83].

Мотивы второго вида, предопределяющие совершение рассматриваемого преступления, заключаются в стремлениях удовлетворять различные жизненные потребности (посещение родителей, друзей, знакомых, библиотек, зрелищных предприятий и т. п.). В обычных условиях подобная мотивация поведения не вызывает никаких возражений. Но, учитывая тот факт, что поднадзорный стремится совершить те или иные действия вопреки установленным правилам и ограничениям административного надзора, подобные действия и их мотивы становятся противоправными.

В зависимости от того, к какому из указанных видов относятся те или иные мотивы, они по-разному характеризуют степень общественной опасности конкретного злостного нарушения правил административного надзора, личность поднадзорного лица и, как следствие, существенным образом влияют на избрание судом вида и меры наказания.

Список литературы: 1. Бахрах Д. Н. Ответственность за нарушение правил административного надзора.— Соц. законность, 1967, № 11, с. 10—11. 2. Белякин Н., Шмаров И. Актуальные вопросы практики административного надзора.— Соц. законность, 1969, № 1, с. 23—24. 3. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., Юрид. лит., 1972. 264 с. 4. Таратухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., Юрид. лит., 1974. 224 с. 5. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания (Проблемы социальной адаптации). М., Юрид. лит., 1974. 136 с. 6. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 4, с. 11—13. 7. Архив Харьковского областного суда за 1978 г. 8. Архив нар. суда Каменнобродского р-на г. Ворошиловграда за 1973 г.

Т. Г. Морщакова, канд. юрид. наук

ЦЕЛИ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В системе факторов, существенно влияющих на эффективность правосудия, особое место занимают организация судебной деятельности и организационное руководство судами, осуществляемое Министерством юстиции СССР и союзных республик. Для этой области социального управления справедливо признание большой сложности задачи выявления «управленческого эффекта в достижении целей» [5, с. 40] судебной деятельности.

Постановка данной задачи тесно связана с определением возможностей и использованием оптимальных методов организационного руководства судами (судебного управления) для дальнейшего совершенствования судопроизводства и укрепления социалистической законности. Подход к решению указанной проблемы требует рассмотрения организации судебной деятельности как единого структурного и функционального образования, к которому применимы общие принципы организации и управления. При этом необходимо анализировать вопросы совершенствования организации деятельности по осуществлению правосудия комплексно: с позиций судоустройства, судопроизводства и судебного управления. Этот подход соответствует общим организационным принципам и выделяемым теорией организации «основным узловым методам управления» в различных сферах деятельности [см. 7, с. 37]. В области организации правосудия к ним относятся: 1) цели и методы деятельности судов и органов судебного управления, закрепленные законом; 2) статическая структура органов суда и судебного управления, регулируемая законодательством о судоустройстве и диктующая внутреннюю обоснованную структуру судов в соответствии с их функциями и структуру их штатов; статическая структура системы обеспечивается наряду с законодательством о судоустройстве перманентной деятельностью органов судебного управления, на которые возложены разработка предложений по вопросам организации (дислокации, структуры, штатов) судов и проведение выборов судей и народных заседателей, т. е. постоянное формирование реальной структуры судебных органов; 3) динамическая функциональная организация: определение функций каждого судебного звена, их взаимоотношений между собой и с различными органами вне судебной системы; разделение труда и должностей работников суда по степени необходимой квалификации, установление численности судебных кадров как способа закрепления нормативов и регулирования нагрузки; решение вопросов специализации при осуществлении правосудия; реализация функций по подбору, расстановке и повышению квалификации судебных кадров; материально-техническое обеспечение всех судебных органов и их функций; внепроцессуальная, не регулируемая законодательством организация отдельных форм судебной деятельности — судебного разбирательства, исполнения судебных решений, приема граждан, обобщений судебной практики, кодификационно-справочной работы, статистической отчетности и т. д.; 4) обеспечение эволюции организации судебной деятельности во всех названных выше «узловых моментах».

Определение этих четырех аспектов в организации судебной деятельности позволяет оценить специфику, задачи, возможности, объекты и формы организационного руководства судами в системе условий, влияющих на эффективность правосудия.

Цели и методы организации судебной деятельности регламентированы законодательством о судоустройстве, судопроизводстве и организационном руководстве судами. Не останавливаясь подробно на разборе целей правосудия, отметим несколько аспектов, характеризующих специфическую особенность целей и методов как основополагающего механизма организации судебной деятельности.

Достижение целей правосудия, характеризуя его эффективность, определяет и уровень организации судебной деятельности, совершенствование которой оправдано только тогда, когда оно способствует выполнению общих задач суда. В качестве цели организационного руководства судами в Положении о Министерстве юстиции СССР, утвержденном постановлением Совета Министров Союза ССР от 21 марта 1972 г. [8], прямо указывается «всемерное содействие осуществлению целей правосудия и задач суда при строгом соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону». Единая направленность деятельности судов и органов судебного управления на достижение целей правосудия является показателем высокой степени организованности в судебной системе. Однако при стабильных, отвечающих потребностям общественного развития целях организации деятельности по осуществлению правосудия приобретает первостепенное значение характер организационных методов. Рассматривая отправление правосудия в качестве объекта организации, управления в широком смысле этого слова, нельзя, по общему правилу, не учитывать его особую природу. Он находит свое отражение в характере методов, используемых законодательством, высшими судебными органами и органами судебного управления для регуляции судебной деятельности. Особенностью последней является то, что в ней важную роль играют процедурные правила, «процессуальные нормы», включающие в себя и правила судопроизводства, и всю процедуру формирования судебных органов, и значительную часть процедуры судебного управления. Процессуальная регламентация судебной деятельности определяет не только ее цели как основной организующий элемент правосудия, но и всю «технология» судебной работы и поэтому выступает в качестве основного метода организации.

В юридической литературе все чаще рассматривается вопрос об особом значении процессуальных норм в различных сферах применения права. При этом справедливо утверждается, что процессуальные нормы вносят элементы научной организации в правоприменительную деятельность, «придают общеобязательный характер наиболее совершенной процедуре» [3, с. 21], процессуальная регламентация формирует организационную деятельность, процессуальные нормы всегда являются организационными нормами [см. 2, с. 45, 48]. Поэтому правовые предписания в области судопроизводства и судоустройства воплощают организационные принципы. Свидетельством сказанному служат

распределение и координация функций между различными органами судопроизводства и судебного управления, определение в законе структуры судов, строго хронологический ход уголовного процесса, отраженные в построении УПК точные процессуальные сроки, правила относимости доказательств и т. д. В указанных положениях отражаются такие принципы организации, как систематичность в разделении функций, согласованность, выбор лучших средств и форм получения информации, расширяющих возможности ее пользования, контролируемый характер деятельности [см. 1, с. 186, 189, 278].

Поэтому соблюдение процессуальной формы — обязательное условие обеспечения необходимого уровня организации в судебной работе [см. 9, с. 145]. Однако задача гарантии соблюдения процессуальных правил как основной формы организации судебной деятельности решается и законодателем, и вышестоящими судебными инстанциями, и органами судебного управления. Последние должны организационно обеспечивать реальное выполнение правовых требований в судопроизводстве. Если нормы судопроизводства и судоустройства организационно не обеспечены или их применение вызывает в силу плохой организации большие трудности, то это приводит к их несоблюдению, формальному применению и, следовательно, к снижению качества правосудия.

Отметим, что приоритет правовых принципов проявляется в том, что случаи их искажения в практической деятельности или предложения об отказе от каких-либо принципиальных положений законодательства не могут быть оправданы ссылками на ограниченные возможности организационного обеспечения этих принципов. Сформулированные в законе принципиальные положения являются, как уже говорилось, закреплением лучших способов и надежнейших гарантий достижения поставленных законодателем целей. Причем идеи закона в определенном смысле, программируя правовую действительность, могут «опережать» в какой-то момент организационные «тылы» [см. 4, с. 321], которые их обеспечивают. Но эта временная неадекватность должна как раз определять необходимое направление в развитии организационных условий осуществления правовых принципов и текущие задачи судебного управления.

Можно назвать для примера те организационные задачи, от которых в значительной степени зависят объективная выполнимость правовых предписаний и совершенствование правосудия. В плане общей организации судебной деятельности это четкое размежевание функций между органами судопроизводства и судебного управления, что позволит сосредоточить усилия на их исключительных задачах; правильное определение практических задач суда и органов юстиции в системе органов борьбы с преступностью вообще; нахождение оптимальных пропорций между функциями судебных органов по осуществлению

правосудия, профилактике преступлений и правовой пропаганде; установление нормативов служебной нагрузки в судах; подготовка высококвалифицированных кадров судебных работников, материально-техническое оснащение судов.

Кроме того, определяя специфические задачи организационного руководства судами в обеспечении правовых принципов и процессуальных правил, нужно иметь в виду различный характер последних. Все процессуальные нормы, регулирующие осуществление правосудия, играют строго организующую судебную деятельность роль. Но многие из них, определяя форму этой деятельности, непременно или с большой степенью вероятности влияют на достижение целей правосудия, на правильность принимаемых судом решений. Поэтому обеспечение их соблюдения является задачей вышестоящих судебных инстанций, контролирующих их выполнение одновременно с проверкой правильности решения по существу. Однако некоторые процессуальные нормы носят как бы преимущественно организационный характер. Несоблюдение их может и не повлечь искажения в существе решения, не вызвать их отмену, но серьезно организационно «отягощает» судебную процедуру излишними потерями времени, неэкономным расходом сил судебных работников и участников процесса, затягиванием, а иногда и невозможностью реализации судебных постановлений, неэффективностью принятых судом решений.

Для примера можно назвать правила о сроках предания суду и рассмотрения дел, о предании суду и подготовке дел к судебному разбирательству, об отложении и приостановлении дел в судебном разбирательстве, о возвращении дел из суда первой инстанции на дополнительное расследование, об исполнении судебных приговоров и т. д. Поскольку сам процессуальный закон не учитывает результаты затрат, с которыми связаны осуществление правосудия, итоги выбора допустимых законом различных вариантов в организации деятельности участников судопроизводства или последствия отклонения от специфически организационных процессуальных норм, то оптимальность этого аспекта судебной деятельности должно обеспечивать организационное руководство судами.

Кроме того, в понятие организационного обеспечения судебной деятельности по осуществлению правосудия входит решение вопросов внепроцессуальной (предпроцессуальной) организации процессуальной деятельности, формы которой, не закрепленные процессуальным законом, влияют на эффективность правосудия. К ним относятся: распределение служебной нагрузки в судах, которое должно обеспечивать равномерную напряженность в работе всех судей; осуществление специализации при рассмотрении дел, выбор, апробирование и совершенствование ее форм, вызов народных заседателей, способы закрепления списков народных заседателей за отдельными судьями и

обеспечение подготовки народных заседателей к судебному разбирательству; планирование судебного разбирательства, обеспечение своевременной явки свидетелей и других участников процесса; организация выездных судебных процессов и формирование в необходимых случаях специальной аудитории для проведения судебных заседаний и т. д.

Это очень широкий круг организационных вопросов, решение которых не контролируется и не должно проверяться вышестоящими судебными инстанциями. В то же время оно может существенно определять эффективность правосудия. Изучение, проверка и корректировка этих организационных форм работы в судах являются тем рычагом в судебном управлении, который тесно увязывает организационное руководство судами с уровнем правосудия, позволяет влиять на него, используя специфические методы судебного управления. Итак, среди тех аспектов организационного руководства судами которые непосредственно влияют на эффективность правосудия, в качестве основных должны быть названы: организационное обеспечение правильного применения всех судоустройственных и процессуальных принципов и норм; контроль и корректировка применения специфических организационно-процессуальных предписаний и руководство внепроцессуальной организацией процессуальных форм судебной деятельности.

Однако этим не исчерпывается предмет организации судебной деятельности. Судебные органы обладают еще целым рядом функций, не относящихся непосредственно к деятельности по осуществлению правосудия, но сопутствующих ей. Это обязанности председателей судов и судей по организации работы внутри суда, проведению отчетов судей перед избирателями, руководству работой канцелярии суда и судебных исполнителей, приему граждан в судах, проведению учебы народных заседателей, профилактике правонарушений, оказанию помощи товарищеским судам, правовой пропаганде. Осуществление всех этих функций также является предметом организационного руководства, возложенного на Министерства юстиции СССР и союзных республик.

Представляет интерес вопрос о том, может ли организационное руководство осуществлением указанных функций судов и судей влиять на качество правосудия. В связи с этим необходимо обратиться к количественной структуре судебной деятельности, ее значению для повышения эффективности судопроизводства и возможным способам ее регуляции. Нужно исходить из того, что общий объем некоторых функций судов в пределах отдельных территориальных единиц (например, количество поступивших дел и принимаемых в суде граждан) не зависит от регулирования, осуществляемого в процессе судебного управления при стабильной структуре судебных органов и их штатов. Однако объем ряда функциональных обязанностей,

сопутствующих деятельности по осуществлению правосудия (например, профилактической работы, правовой пропаганды, помощи товарищеским судам и т. д.), фактически регулируем и внутри суда, и через указания органов юстиции.

Соотношение в объеме различных функций судов должно соответствовать основным задачам судебных органов по отправлению правосудия. Органы юстиции обязаны следить за правильным соотношением функций в структуре судебной деятельности. Не должен необоснованно увеличиваться объем той работы, размеры которой поддаются регулированию в процессе организационных мероприятий в суде и организационного руководства судами. Последнее должно обеспечивать условия для того, чтобы сопутствующая правосудию деятельность судебных органов была ограничена кругом их собственных и объективно необходимых задач, возможность выполнения которых обоснована структурой и штатами судов [см. 6, с. 11, 12]. Это общее требование научной организации управления, действующее и для судебных органов.

Определение оптимального соотношения функций в общем объеме судебной работы не всегда возможно на фоне стабильной структуры судебных органов и может выдвигать новые требования к формированию судов и обоснованию их штатов. Это вполне соответствует тому общему положению организационной теории, согласно которому управление должно обеспечивать регуляцию и в статической структуре управляемых объектов. Относительно судебной системы, как уже говорилось, это одна из функций организационного руководства судами.

Практика судебного управления, осуществляемого Министерством юстиции СССР и союзных республик, подтверждает, что именно указанные группы вопросов являются объектом пристального внимания в процессе организационного руководства судами (как наиболее влияющие на уровень правосудия) и составляют основные управленческие проблемы. Согласно планам работы управления общих судов Министерства юстиции СССР в последние годы постоянно выделялись в организационном руководстве судами вопросы повышения воспитательного воздействия судебных процессов и организационного уровня работы судов как средства повышения эффективности правосудия; задачи повышения квалификации судебных кадров в связи с организацией переквалификации, стажировки судебных работников, разработкой программ их специальной подготовки; проблемы разработки обоснованных нормативов для определения необходимого количества народных судей; основные аспекты организационно-технического оснащения судов и культуры составления процессуальных документов. Важную часть практики судебного управления составляют разработка вопросов улучшения организации стадии предания суду, повышения оперативности судопроизводства; изучение причин несоблюдения процессуальных сроков рассмотрения уголовных дел и недостатков организации возвращения уголовных дел на доследование из судов первой инстанции; составление рекомендаций по работе с народными заседателями в судах; обобщение и распространение положительного опыта организации выездных заседаний и привлечения общественности к судебному разбирательству. Решение этих вопросов непосредственно влияет на повышение качества правосудия и укрепление социалистической законности.

Список литературы: 1. СП СССР, 1972, № 6, ст. 32. 2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). Изд. 2-е. М., Политиздат, 1973. 392 с. 3. Горшенев В. М. О природе процессуального права.— Правоведение, 1974, № 2, с. 45—52. 4. Луцин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве.— Сов. государство и право, 1974, № 1, с. 19—26. 5. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., Прогресс, 1974. 325 с. 6. Проблемы эффективности работы управленческих органов. М., Наука, 1973. 7. Проверка организации работы судебных органов. М., Юрид. лит., 1978. 112 с. 8. Сетров М. И. Методологические принципы построения единой организационной теории.— Вопросы философии, 1969, № 5, с. 28—40. 9. Томин В. Т. Научная организация судопроизводства о позиции процессуалиста.— В кн.: Проблемы советского государства и права. Вып. 3. Иркутск, 1972, с. 140—152.

В. Д. Финько, канд. юрид. наук

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО ВОЗОБНОВЛЕНИЮ ДЕЛ В СВЯЗИ С ВНОВЬ ОТКРЫВШИМИСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда при выяснении таких обстоятельств, которые не были известны суду при решении дела и которые устанавливают незаконность или необоснованность приговора. Такой пересмотр, как известно, называется возобновлением дел по вновь открывшимся обстоятельствам и является одной из гарантий недопущения исполнения неправосудного приговора или реабилитации осужденного в случае его исполнения.

УПК союзных республик по-разному именуют приносимый прокурором в связи с возобновлением дела по вновь открывшимся обстоятельствам акт-протест, заключение или представление. Следует согласиться с мнением Б. С. Тетерина о том, что в соответствии с п. 5 ст. 23 Положения о прокурорском надзоре в СССР «решение прокурора о необходимости отмены или изменения вступившего в законную силу судебного приговора в связи с открытием новых обстоятельств, свидетельствующих о незаконности и необоснованности этого приговора, должно было бы излагаться в виде протеста»¹.

Право принесения протеста по вновь открывшимся обстоятельствам предоставлено только прокурорам (прокурору области, прокурору республики и его заместителям, Главному Военному прокурору, Генеральному прокурору СССР и его заместителям). Председатели судов этим правом не наделены. Поэтому от правильной деятельности прокурора во многом зависит отмена незаконного или необоснованного приговора. Однако

¹ Тетерин Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., Госюриздат, 1959, с. 51.

здесь имеются существенные недостатки, связанные в основном с нечеткой и неясной регламентацией ее УПК союзных республик. Этим вызывается необходимость совершенствования законов и деятельности прокурора по возобновлению дел в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Принесению протеста по вновь открывшимся обстоятельствам предшествует сложная и многообразная деятельность прокурора по расследованию и установлению новых обстоятельств. Ввиду этого стадию возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам целесообразно разделить на последовательно сменяющиеся части, каждая из которых имеет свои задачи.

1. Расследование вновь открывшихся обстоятельств, задачей которой является разрешение вопроса о наличии новых обстоятельств, свидетельствующих о незаконности и необоснованности вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда.

2. Принятие решения о возбуждении нового уголовного дела, его расследовании и разрешении, возникшего в связи с установлением подложности доказательств и преступных злоупотреблений судей, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, на которых был основан приговор. Задача этой части — установление вновь открывшихся обстоятельств вступившим в законную силу приговором суда или постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

3. Вынесение заключения нижестоящим прокурором и внесение протеста по вновь открывшимся обстоятельствам вышестоящим прокурором в надзорную инстанцию суда. Задача данной части — опротестование по установленным вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу приговора суда.

4. Рассмотрение судом надзорной инстанции протеста и принятие решения о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Задача указанной части — проверка изложенных в протесте по вновь открывшимся обстоятельствам доводов прокурора, законности и обоснованности приговора, принятие мер к устранению выявленных нарушений закона.

При непосредственном обнаружении новых обстоятельств прокурором, судом, следователем или органом дознания, а также при поступлении заявлений граждан, сообщений учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц, при явке с повинной или при наличии опубликованных в печати заметок прокурор производит их проверку и принимает решение о возбуждении расследования вновь открывшихся обстоятельств или отказывает в этом. Возбудив расследование вновь открывшихся обстоятельств, прокурор в соответствии с ч. 2 ст. 399 УПК УССР обязан лично или через органы дознания либо следователей произвести расследование этих обстоятельств.

УПК РСФСР не предоставляет прокурору права поручать расследование вновь открывшихся обстоятельств органу дознания. Прокурор либо сам осуществляет расследование, либо дает об этом поручение следователю. Такое законодательное разрешение данного вопроса следует рекомендовать и в УПК УССР. Целесообразно исключить из УПК УССР указание о возможности расследования новых обстоятельств через органы дознания, так как, во-первых, это расследование согласно ч. 3 ст. 399 УПК УССР должно производиться по правилам, установленным для производства предварительного следствия; во-вторых, расследование вновь открывшихся обстоятельств может привести к возбуждению нового уголовного дела и привлечению к уголовной ответственности виновных в преступных злоупотреблениях судей, прокуроров, следователей или лиц, производивших дознание, для чего требуется производство предварительного следствия наиболее квалифицированными следователями, а не производство дознания.

О возбуждении расследования вновь открывшихся обстоятельств прокурор выносит постановление, которое имеет такое же значение, как и постановление о возбуждении уголовного дела: только после его вынесения возможно производство следственных действий для выявления новых обстоятельств.

Установление вновь открывшихся обстоятельств осуществляется в двух формах, обусловливаемых указанными в законе основаниями для возобновления дела. Одни из оснований устанавливаются вступившим в законную силу приговором суда либо постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В этих случаях возбуждается, расследуется и разрешается новое уголовное дело о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей, прокурора, следователя или лица, производящего дознание. Другие основания устанавливаются непосредственно материалами расследования, без возбуждения по ним нового уголовного дела.

УПК союзных республик по-разному определяют основания для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, а также формы их установления. Сравнительный анализ действующих уголовно-процессуальных норм, в частности ст. 384 УПК РСФСР и ст. 397 УПК УССР, позволяет сделать вывод о том, что все они нуждаются в совершенствовании, поскольку в практике их применения возникает много неясностей и серьезных затруднений, нередко влекущих за собой существенные нарушения требований уголовно-процессуального закона. Так, в п. 1 ст. 384 УПК РСФСР сказано, что основаниями для возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам являются установленная вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний свидетеля или заключения эксперта, а равно подложность вещественных

доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомая ложность перевода, повлекшие за собой постановление необоснованного или незаконного приговора. Данную норму следует дополнить указанием на заведомую ложность показаний потерпевшего как основание возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, и тогда в ней будет достаточно полный перечень подложности доказательств, хотя и в нем отдельные обстоятельства нуждаются в разъяснении. Так, подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов может быть совершена любым лицом, в том числе судьями, прокурорами и лицами, производящими расследование. В последнем случае основаниями для возбуждения дела по вновь открывшимся обстоятельствам будут обстоятельства, указанные в п. 2, 3 ст. 384 УПК РСФСР. К сожалению, соответствующий данной норме п. 1 ст. 397 УПК УССР также не отличается ясностью и не приводит исчерпывающего перечня оснований для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам. В нем сказано, что вновь открывшимися обстоятельствами считаются: подложность доказательств и неправильность показаний свидетеля или заключения эксперта, на которых основан приговор.

Указание в этой норме на подложность доказательств — понятие слишком широкое и неопределенное. Оно может включать в себя подложность доказательств, совершенную любыми лицами, в том числе судьями, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание. Приведенный далее перечень вновь открывшихся обстоятельств не только неполный, но и неясный, поскольку в нем названа не заведомая ложность показаний свидетеля или заключения эксперта, а их неправильность. Неправильность же показаний свидетеля или заключения эксперта включает как их заведомую ложность, так и добросовестное заблуждение свидетеля или ошибку эксперта, вызванную недостаточностью материалов для исследования и т. д. УПК УССР не требует, чтобы данные обстоятельства были установлены вступившим в законную силу приговором суда, хотя ясно, что при выявлении заведомой лжности показаний свидетеля, заключения эксперта, подложности доказательств прокурор обязан возбудить уголовное дело, принять все меры по установлению события преступления, лиц, виновных в его совершении, и их наказанию. Если при расследовании новых обстоятельств будет установлено добросовестное заблуждение свидетеля или ошибка эксперта, вызванная недостаточностью материалов для исследования, то не будет основания для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, указанного в п. 1 ст. 397 УПК УССР, так как они охватываются понятием «иные обстоятельства», о которых говорится в п. 3 данной статьи.

Не отличается ясностью и п. 2 ст. 397 УПК УССР, согласно которому вновь открывшимися обстоятельствами считаются злоупотребления судей, вынесших приговор, определение или постановление, а также злоупотребление прокурора, следователя или лица, производившего дознание по этому делу. Здесь следовало бы четко указать на такие преступные злоупотребления, которые повлекли за собой вынесение незаконного и необоснованного приговора. Они могут служить основанием для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, если на них основан приговор.

Более правильно сформулированы эти основания в п. 2, 3 ст. 384 УПК РСФСР, в которых содержатся указания не на всякие злоупотребления судей, а на преступные злоупотребления, допущенные ими при рассмотрении данного дела, и преступные злоупотребления лиц, производивших расследование по делу, повлекшие постановление необоснованного и незаконного приговора или определения суда о прекращении дела. В п. 2 ст. 384 УПК РСФСР следовало указать, что основанием для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам являются такие преступные злоупотребления судей, которые повлияли или могли повлиять на вынесение неправосудного приговора или определения суда о прекращении дела.

УПК союзных республик считают вновь открывшимися обстоятельствами такие иные обстоятельства, неизвестные суду при постановлении приговора или определения, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или совершение им менее тяжкого или более тяжкого преступления, чем то, за которое он осужден, а равно доказывает виновность оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено.

Наличие этого основания обусловило вторую форму установления вновь открывшихся обстоятельств: данные обстоятельства выявляются путем расследования их прокурором или по его поручению следователем; при этом не требуется установления их вступившим в законную силу приговором суда. Отсюда следует вывод о том, что иные обстоятельства для возобновления дела не могут содержать признаков преступления. Однако закон не разъясняет, что следует понимать под иными обстоятельствами для возобновления дела. В связи с этим в практике применения «иных обстоятельств» возникают серьезные трудности. Не дает полных и ясных разъяснений и судебная практика. Можно назвать лишь единичные постановления Пленума Верховного Суда СССР, указывающего на применение «иных обстоятельств» для возобновления дела, например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 13 июня 1951 г. по делу Лысенко, в котором сказано: «Изменение одним из подсудимых после вступления приговора в законную силу своих показаний в отношении дру-

гого подсудимого, положенных в основу приговора в отношении последнего, дает основание для возбуждения дела по вновь открывшимся обстоятельствам»¹.

В юридической литературе под «иными обстоятельствами» понимают также наличие в живых потерпевшего, считавшегося убитым, или смерть потерпевшего от телесных повреждений; ошибочно признанных не опасными для жизни, либо факты, устанавливающие причастность или непричастность обвиняемого к совершению преступления (например, алиби обвиняемого)². К ним относятся и все те обстоятельства, которые не охватываются п. 1—3 ст. 384 УПК РСФСР, например, ошибочность заключения эксперта, добросовестное заблуждение свидетеля или потерпевшего, оговор одним обвиняемым другого и т. д.³

Затруднения в применении на практике п. 3 ст. 397 УПК УССР, п. 4 ст. 384 УПК РСФСР обусловлены также неодинаковыми путями устранения выявленных при помощи новых обстоятельств нарушений законности в различных стадиях пересмотра приговоров. Так, если в кассационную или надзорную инстанцию суда представлены участниками процесса или истребованы судом дополнительные (а следовательно, и новые) материалы, то они подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами, имеющимися в деле, и наряду с ними могут быть положены в основу решения суда кассационной или надзорной инстанции об отмене приговора, определения и постановления с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Если же достоверность фактов, установленных такими материалами, не требует проверки судом первой инстанции, кассационная или надзорная инстанции сами могут изменить приговор и последующие решения или отменить их с прекращением дела. Не вызывает никаких сомнений, что если «иные обстоятельства» вытекают из дополнительных материалов, выявленных в кассационной инстанции, вопрос о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам не возникает, поскольку пересматривается не вступивший в законную силу приговор суда: установленные нарушения законности устраняются кассационной инстанцией.

Что же изменяется, если «иные обстоятельства» установлены из новых материалов не при пересмотре приговора в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, а прокуро-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. М., Юрид. лит., 1964, с. 305—306.

² См. Тетерин Б. С. Указ раб., с. 51.

³ См. Блинов В. М. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., Юрид. лит., 1968, с. 73.

ром по вступившему в законную силу приговором суда? Представляется, что прокурор в этом случае должен опротестовать приговор, определение или постановление суда не по вновь открывшимся обстоятельствам, а в порядке судебного надзора.

Вследствие этого целесообразно исключить «иные обстоятельства» из перечня оснований для возобновления дела, что избавит от допускаемых в судебной практике ошибок, позволит опротестовать вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда в менее сложном порядке — в порядке судебного надзора. Отпадает также необходимость производства расследования вновь открывшихся обстоятельств в двух формах. В этом случае остался бы единый порядок расследования вновь открывшихся обстоятельств, поскольку основания для возобновления дела устанавливались бы только вступившим в законную силу приговором суда (или постановлением, определением о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям) о заведомой ложности показаний свидетелей, потерпевшего или заключения эксперта, подложности вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомой ложности перевода, повлекших постановление необоснованного или незаконного приговора; о преступных злоупотреблениях судей, допущенных ими при рассмотрении данного дела и повлекших за собой постановление незаконного или необоснованного приговора; о преступных злоупотреблениях прокурора, следователя или лица, производящего дознание, повлекших постановление необоснованного и незаконного приговора или определения о прекращении дела.

Нуждается в четком разрешении также вопрос о том, какие следственные действия могут производиться при расследовании вновь открывшихся обстоятельств, так как действующие УПК союзных республик не дают на него ясного ответа. В ч. 3 ст. 399 УПК УССР говорится о том, что расследование вновь открывшихся обстоятельств производится по правилам, установленным для предварительного расследования, и не указывается, какие следственные действия при этом могут быть произведены. В отличие от этого ч. 2 ст. 386 УПК РСФСР определяет, что при расследовании вновь открывшихся обстоятельств могут производиться допросы, осмотры, экспертизы, выемки и иные необходимые следственные действия. Следует признать, что при расследовании вновь открывшихся обстоятельств осуществляются не все следственные действия, а только необходимые для установления новых обстоятельств. Поэтому нельзя производить таких следственных действий, как вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, ознакомление с материалами расследования и вынесение обвинительного заключения, поскольку

их производство хотя и имеет своей целью установить в конечном счете новые обстоятельства, они будут производиться по новому возбужденному уголовному делу о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей, прокурора, следователя или лица, осуществляющего дознание.

Не разрешен на практике и в теории вопрос о том, какие допросы производятся при расследовании вновь открывшихся обстоятельств, в частности не выяснено, в качестве кого может быть допрошен осужденный или оправданный: допрашивать в качестве обвиняемого данное лицо нельзя, так как в этот момент не выносится постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинение не предъявляется. Нет в этот момент также оснований допрашивать данное лицо и в качестве потерпевшего, поскольку окончательно вопрос о признании лица потерпевшим в определенных случаях может быть разрешен только после установления вступившим в законную силу приговором суда подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей или лиц, производивших расследование. Нельзя, очевидно, допрашивать этих лиц и в качестве свидетелей, так как при определенных условиях им необходимо задавать вопросы о совершенном ими преступлении или об их причастности к совершению преступления, что недопустимо по закону. Поэтому от этих лиц правильнее было бы брать объяснение по поводу исследуемых обстоятельств, а при возбуждении нового уголовного дела допрашивать их либо в качестве обвиняемых, либо в качестве потерпевших, либо в качестве свидетелей.

УПК союзных республик не определяют и сроков расследования вновь открывшихся обстоятельств, а только устанавливают сроки пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам: пересмотр возможен лишь в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и не позднее одного года со дня открытия новых обстоятельств.

Если исходить из указаний закона о том, что расследование вновь открывшихся обстоятельств производится по правилам, установленным для предварительного следствия, то срок расследования новых обстоятельств не должен превышать двух месяцев. Однако, учитывая то, что лица отбывают наказание или оправданы на основании подложности доказательств или преступных злоупотреблений судей и лиц, производивших расследование, целесообразно в наиболее сжатые сроки устранить допущенные нарушения, для чего необходимо ограничить сроки расследования новых обстоятельств до одного месяца. Такое сокращение сроков необходимо и потому, что для расследования и разрешения нового уголовного дела о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей и лиц, производивших расследование, также потребуется немало времени.

Неясным остается вопрос о том, с какого момента следует исчислять годичный срок для отмены приговора по вновь откры-

вшимся обстоятельствам. В законе сказано, что этот срок исчисляется с момента открытия новых обстоятельств. Такое указание закона не отличается четкостью и ясностью; непонятно, когда следует считать открытыми новые обстоятельства: с момента, когда об этом стало известно прокурору, или с момента вступления в законную силу приговора суда о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей и лиц, производивших расследование. Было бы правильным заменить термин «со дня открытия» другим — «со дня установления новых обстоятельств», т. е. после вступления приговора по новому делу в законную силу.

Не отрегулирован в УПК союзных республик и вопрос о том, как должен поступить прокурор с материалами рассмотрения вновь открывшихся обстоятельств при возбуждении нового уголовного дела о подложности доказательств или преступных злоупотреблениях судей и лиц, производивших расследование: должны ли они быть приобщены к новому уголовному делу или оставаться у прокурора? Представляется, что такие материалы служат основанием для возбуждения нового уголовного дела и поэтому приобщаются к нему. У прокурора же должно быть надзорное производство, в котором обязательно находятся копии таких процессуальных документов, как постановление о возбуждении расследования вновь открывшихся обстоятельств, о возбуждении нового уголовного дела о подложности доказательств и преступных злоупотреблениях судей или лиц, производивших расследование, а также копия письма прокурора о направлении этого дела в суд с просьбой об уведомлении его о результатах рассмотрения дела.

После рассмотрения нового дела судом и вступления в законную силу приговора прокурор района (города) должен составить заключение об установлении вновь открывшихся обстоятельств и направить его прокурору области для принесения протеста в надзорную инстанцию суда по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ю. М. Грошевой, д-р юрид. наук, Д. И. Пышнев

**ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УСЛОВНОМ
ОСВОБОЖДЕНИИ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ
ОСУЖДЕННОГО К ТРУДУ**

Основное направление советской исправительно-трудовой политики заключается в неуклонном обеспечении непрерывности исправительно-трудового воздействия на личность осужденного. Одним из правовых средств этого процесса, опосредствующим достижение ближайших целей наказания, являются дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лише-

ния свободы. Введение в Основы уголовного законодательства ст. 44² (ст. 52² УК УССР) свидетельствует о дальнейшей гуманизации исправительно-трудовой политики Советского государства, поскольку лицо, осужденное к лишению свободы, отбывшее определенную часть срока наказания и вставшее на путь исправления, подлежит условному освобождению с обязательным привлечением к труду, т. е. процесс перевоспитания данного лица завершается без изоляции его от общества в условиях системы трудовых коллективов.

Эта законодательная новелла вытекает из ленинского указания о постепенной замене лишения свободы принудительным трудом [см. 1, с. 408]. Применение условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду имеет важное значение для закрепления результатов воспитательного процесса, повышения его эффективности в деле последовательного снижения уровня рецидивной преступности. Основания применения такого вида условного освобождения от отбывания наказания могут быть разделены на материально-правовые, процессуальные фактические, прогностические. Отметим, что эти основания находятся в диалектической взаимозависимости и взаимодополняемости. Поэтому при рассмотрении материалов об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду суды должны устанавливать наличие или отсутствие всех указанных оснований, ибо исследование только одного из них влечет за собой принятие незаконного и необоснованного решения.

К материально-правовым основаниям относятся: отбытие осужденным определенной части срока наказания; совершеннолетие осужденного; его трудоспособность. Процессуальным основанием является наличие представления администрации ИТУ, согласованного с наблюдательной комиссией. Фактические основания охватывают совокупность таких данных, которые обуславливают достоверность вывода суда о том, что лицо, представляемое к условному освобождению, встало на путь исправления. Прогностическим основанием выступает такая совокупность обстоятельств, которая позволяет суду заключить, что дальнейшее исправление и перевоспитание осужденного возможно без изоляции его от общества, но при надзоре за ним в условиях социальной жизни трудового коллектива.

Хотя ст. 52² УК УССР не содержит формулировки фактического основания, указание закона на то, что суд должен установить по этой категории дел возможность дальнейшего исправления и перевоспитания осужденного без изоляции его от общества, позволяет утверждать, что вывод суда предполагает исследование вопроса: встал ли осужденный на путь исправления. Данное основание важно и для отграничения этого института от института условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания. К сожалению, на прак-

тике допускается смешение оснований применения условно-досрочного и условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду, а в процессуальной литературе не сложилось единства мнений. Анализ материально-правовых и процессуальных оснований не вызывает затруднений, поскольку закон четко регламентирует их, но определенную сложность представляют прогностические и фактические основания применения указанных видов условного освобождения. Судебная практика показывает, что суды не всегда правильно подходят к применению условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду, допуская здесь смешение оснований этого вида условного освобождения и оснований условно-досрочного освобождения. Так, по делу С. Верховный Суд РСФСР, отменяя решение народного суда о неприменении к осужденному условного освобождения с обязательным привлечением к труду, сослался на то, что у судане было оснований считать шестимесячный срок непродолжительным для того, чтобы С. мог доказать свое исправление [см. 4, 1978, № 7, с. 6]. При такой ситуации ущемляются права и законные интересы осужденных, так как указанная Верховным Судом РСФСР по данному делу формулировка в отказе применить к С. условное освобождение противоречит закону, поскольку лишь при условно-досрочном освобождении необходимо установить, что осужденный доказал свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду (ст. 52 УК РСФСР). Иными словами, условно-досрочное освобождение применяется к лицам уже исправившимся, т. е. к тем, в отношении которых достигнуты ближайшие цели наказания. По нашему мнению, следует согласиться с Л. Е. Орлом, который справедливо отмечает, что «под исправлением осужденного понимается устранение из его психики порочных наклонностей, приведших его к совершению преступления или способствовавших этому преступлению, а также привитие осужденному таких взглядов и привычек в дисциплине труда и поведении в быту, которые исключают возможность совершения им новых преступлений» [7, с. 8]. Такой же точки зрения придерживаются В. Филимонов [см. 11, с. 9] и Н. Мольков [см. 7, с. 4], которые считают, что условно-досрочное освобождение возможно лишь в том случае, если осужденный доказал свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду. Применение же условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду возможно лишь к лицам, вставшим на путь исправления, но в отношении которых воспитательный процесс может быть завершен без дальнейшей изоляции их от общества в условиях воздействия социальных связей трудовых коллективов и надзора за ними. Поэтому права О. Белявская, полагая, что отличие условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду от

условно-досрочного освобождения состоит в том, что для применения первого вида условного освобождения достаточно установления того, что осужденный встал на путь исправления, тогда как применение условно-досрочного освобождения возможно лишь к лицам, доказавшим свое исправление [см. 3, с. 42]. Вместе с тем в литературе недостаточно полно раскрыто содержание понятия «лицо, вставшее на путь исправления». По нашему мнению, основное внимание здесь сосредоточено на таком изменении в направленности личности осужденного, которое свидетельствует о том, что он начал вырабатывать личностное отношение к социальным ценностям, отвечающее интересам общества. Следовательно, суды должны тщательно исследовать материалы об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду и в каждом случае устанавливать данные, указывающие на то, что лицо встало на путь исправления. Поэтому заслуживает поддержки мысль И. М. Гуткина о том, что «для принятия решения об условном освобождении с обязательным привлечением к труду необходимо не только наличие формальных оснований, но и установление фактических обстоятельств, свидетельствующих, что осужденный встал на путь исправления и дальнейшее его исправление возможно без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора» [см. 6, с. 44]. Это обстоятельство особо подчеркивается в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 24 ноября 1978 г. «О судебной практике по применению условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» [см. 4, 1979, № 1, с. 2]. В этой связи вызывает возражение позиция авторов, которые строго не различают фактических оснований условно-досрочного и условного освобождения с обязательным привлечением к труду. Так, В. Басков утверждает, что «задача прокурора — не допустить условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы осужденных, не вставших на путь исправления» [2, с. 56]. Но в ст. 44 Основ, на которую автор ссылается далее, содержится положение, что условно-досрочное освобождение от наказания применимо лишь к тем осужденным, кто примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление. Здесь В. Басков смешивает фактические основания условного освобождения с обязательным привлечением к труду с фактическими основаниями условно-досрочного освобождения.

Анализ практики применения условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду позволяет выявить типичные ошибки, которые в значительной степени обусловлены тем, что суды делают вывод о возможности применения к лицу данного вида условного освобождения от отбытия наказания без учета всех оснований для этого. Так, из

изученных нами дел об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду в 31,3% определений суды лишь указывают, что лицо встало на путь исправления, которое может быть завершено без дальнейшей изоляции его от общества, не мотивируя этот вывод конкретными фактами; в 22,4% дел сослались только на одно из материально-правовых оснований; в 18,1% мотивировали свои определения ссылкой на комбинацию двух оснований: материально-правовых и фактических, а именно, что лицо отбыло определенную часть срока наказания и встало на путь исправления; в 15% дел суды, не приводя конкретных доказательств, констатировали факт дальнейшего исправления лиц без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ними надзора. И лишь в 13% дел обосновали свои определения ссылкой на все четыре основания применения данного вида условного освобождения от наказания, подробно их мотивируя доказательствами.

Исследование материалов судебной практики позволило выявить и случаи, когда суды мотивировали вывод об отказе в применении условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду ссылкой на основания, не вытекающие из содержания статьи 52² УК УССР. Так, по изученным делам об отказе в условном освобождении в 11,3% дел суды отказ в применении условного освобождения мотивировали ссылкой на то, что к осужденному ранее применялся этот вид освобождения, но за нарушение или злостное уклонение от работы или злостное употребление спиртных напитков он возвращен в ИТУ; в 9,1% сослались на большую степень общественной опасности совершенного преступления и личность осужденного; в 7,3% отказ в условном освобождении лица мотивировали тем, что осужденный отбыл сравнительно небольшой срок назначенного ему наказания. Таким образом, применение статьи 52² УК УССР вызывает на практике определенные трудности, происходит смешение институтов условного освобождения с обязательным привлечением к труду и условно-досрочного освобождения. В определенной мере это объясняется тем, что законодатель не установил предмет доказывания по делам об условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду.

Отсутствие четкого определения в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 407¹ УПК УССР) предмета доказывания по делам об условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду приводит к такому положению, когда некоторые суды по своему усмотрению определяют предмет доказывания и устанавливают обстоятельства, которые не дают возможности решить вопрос о законном и обоснованном применении (неприменении) к данному лицу условного освобождения с обязатель-

ным привлечением его к труду. Все это позволяет сделать вывод о необходимости выработки и законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве предмета доказывания, охватывающего перечень обстоятельств ориентировочного характера, установление которых при рассмотрении материалов об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду позволит суду принять законное и обоснованное решение.

В исправительно-трудовом законодательстве четко определены основные средства исправительно-трудового воздействия на осужденных с целью их исправления и перевоспитания: режим отбывания наказания; общественно-полезный труд; общеобразовательное и профессионально-техническое обучение; политико-воспитательная работа. Режим отбывания наказания призван обеспечивать не только реализацию целей уголовного наказания, но и воспитывать осужденных в духе сознательного выполнения правил отбывания наказания и, таким образом, создавать условия для эффективного применения иных средств исправительно-трудового воздействия. Среди всех этих средств главное место отводится общественно-полезному труду, составляющему основу исправления и перевоспитания осужденных. Следовательно, честное отношение к труду является одним из фактов, подтверждающих, что лицо встало на путь исправления. В системе мер исправительно-трудового воздействия на личность осужденного важное место закон отводит идейно-политическому и нравственному воспитанию и перевоспитанию, а именно: политико-воспитательной работе, общеобразовательному и профессионально-техническому обучению. Отсюда вытекает, что если осужденный честно относится к труду, посещает и положительно реагирует на мероприятия политико-воспитательного характера, обучается в общеобразовательной школе или профессионально-техническом училище, то это дает возможность суду заключить, что осужденный встал на путь исправления.

Отметим, что положительное отношение осужденного к обучению в школе или профессионально-техническом училище и другим мероприятиям политико-воспитательного характера, проводимым в ИТУ, свидетельствует о появлении у него социально полезных потребностей и интересов. Кроме того, суд должен исследовать и степень участия осужденного в общественной жизни ИТУ, самостоятельных организациях, что является одним из оснований решения вопроса о степени исправления осужденного и возможности завершения его исправления и перевоспитания с использованием силы общественного мнения трудовых коллективов.

Как указал Пленум Верховного Суда СССР, «вывод о возможности дальнейшего исправления и перевоспитания лица суды должны делать из учета всей совокупности сведений о личности осужденного и данных, характеризующих его за все время

пробывания в ИТУ» [см. 4, 1979, № 1, с. 2]. Законодатель при условном освобождении с обязательным привлечением к труду устанавливает осуществление за освобожденным надзора. Это говорит о том, что хотя лицо и стоит на пути исправления, но все же для завершения процесса его исправления и перевоспитания за ним необходим достаточно жесткий контроль. Сказанное объясняется и спецификой социально-психологического механизма адаптации осужденного после его освобождения из ИТУ, т. е. условно освобожденный переходит в новую социальную среду при условии, что он не в полной мере доказал свое исправление и когда эта социальная среда должна завершить его социализацию в системе трудовых коллективов, при осуществлении за ним надзора. Таким образом, социальная адаптация условно освобожденного от наказания в силу недостаточной глубины его исправления, достигнутой в местах лишения свободы, а также индивидуально-психологических особенностей его личности связана с определенными нравственно-психологическими трудностями процесса его социализации и вызывает необходимость надзора за ним. Поэтому поведение осужденного в местах лишения свободы может быть лишь удовлетворительным, но при наличии других оснований применения условного освобождения с обязательным привлечением осужденного к труду недопустим отказ в условном освобождении.

Законодатель четко определил в ст. 52² УК УССР основания отказа в условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду: неприменение данного института к лицам, указанным в ст. 25¹ УК УССР, и к лицам, систематически или злостно нарушающим режим отбывания наказания. Если первое условие неприменения условного освобождения по ст. 52² УК УССР законодатель полностью формализовал, то выяснение содержания второго условия представляет определенную сложность в силу его оценочного характера. Вместе с тем в науке исправительно-трудового права и судебной практике вопрос о содержании понятия злостного нарушения режима содержания решается противоречиво. Так, о злостности нарушения режима содержания могут свидетельствовать факты изготовления, хранения и сбыта осужденными клинковых орудий [см. 8, с. 522], а также систематический отказ от работы, игры в карты, угроза расправой надзирателям [см. 4, 1978, № 7, с. 12].

Не считая возможным приводить точки зрения различных авторов, отметим, что, по нашему мнению, злостные нарушения режима отбывания наказания — это не единичные факты, а определенная линия, более того, стиль поведения осужденного в местах лишения свободы, сознательно противостоящего системе мер исправительно-трудового воздействия. Эту позицию поддерживают и авторы научно-практического комментария к УК УССР: «Злостное нарушение образуют случаи, когда осужденный пред-

намеренно и упорно, несмотря на принимаемые администрацией мест лишения свободы меры, не желает соблюдать требования установленного режима отбывания наказания» [9, с. 190].

Сказанное дает возможность сделать вывод о том, что установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду, позволит суду принять законное и обоснованное решение о применении к осужденному условного освобождения или отказать в нем. Сужение судами предмета доказывания по делам об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду ведет к принятию незаконного и необоснованного решения. В свою очередь, расширение предмета доказывания вызывает ненужную затрату времени на установление обстоятельств, не имеющих значения по делу.

В ст. 407¹ УПК УССР (ст. 369 УПК РСФСР) в качестве предмета доказывания по делам об условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду следует включить такие обстоятельства: 1) характеризующие личность осужденного (возраст, состояние здоровья, трудоспособность); 2) его поведение в ИТУ, позволяющее сделать вывод о степени его исправления и перевоспитания (отношение осужденного к правилам внутреннего распорядка, труду, участию в общественной жизни ИТУ, реагирование на мероприятия политико-воспитательного характера); 3) свидетельствующие о возможности исправления и перевоспитания лица без изоляции его от общества (желание трудиться, отношение лица к совершенному преступлению и наказанию, положительные связи с семьей, желание лица быть представленным к условному освобождению, наличие у осужденного положительных социальных качеств). Кроме того, отсутствие прямого указания в законе перечня документов, представляемых в суд администрацией ИТУ, снижает качество судебного разбирательства дел этой категории и может привести к вынесению незаконного и необоснованного решения. Представляется, что при направлении в суд представления об условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду администрация ИТУ должна приобщить следующие документы: заявление осужденного на имя администрации ИТУ с просьбой о представлении его к условному освобождению с обязательным привлечением к труду; развернутую характеристику осужденного; справку о состоянии его здоровья; справку о неприменении к осужденному принудительного лечения от алкоголизма или наркомании либо о том, что курс лечения завершен полностью; справку о наличии (отсутствии) исполнительного листа на осужденного; личное дело осужденного.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. 2. Басков В. Прокурорский надзор за законностью условно-досрочного освобождения осужденных от наказания.— Соц. законность, 1978, № 8, с. 56—58. 3. Беляська О. Практика умовного звільнення з місць позбавлення волі з обов'язковим залученням засудженого до праці.— Рад. право, 1978, № 9, с. 42—44. 4. Бюллетень Верховного Суда СССР. 5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 6. Гуткин И. М. Дальнейшее развитие советского уголовно-процессуального законодательства (вопросы теории и практики). М., Академия МВД СССР, 1978. 61 с. 7. Мольков Н. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена его более мягким.— Сов. юстиция, 1978, № 19, с. 4—5. 8. Орел Л. Е. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1966. 17 с. 9. Петуховский М. А. К вопросу о повышении эффективности борьбы с фактами распространения клинковых орудий (оружия) в ИТУ.— В кн.: Проблемы совершенствования деятельности ИТУ. Рязань, 1976, с. 518—523. 10. УПК УССР. Научно-практический комментарий. Киев, Политиздат Украины, 1978. 682 с. 11. Филимонов В. Критерии исправления осужденных.— Сов. юстиция, 1974, № 23, с. 9—10.

Допрос по своей сущности является одним из способов получения информации от лиц, располагающих определенными данными о тех или иных фактах, которые имеют значение для установления истины по делу. В отличие от существующих в различных областях знания способов получения информации допрос обладает твердо установленным правовым режимом своего осуществления. УПК УССР и соответственно кодексы других союзных республик достаточно подробно регламентируют порядок производства допроса. Наряду с соблюдением процессуальных форм, в которых получается информация в процессе допроса, существуют и криминалистические рекомендации по наиболее эффективному производству этого следственного действия. Их познавательное значение состоит в том, что, соответствуя требованиям закона, они предусматривают такую систему приемов, которая в зависимости от разнообразных ситуаций допроса может способствовать получению информации от допрашиваемого лица. Системы тактических приемов, выработанные криминалистической теорией, интегрируют достижения различных областей знаний и передовой опыт следственной практики, как известный критерий научной самостоятельности и результативности рекомендаций.

Информация, получаемая от допрашиваемого лица, по своей структуре чрезвычайно сложна, так как охватывает значительное число элементов, совокупность которых позволяет следователю оценивать и использовать ее в процессе расследования преступления в различных качествах: доказательства; ориентира для производства иных следственных действий; материалов, содержащих сведения, исключающие ее применение как доказательства.

Кроме того, исходящая от допрашиваемого информация обладает большой динамичностью. Она изменяется, дополняется, отвергается в зависимости от множества моментов, связанных с установлением психологического контакта, предъявлением доказательств, изобличающих во лжи допрашиваемого, установлением самооговора, виновной осведомленности и др. Именно это обстоятельство позволяет отнести допрос к числу наиболее сложных и ответственных следственных действий, требующих значительных интеллектуальных усилий, быстрого и внезапного решения мыслительных задач, продумывания своих действий, связанных с организацией допроса. «Искусство допроса» отражает высокую степень информационного взаимодействия двух лиц, двух мыслительных позиций в процессе этого действия. В зависимости от конфликтности или бесконфликтности взаимодействия степень интеллектуальных задач может

достигать большой напряженности, требующей не только понимания источника информации, но и собственного перевоплощения, необходимого в ходе процессуального общения.

Сложность и многоэлементность информационной структуры допроса позволяют выделить в ней в познавательных целях отдельные части структуры, анализ которых дает наиболее полное и цельное представление об этом следственном действии. Так, допрос как информационный процесс состоит из нескольких видов информации, которые можно подразделить в соответствии со спецификой их характеристик. Назовем следующие виды: 1) содержательная информация; 2) мимическая информация; 3) конклюдентная информация; 4) информация, выражающая черты темперамента и характера.

Информация в процессе допроса также может быть разделена в зависимости от характера своего изъяснения на свободно излагаемую и излагаемую с побуждением к информации. Рассмотрим отдельные виды информационной структуры допроса.

Содержательная информация. Как видно из наименования, главной отличительной чертой этой информации является изложение содержания обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Однако поскольку это содержание преимущественно выражается в словесной форме, такая информация может называться словесно-содержательной. Уголовно-процессуальное законодательство и следственная практика знают и другие формы выражения содержательной информации, получаемой от допрашиваемых. В частности, допрашиваемый может собственноручно изложить свои показания и в этом случае словесное выражение содержания даваемой информации будет сведено до минимума. Кроме того, следственной практике известны многочисленные случаи допросов лиц в целях выявления примет внешности нападавших и т. п., в процессе которых допрашиваемые не могут рассказать о приметах внешности. В отдельных случаях некоторые из них могут дать графическую информацию, т. е. нарисовать изображение внешности или ее отдельных частей. В других случаях для получения данных о приметах внешности следователь может использовать системы фотороботов, композиционных портретов, где данные о сходном признаке сообщаются свидетелем простым подтверждением. Содержательная информация, получаемая в процессе допроса, в свою очередь разделяется на предметную и не относящуюся к предмету допроса. Когда речь идет о предметной информации, имеются в виду такие сведения, сообщаемые допрашиваемым, которые соответствуют предмету допроса, т. е. совокупности обстоятельств, подлежащих выяснению при допросе. Если же в процессе допроса излагается информация, выходящая за пределы интересующего, то она будет рассматриваться как не относящаяся к предмету. Из этого, однако, не следует, что приводимая информация не имеет

значения. Нередко она может способствовать организации допросов других лиц, проверке показаний.

Мимическая информация. Мимика человека в преобладающем числе случаев — отражение его отношения к высказываемому, а также своеобразная реакция на различного рода раздражители, которые могут поступать от следователя в процессе допроса в форме поставленных вопросов, предъявления вещественных доказательств, оглашения заключения эксперта или показаний допрошенных лиц. Мимическая информация является динамичной в плане своего появления и быстрого исчезновения, смены выражения лица, которое и достигается благодаря мимическим движениям. Мимические проявления, несмотря на их огромную вариативность и индивидуальность, имеют жестко установленные каноны выражения. Так, радость или печаль, боль или благодушие, ненависть, брезгливость, подозрительность, настороженность и другие состояния человеческой психики выражаются в определенных шаблонах: смеха, слез, саркастически изогнутых губ, прищуренных глаз и т. п., что создает привычное представление о состоянии человека. Отметим чрезвычайно важное положение в плане оценки доказательственного значения при допросе. Внешне проявляемые мимические движения не всегда адекватно отражают психическое состояние лица и поэтому придавать им доказательственное значение было бы неправильным.

Наряду с мимическими изменениями внешности человека существуют произвольные и непроизвольные реакции на раздражитель, которые вовне выражаются в виде различного рода признаков: покраснение или побледнение лица, выступание пота, дрожание рук, заикание, учащенное дыхание, подергивание ног, неоправданные движения и т. п. Эти реакции по своей сущности являются проявлением вовне процессов, происходящих в психике. Причем часть из этих реакций, определяемая как произвольные, регулируется усилием воли человека и внешне выражается в виде потирания рук, почесывания лба, кручения пуговицы, постукивания пальцами по столу и т. п. Другая же часть не поддается регуляции усилием воли и внешне выражается в покраснении или побледнении кожи лица, дрожании, кашле, изменении голоса и т. п. Эти реакции тоже не всегда адекватно отражают состояние человека и его реакцию именно на тот раздражитель, который, например, по мнению следователя при допросе, является наиболее весомым. Зависимостей между реакцией на раздражитель и психическим состоянием человека в данный момент не установлено, несмотря на многочисленные психологические тесты, имеющие своей целью проникновение в психическую жизнь человека и диагностирование его отношения к раздражителю. Тем более таким реакциям не может придаваться доказательственное значение. Вместе с тем как мимическая, так и названные реакции имеют опре-

деленное значение для избрания тактических приемов, ориентируя следователя в известном смысле на оценку собственной тактической линии, возможностей использования тех или иных доказательств в целях разоблачения лжи, изобличения виновного, установления его виновной осведомленности¹.

Следует отметить и то обстоятельство, что иногда при фиксации тех или иных проявлений внешности имеются отклонения от известных, устоявшихся житейских эталонов. Так, слезы могут быть слезами радости, а не печали; смех — следствием отчаяния, а не веселья; мимические изменения внешности — результатом недомогания, внезапно появившейся боли и т. п. Сказанное убеждает в том, что мимическая информация по своему значению является информацией, дополняющей содержательную, хотя в отдельных случаях она существует как самостоятельная. Ее роль определяется ситуацией и той помощью, которую она оказывает следователю в избрании тактических приемов допроса.

Наряду с мимической информацией или в качестве самостоятельной существует так называемая **конклюдентная информация**. Данный термин употребляется в понятийном аппарате права и означает в этом смысле действия, совокупность жестов, молчаливое согласие либо отрицание чего-либо. Так, соучастник, кивнувший головой — осуществивший конклюдентное действие, тем самым молчаливо дает согласие на действие исполнителя либо другого соучастника. Конклюдентные действия могут рассматриваться как движения, жесты, указания на что-либо, из которых можно заключать о намерениях лица либо о его отношении к чему-либо. Аналогичен смысл конклюдентных действий при допросе. Жесты, подмигивания, кивки головой либо покачивание головой в смысле отрицания представляют собой информацию об отношении допрашиваемого к тем или иным обстоятельствам, фактам, предъявляемым данным. Вместе с тем, зная об информационном значении таких действий, нельзя придавать им доказательственного значения и в каждом случае пытаться расшифровать их с помощью допрашиваемого, если он выскажет в этом отношении свое желание. Так, при допросе обвиняемого сразу после оглашения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого В. утвердительно качал головой и в конце расплакался. Следователь это воспринял как согласие с обвинением и раскаяние. В действительности же, как он установил впоследствии, это были конклюдентные действия отчаяния, вследствие того, что все данные обвинения были результатом оговора со стороны заинтересованных лиц.

Одной из информационных сторон допроса являются те данные темперамента и характера личности, которые проявля-

¹ См. Ратинов А. Р. Обыск и выемка. М., Госюриздат, 1961, с. 91.

ются в процессе общения допрашиваемого и следователя. Маниера поведения каждого человека во многом зависит от типа темперамента и характера личности. Поскольку допрос — одна из форм общения, постольку темперамент лица в нем отчетливо проявляется. Это находит свое выражение в расположении к следователю, мгновенной реакции на всевозможные раздражители — вопросы, замечания, предложения (сангвиник); неприязни, страхе, нежелании общаться, уходе в себя, мучительной неопределенности (меланхолик); в напористости, раздражительности, стремлении скорее закончить общение, бурной реакции на всевозможные раздражители (холерик); в спокойном медлительном общении, вялом состоянии психики, нереагировании или слабом реагировании на замечания, вопросы, требования досконального объяснения всех обстоятельств, связанных с допросом (флегматик). Иногда в период начала допроса получение такой информации способствует не только пониманию психических особенностей личности, но и определению путей установления с ней психологического контакта, а впоследствии — выявлению тактических приемов производства допроса. Так, В. Л. Васильев приводит пример допроса флегматика. Человек обвинялся в растрате государственных средств, которую он пытался скрыть путем незаконного исчисления естественной убыли на товары, не прошедшие через его склад. Очень уравновешенный, медлительный и пунктуальный, он подчеркивал, что не терпит беспорядка. И он не мог пожаловаться в этом отношении на следователя: тот пунктуально, эпизод за эпизодом предъявил ему доказательства и, предложив подумать и оценить их, сказал, что явится к обвиняемому ровно в 14 часов 30 минут. Действительно, в это время допрос был продолжен. Оценив всю систему доказательств, обвиняемый убедился в бессмысленности отрицания преступления и признал его совершение. Разумеется, основная заслуга следователя была в том, что он добыл эти доказательства, однако правильная тактика привела к тому, что обвиняемый перестал их игнорировать и даже отказываться слушать следователя. Следователь, который допрашивал его ранее, не смог найти необходимого контакта с обвиняемым. «Скачет, как блоха, с одного на другое. А ты объясни человеку все по порядку, а я посмотрю да подумаю, верно ли ты в моих грехах разобрался», — рассказывал он впоследствии следователю¹.

В тактике допроса игнорировать эмоциональные проявления допрашиваемого было бы неверным. Хотя они сами по себе не имеют никакого доказательственного значения, но во многом способствуют выбору приемов, применяемых при допросе.

¹ См. Васильев В. Л. О значении судебной психологии в работе следственных органов. — Правоведение, 1971, № 1, с. 142.

В советской психологической и криминалистической литературе есть интересные высказывания, относящиеся к использованию паралингвизмов в процессе допроса. Речь идет о тех жестах, мимике, телодвижениях, звуковых явлениях, которые сопровождают речь человека и являются в известной мере отражением его состояния, настроения, отношения к чему-либо. В частности, Н. И. Смирнова отмечает, что паралингвистические явления несут разнообразную и богатую информацию о человеке и отражают не только его состояние, тип нервной системы, но и его поведение в связи с избранной им специальной ролью. Такие данные, не обладая доказательственной ценностью, выполняют функцию ориентации следователя¹.

Информационная сущность допроса может быть исследована с точки зрения не только основных характеристик получаемых от допрашиваемой личности сведений, но и характера изъятия информации. Так, по характеру изъятия информация в допросе разделяется на свободно излагаемую и излагаемую с побуждением к информации. Свободное изложение предполагает получение интересующих сведений без применения системы приемов допроса, определяющих его тактику. Побуждение к информации рассматривается как отдельные приемы или их совокупность, используемые в целях побуждения лица к даче информации. Причем такое побуждение, в свою очередь, бывает стимулирующим и вынуждающим. Если к первому виду можно отнести приемы, способствующие оживлению в памяти забытого, рассчитанные на высокое чувство долга лица, его понимание значения и роли даваемой информации, то второй включает приемы, по своему характеру вынуждающие допрашиваемого дать необходимую информацию. Это могут быть предъявление вещественных доказательств, постановка контрольных вопросов, оглашение показаний других лиц и т. п. Вынуждающее влияние тактических приемов не содержит в себе элементов психологического насилия.

Информационная сущность допроса самым тесным образом связана с его тактикой, которая складывается из системы приемов эффективного его осуществления. В отличие от правил допроса, установленных в уголовно-процессуальном законе, тактические приемы носят факультативный характер. Однако все рекомендации по тактике допроса должны находиться в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, отвечать его демократическим принципам.

Содержание тактики допроса не исчерпывается перечнем тактических приемов. В него входит также определение времени (момента) и последовательности применения тактических

¹ См. Смирнова Н. И. О возможности использования паралингвизмов в процессе следствия.— В кн.: Вопросы судебной психологии. М., Юрид. лит., 1971, с. 103.

приемов, наиболее целесообразного их сочетания. Использование тактических приемов при допросе эффективно только в том случае, если они избираются в соответствии с конкретными обстоятельствами, если они целенаправлены, если следователь приходит к выводу, что применение того или иного тактического приема в данной ситуации может способствовать положительному исходу допроса. Применение же всего перечня рекомендаций, которые могут быть использованы при допросе свидетелей или обвиняемых без учета специфики показаний, личности допрашиваемых и т. д., как правило, неэффективно.

Тактические рекомендации должны быть соотнесены с рядом данных. К ним относятся: личность допрашиваемого (особенности восприятия, запоминания, воспроизведение, желание давать показания, мотивы заперательства и др.); наличие доказательств, которые можно использовать; этап расследования по делу.

Для определения тактики допроса, как и для выбора тактических приемов, их последовательности и сочетания, большое значение имеют знания следователя в области психологии и логики. Допрос как процесс представляет собой единство логического и психологического анализа, уяснения и оценки полученных показаний и определения тактической линии на последующих допросах.

З. И. Митрохина, канд. юрид. наук

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ, СУДЕБНО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ГОРОДСКИМ ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ТРАНСПОРТОМ

При расследовании преступных нарушений правил безопасности движения городским электрическим транспортом большое значение имеют судебно-медицинская и дорожно-транспортная экспертизы, которые проводятся почти по всем уголовным делам этой категории. Расследованию преступных нарушений правил безопасности движения часто способствует и назначение некоторых криминалистических, судебно-биологической и судебно-химической экспертиз.

Объектами криминалистических экспертиз по рассматриваемой категории дел могут быть следы транспортных средств, обломки, осколки стекла и различных предметов, следы на предметах, следы на самом транспортном средстве, а иногда и письменные документы. Одной из основных задач криминалистической экспертизы является идентификация определенных объектов, а в тех случаях, когда это не представляется возможным,— установление их групповой принадлежности.

Из различных видов криминалистической экспертизы для данной категории дел наиболее характерна трасологическая,

которая может быть назначена при наличии следов транспортных средств (трамваев, троллейбусов) непосредственно на дорожном покрытии или на трамвайных путях. Раскрытие преступления тесно связано с изучением следов, остающихся на месте происшествия, однако методы их выявления и фиксации на некоторых поверхностях (в частности, на асфальте, бетоне, металлических рельсах, на мостовой из брусчатки или булыжного камня) пока не являются совершенными и достаточно надежными. Дальнейшая разработка этих методов значительно повысит качество проведения экспертиз и расследования.

Задача трасологической экспертизы при расследовании следов транспортных средств состоит прежде всего в идентификации транспортного средства по этим следам. Применительно к троллейбусу данная задача решается в результате исследования следов протектора колес. Что касается идентификации трамвайного вагона, то она возможна по следам на полотне от опущенной при экстренном торможении предохранительной сетки. Такие следы сохраняются довольно длительное время, поэтому при осмотре места происшествия они подлежат тщательной фиксации. В случае необходимости следователь должен проверить, не производилась ли смена сетки на данном вагоне. Если сетка съемная, то в процессе экспертного исследования проводится идентификация не транспорта, а сетки, и затем следственным путем устанавливается факт нахождения этой сетки на вагоне в момент происшествия. В свою очередь, при осмотре транспортных средств необходимо выявлять и фиксировать следы, имеющиеся на самой сетке.

Трасологическая экспертиза назначается и в тех случаях, когда имеются следы на транспорте, образовавшиеся в результате столкновения с другим транспортным средством, наезда на пешехода, удара о препятствия. Экспертиза может решить вопросы о взаимном расположении транспортных средств при столкновении и о механизме образования следов.

По многим уголовным делам рассматриваемой категории возникает необходимость точно разграничить следы столкновения от следов переезда. При этом следует учитывать рекомендации А. Н. Василевского о том, что «следы переезда выглядят в виде погнутостей, изгибов, поломок деталей транспорта, а в следах столкновения чаще образуются свежие царапины, соскабливание металла, отображаются четкие формы следообразующего объекта» [1, с. 69].

Нередко при расследовании дел о происшествиях на городском электрическом транспорте трасологическая экспертиза может быть назначена и по следам, оставленным на одежде потерпевшего. В таких случаях эксперт может ответить на ряд вопросов, связанных с установлением механизма образования этих следов по групповой принадлежности объекта, оставивше-

го их. Для выявления слабо видимых на одежде потерпевшего следов могут применяться различные технические приемы и методы. К их числу относятся использование источника ультрафиолетовых лучей для обнаружения следов технических масел, фотографическое усиление контраста между следом и фоном, электрографирование следов с целью обнаружения частиц металла, микроскопические исследования и др. [см. 11, с. 75]. Перечисленные исследования не нашли еще должного применения при расследовании дел о преступных нарушениях правил движения и эксплуатации на городском электрическом транспорте, хотя их значение велико.

Большое внимание должно быть уделено подготовке материалов для производства трасологической экспертизы. В распоряжение эксперта, как правило, предоставляется протокол осмотра места происшествия с подробным описанием следов, их характеристики. Существенную помощь эксперту оказывает масштабная фотосъемка следов, выполненная в соответствии с требованиями криминалистики, так как во времени производства трасологической экспертизы следов на месте происшествия уже нет.

На разрешение трасологической экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы: оставлены следы, обнаруженные на месте происшествия, конкретным видом транспорта; можно ли на основании имеющихся следов транспорта установить какие-либо индивидуализирующие особенности последнего, которые бы способствовали его розыску; каково взаимное расположение транспортных средств в момент происшествия с учетом характера следов, образовавшихся при столкновении; не образовалась ли вмятина на транспорте в данном месте от соприкосновения с таким-то предметом; каков механизм происшествия, вытекающий из характера и расположения следов на дорожном полотне, транспорте и одежде потерпевшего; каково направление удара частями транспорта по телу потерпевшего; какова последовательность образования следов.

Качество экспертизы в значительной мере зависит от полноты представленных сравнительных материалов и надлежащей фиксации следов. Для рассматриваемой категории дел характерна и экспертиза, назначаемая с целью установления целого по частям. Чаще всего она назначается в случаях обнаружения на месте происшествия осколков стекла для решения вопроса о происхождении их от одного целого куска. В этих случаях наиболее простым является метод совмещения по линиям разлома, а если это невозможно, то может быть использован метод сравнения микрорельефа поверхностей ребер разлома [см. 6, с. 266]. Кроме того, может быть поставлен вопрос о том, не составлял ли обнаруженный на месте происшествия предмет (часть предмета, детали, часть одежды и т. п.) ранее одно целое с объектом исследования. Это целесообразно в случаях об-

наружения на месте происшествия кусков одежды потерпевшего, деталей вагона или машины.

Трасологическая экспертиза и экспертиза с целью идентификации целого по частям назначаются и проводятся по делам, возбужденным по факту нарушения правил безопасности движения городским электрическим транспортом крайне редко, хотя их производство весьма важно для полного расследования, особенно в случаях, когда транспорт с места происшествия скрылся. Эти экспертизы помогают установить транспортное средство, участвовавшее в происшествии.

Нередко по одним и тем же вещественным доказательствам могут быть назначены различные экспертизы. Например, при обнаружении на месте происшествия фарного стекла в целях установления целого по частям проводится трасологическая экспертиза, а для установления групповой принадлежности этого же стекла — физико-химические исследования. Аналогично должен быть решен вопрос и при обнаружении кусочков ткани и ряда других вещественных доказательств.

Предметом исследования судебно-биологической экспертизы должны быть не все мелкие вещественные доказательства, а только объекты животного и растительного происхождения. Исследования же мелких объектов — выделений человеческого организма — относятся к компетенции судебно-медицинской экспертизы [см. 5, с. 11].

Для рассматриваемой категории дел наиболее типичны вопросы, направленные на выяснение однородности объектов животного и растительного происхождения, в частности, такие: являются ли представленные на исследование волокна волокнами хлопчатобумажной ткани; однородны или неоднородны образцы ткани, обнаруженные на месте происшествия, с тканью одежды потерпевшего; однородны ли два или более образца ткани, представленные на исследование. На разрешение этой экспертизы могут быть поставлены и вопросы о том, какому животному принадлежит представленная на исследование шерсть, обнаруженная на определенной части вагона или машины; однородна ли обнаруженная при осмотре транспорта шерсть с шерстью (мехом) верхней одежды потерпевшего.

Так, по уголовному делу, возбужденному в Заводском РОВД г. Минска по факту наезда трамвая № 245 на гр-на П., при осмотре вагона на наружной стороне буксы левого ската были обнаружены волокна, сходные с волокнами ткани. По делу была назначена судебно-биологическая экспертиза, на разрешение которой были поставлены следующие вопросы: являются ли волокна, обнаруженные на наружной стороне буксы левого заднего ската вагона № 245, волокнами ткани; являются ли обнаруженные волокна волокнами ткани какой-либо одежды потерпевшего П. Получив волокна, изъятые при осмотре вагона, и образцы ткани одежды, бывшей на потерпевшем в момент про-

исшествия, эксперт-биолог, используя новейшие способы сравнительного исследования, дал категорическое заключение, что «волокна, обнаруженные с наружной стороны буксы... вагона трамвая № 245, являются искусственными целлюлозными волокнами (вискозой), и эти волокна по цвету, цветовому оттенку и природе волокна одинаковы с тканью подкладки пиджака гр-на П.» [см. 10, с. 180]. Такие экспертизы по делам о происшествиях на городском электрическом транспорте проводятся крайне редко. Это объясняется тем, что осмотр транспорта производится недостаточно внимательно, не на смотровых канавах, как правило, в отсутствие специалиста-биолога. Вследствие этого не изымаются вещественные доказательства, которые впоследствии могут стать объектами судебно-биологической экспертизы.

В процессе производства судебно-биологической экспертизы ткань исследуется для определения природы волокна в отличие от исследования, проводимого судебной товароведческой экспертизой, целью которой является установление качества изделия, его соответствия ГОСТу, техническим условиям, нормам. Товароведческая экспертиза чаще всего назначается по делам об имущественных преступлениях и не характерна для происшествий на городском транспорте.

Объектами биологического исследования могут быть и такие мелкие объекты, как опилки древесины, кусочки коры, частички листьев и стеблей растений, остатки продуктов, следы на одежде потерпевшего и т. п. [см. 9, с. 245]. Иногда микроскопически малые вещественные доказательства могут способствовать установлению важных для дела обстоятельств.

Основные задачи судебно-химической экспертизы — определение состава исследуемого вещества, установление однородности или неоднородности материала нескольких образцов, установление наименования, групповой принадлежности какого-либо вещества, обнаруженного на месте происшествия, на транспорте или одежде потерпевшего. Этот далеко не исчерпывающий перечень задач свидетельствует о возможности проведения судебно-химической экспертизы по делам о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации на городском электрическом транспорте. При осмотре могут быть обнаружены следы горюче-смазочных материалов на подвижном составе или одежде потерпевшего. При этом может возникнуть вопрос о групповой принадлежности, однородности с представленными образцами, ответ на который может дать судебно-химическая экспертиза.

По рассматриваемой категории дел такая экспертиза должна быть назначена, если на одежде потерпевшего имеются следы красящего вещества, сходные с краской вагона, троллейбуса. Характерным в этом отношении является дело, возбужденное по факту причинения смертельной травмы гр-ке Г. на шоссе

Энтузиастов в г. Москве. При осмотре обуви потерпевшей были обнаружены следы голубого красящего вещества, а на кузове троллейбуса, который, возможно, сбил Г., имелись потертости и отслоения краски. Водитель троллейбуса отрицал факт наезда на потерпевшую. По делу была назначена судебно-химическая экспертиза, на разрешение которой был поставлен вопрос: «Являются ли наслоения вещества голубого цвета на галоше Г. и голубая краска на угловом радиусном листе кузова троллейбуса № 1936 по своему составу одним и тем же веществом?» Эксперт дал заключение о том, что оба образца по своему содержанию части элементов и по элементам наполнителей одинаковы [см. 14]. В совокупности с другими материалами дела и заключением трасологической экспертизы выводы судебно-химической экспертизы послужили основанием к изобличению преступника.

В ряде случаев назначение и производство судебно-химической экспертизы расширяют возможности следствия по проверке следственных версий. Так, по уголовному делу, возбужденному по факту обнаружения на проезжей части водителем трамвая трупа неизвестного мужчины, была назначена судебно-химическая экспертиза с целью установления того, однородны ли по своему составу вещество, имеющееся на пиджаке потерпевшего, с краской, изъятая с вагона трамвая. Эксперт дал заключение о том, что: 1) «на мужском пиджаке неопознанного трупа имеются наложения краски, которые оставлены краской в полувискозном или жидком состоянии; 2) данная краска отличается от соскобов краски с трамвая 3-го маршрута...». Это заключение экспертизы исключило версию следователя о наезде на неизвестного мужчину трамвая 3-го маршрута [см. 13].

При исследовании горюче-смазочных материалов эксперты могут использовать новые методы, основанные на достижениях химии и физики [см. 8, с. 310].

Определенный практический интерес для расследования преступных нарушений на городском транспорте имеет однородность или неоднородность материала нескольких образцов. Решение этого вопроса, в частности, может способствовать установлению транспорта, участвовавшего в происшествии. Иногда при осмотре вагона, троллейбуса можно обнаружить кусочки материала от одежды потерпевшего. В таких случаях необходимо определить однородность состава ткани одежды и волокон, обнаруженных при осмотре транспорта. Ответ на этот вопрос может дать судебно-биологическая экспертиза на основе проведения химического сравнительного качественного анализа объектов [см. 3, с. 74].

Рекомендуемые исследования проводятся с целью установления сходства или различия изучаемых образцов ткани, но на разрешение указанной экспертизы может быть поставлен вопрос, является ли повреждение волокнистого изделия результа-

том разрыва, разреза или изношенности. Причина повреждения устанавливается сочетанием методов химического и физического исследований. Таким образом, при анализе тканей могут быть применены химические, физические и биологические методы исследования.

Судебно-химическая экспертиза открывает возможности для установления транспорта по следам его окраски, уже разработаны эффективные и несложные методики такой идентификации [см. 4, с. 50].

Объектом судебно-химического исследования может быть и фарное стекло. Наряду с установлением целого по частям не менее существенным представляется получение от эксперта заключения о групповой принадлежности фарного стекла. Одним из важных родовых признаков является специфическая окраска стекла, характерная для каждого завода-изготовителя [см. 7, с. 172]. Первое и необходимое условие при проведении экспертизы стекла — установление того факта, что исследуемые осколки образовались при разрушении фарного рассеивателя, а не от других частей вагона.

Таким образом, в целях оказания помощи при расследовании преступных нарушений на городском электрическом транспорте на разрешение судебно-химической и судебно-физической экспертиз могут быть поставлены следующие вопросы: каков состав данного вещества, однороден ли он с образцами, изъятыми на месте происшествия; является ли однородным или неоднородным материал нескольких представленных образцов; является ли повреждение волокнистого изделия результатом разрыва, разреза или изношенности; причинено ли повреждение образца металлическим или каким-либо другим предметом; однородны ли окраска на транспортном средстве и краска, обнаруженная на данном предмете, одежде потерпевшего; являются ли обнаруженные осколки частью одного фарного рассеивателя или нескольких; на каком заводе изготовлен рассеиватель, осколки которого обнаружены на месте происшествия.

Последний вопрос после судебно-химического исследования целесообразно решать с участием специалистов городского электрического транспорта. В процессе расследования преступных нарушений правил безопасности движения на городском электрическом транспорте может возникнуть вопрос о тождестве почв. Следовательно должен знать, что в настоящее время имеются методы установления групповых признаков образцов. Это достигается производством комплексного химического и биологического исследования [см. 1, с. 231].

Своевременное назначение криминалистической, судебно-биологической, судебно-химической экспертиз, надлежащая подготовка материалов для экспертного исследования — важные условия успешного расследования преступных нарушений на городском электрическом транспорте.

Список литературы: 1. *Василевский А. Н.* Определение механизма дорожно-транспортного происшествия по следам, возникшим в результате столкновения транспортных средств.— В кн.: Проблемы судебной экспертизы. Вып. 4. М., 1961, с. 69—72. 2. *Виниченко В. К., Парамонов Ф. Ф., Бейсеков К. З.* Некоторые вопросы комплексного исследования почв при расследовании преступлений.— В кн.: Вопросы судебной экспертизы и криминалистики. Вып. 1. Алма-Ата, 1959, с. 228—238. 3. *Выборнова А. А.* Судебно-химическое исследование вещественных доказательств. М., 1955. 92 с. 4. *Дутка.* Идентификация автомобилей по их окраске в случае побега с места происшествия.— В кн.: Бюллетень переводов зарубежной литературы. М., 1966, № 1, с. 49—52. 5. *Колмаков В. П.* Некоторые вопросы судебной экспертизы вещественных доказательств по делам о преступлениях против жизни.— В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957, с. 7—19. 6. *Лебедев Б. В.* К вопросу об определении принадлежности осколков к одному целому кусочку.— В кн.: Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 8. М., 1956, с. 265—269. 7. *Митричев В. С.* Спектральный анализ фарного стекла.— В кн.: Вопросы судебной экспертизы и криминалистики. Вып. 1. Алма-Ата, 1959, с. 170—175. 8. *Рубинов В. М.* Обнаружение и сравнительное исследование небольших количеств смазочных масел с помощью ультрафиолетовых спектров поглощения.— В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 2. Душанбе, 1962, с. 310—312. 9. *Садомсков Е. И.* Некоторые особенности исследования мелких растительных объектов при производстве судебно-биологической экспертизы.— В кн.: Сборник научных работ. Вильнюс, 1963, с. 243—247. 10. *Сычева З. И.* Поляризационно-микроскопическое исследование текстильных волокон.— В кн.: Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Минск, Польша, 1965, с. 180—181. 11. *Филиппов В. В.* Экспертиза следов на одежде пострадавшего при автодорожном происшествии.— В кн.: Проблемы судебной экспертизы. Вып. 4. М., 1961, с. 73—76. 12. Архив нарсуда Заводского р-на г. Минска. 13. Архив НТО УВД Харьк. облгосполкома. Дело № 3012. 14. Архив УкрНИИСЭ. Дело 324 (9) 10/147.

С. Б. Гавриш

ОБ ОБЪЕКТЕ НЕЗАКОННОЙ ПОРУБКИ ЛЕСА

Для правильного применения ст. 160 УК УССР, предусматривающей ответственность за незаконную порубку леса, большое значение имеет точное определение непосредственного объекта названного преступления. В литературе этот вопрос не нашел единообразного решения. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой рассматриваемое деяние посягает на интересы социалистического хозяйства. Ее сторонники считают объектом данного преступления «правильное функционирование и успешное развитие социалистического хозяйства» [7, с. 302] или «социалистический порядок использования лесов в СССР» [2, с. 518], либо «интересы лесного хозяйства» [3, с. 166].

Использование обществом полезных свойств лесов, как и природы в целом, нельзя ограничивать только хозяйственной сферой, поскольку в ряде случаев такая деятельность не имеет ничего общего с производством, обменом и распределением, т. е. с хозяйством в широком смысле слова. Таковы, например, неко-

торые виды научной, оздоровительной медицинской, спортивно-туристской и тому подобной нехозяйственной деятельности, в результате которой полезные свойства лесов используются самым прямым и непосредственным образом. Поэтому потребление лесных богатств представляет собой многогранную и разностороннюю сферу взаимодействия общества и природы, существенно отличающуюся от других видов человеческой деятельности по своему содержанию, средствам, целям и конечным результатам.

Другие авторы полагают, что объект незаконной порубки леса — социалистическая государственная собственность [см 4, с. 16—18]. Однако вследствие естественности своего происхождения леса, как и все остальные объекты природы, не имеют стоимости в смысле общественно необходимых затрат человеческого труда. Кроме того, признание в данном случае объектом преступления социалистической собственности отражает всего лишь одну сторону сложного комплекса общественных отношений взаимодействия общества и окружающей его природной среды. Ведь отношениями социалистической собственности на природные объекты охватывается не вся природа, а лишь та часть ее среды, которая обладает натурально-овеществленной формой и в силу этого может в определенной мере присваиваться с целью производства материальных благ. Далее, при трактовке объекта незаконной порубки леса как отношений социалистической государственной собственности учитывается только натурально-вещественный ущерб и не учитывается тот ущерб, который причиняется в результате порубок природоохранительным и другим интересам общества.

Более правильно рассматривать данное преступление как посягательство против природы. Так, В. Д. Пакутин пишет относительно его объекта, что им являются «общественные отношения, обеспечивающие людям оптимальные природные (естественные) условия для их жизни посредством сохранения леса как составной части биосферы» [6, с. 53]. Однако и такое определение не лишено недостатков. Прежде всего здесь охрана лесов сводится только к их сохранению. Последнее охватывает лишь часть задач по охране лесов и заключается, например, только в сохранении лесов как заповедных территорий, национальных парков и т. д. Неудачной является также попытка рассмотреть охрану лесов только с точки зрения их природоохранительных свойств, без включения сюда их значения как хозяйственного и социального факторов.

Представляется, что, решая вопрос об объекте незаконной порубки леса, необходимо исходить из того, что отношения, возникающие в обществе по охране лесов, являются частью природоохранительных отношений по охране природы в целом. Их сущность и «механизм» причинения им вреда наиболее правильно рассматривать через категорию «интерес», который во мно-

гом определяет содержание и направленность деятельности людей, указывает на значимость охраны того или иного общественного блага.

Интерес есть не просто составная часть общественных отношений, он выступает как само общественное отношение [см. 5, с. 70]. Это вытекает из сущности и значения социальных интересов в жизни общества. Ф. Энгельс отмечал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» [1, с. 271]. Интерес как проявление общественного отношения формируется на основе объективных потребностей человеческого общества, класса, личности и связывает его субъектов в различных сферах социальной жизни. Применительно к нашему вопросу это означает, что охрана лесов от самовольных порубок выражает интересы развитого социалистического общества, заключающиеся в потребностях его членов в существовании благоприятной природной среды как необходимого условия их нормальной жизнедеятельности. Интересы по охране лесов являются лишь составной частью природоохранных интересов, существующих в обществе по охране природы в целом.

Рассматривая вопрос об объекте незаконной порубки леса, следует учитывать, что лес — это сложное природное явление, часть биосферы и выступает как экологическая система (лесной биогеоценоз). Леса обладают огромными климаторегулирующими, защитными, оздоровительными функциями, благотворно влияют на жизнь и здоровье людей. Поэтому охрана лесов предполагает их сохранение в существующем виде, в качестве заповедных территорий, заказников, национальных парков, а также их оздоровление. В то же время лес имеет большое значение как важный экономический (хозяйственный) фактор, служащий источником сырья для материального производства. Здесь интересы по охране лесов выражаются в их научно обоснованном, рациональном использовании в народнохозяйственных целях без нарушения экологического баланса в природной среде. Сюда включается также хозяйственная деятельность по освоению асигнований, направленных на охрану, планирование и использование лесных ресурсов, проведение различных мероприятий по устранению неблагоприятных последствий, вызванных хозяйственной деятельностью человека без достаточного учета экологических требований. Самостоятельной частью рационального использования лесов выступает хозяйственная деятельность по их расширенному воспроизводству.

Следовательно, интересы по охране лесов заключают в себе два фактора: экологический (охрана лесов как природоохранительной системы) и экономический (научно обоснованное, рациональное использование и воспроизводство лесов). Это две взаимосвязанные стороны одного сложного социального механизма по охране лесов как экологической системы. Такой сложный

характер интересов по охране лесов определяет и специфику ущерба, который причиняется объекту незаконной порубкой леса. Он выражается в причинении вреда нормальному функционированию человеческого общества и условиям жизнедеятельности людей. Это вред, причиняемый указанным преступлением, жизни и здоровью людей, интересам сохранения благоприятной природной среды как условия существования нынешнего и будущих поколений, интересам народного хозяйства, социалистической собственности. Он носит долговременный, а зачастую и необратимый характер. Его величина зависит как от количества срубленного леса, так и от сопутствующих последствий (масштабов уничтоженной растительности, вреда животному миру, климату и т. д.). Сам же «механизм» причинения ущерба названным интересам заключается в преступном воздействии на их вещественный элемент (предмет), т. е. на лес. В результате незаконной порубки нарушаются связи в самой экологической системе леса как определенной биологической совокупности взаимосвязанных между собой различных природных элементов: одновременно с древостоями гибнет и другая растительность, на вырубленных местах уменьшается количество влаги, возникает эрозия почвы, ухудшаются природоохранные и другие защитные функции леса. Тем самым причиняется вред человеческому обществу — затрудняется функционирование той сферы человеческой деятельности, которая должна обеспечить человеку наиболее благоприятные условия его жизни и создать как нынешнему, так и будущим поколениям самые оптимальные возможности для удовлетворения потребности в лесах как важного природоохранительного, оздоровительного и хозяйственного фактора.

Изложенное делает возможным признать непосредственным объектом незаконной порубки леса интересы социалистического общества по охране, научно обоснованному, рациональному использованию и воспроизводству лесов как природной системы.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18. 2. Курс советского уголовного права, т. 5. М., Наука, 1971. 566 с. 3. Леонтьев Б. М. Ответственность за хозяйственные преступления. М., Госюриздат, 1963. 200 с. 4. Ляпунов Ю. И. Основные теоретические проблемы уголовно-правовой охраны природы в СССР. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1974. 35 с. 5. Никифоров Б. С. Объект преступления. М., Госюриздат, 1960. 229 с. 6. Пакутин В. Д. Уголовно-правовая охрана внешней среды и природных ресурсов (Квалификация отдельных преступлений). Уфа, 1976. 156 с. 7. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., Госюриздат, 1951. 427 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Рогожин А. И., Гончаренко В. Д. IV Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов	3
Чефранов В. А. Опережающее правоотражение как методологическая проблема	9
Якуба О. М., Куляш М. В. Общеобязательные правила в сельском хозяйстве и некоторые вопросы практики их применения	16
Бару М. И. Понятие, классификация и охрана моральных стимулов к труду	22
Бущенко П. А. Испытание при приеме на работу в условиях научно-технической революции	30
Фрицкий О. Ф. О характере отношений, возникающих в процессе долевого участия в строительстве между местными Советами и предприятиями, министерствами и ведомствами	37
Панов Н. И. Понятие способа совершения преступления в уголовном праве	43
Тютюгин В. И. Совершенствование норм об ответственности за уклонение от наказания	51
Таций В. Я. Вопросы ответственности за коммерческое посредничество в судебной практике	57
Орлов П. И. К вопросу о непосредственном объекте оставления в опасности	65
Тихий В. П. О дифференциации преступлений, предусмотренных в главе X Особенной части УК УССР	71
Даньшин И. Н., Онищук З. М., Христинич И. А. Об организации централизованной правовой статистики	77
Голина В. В. Понятие криминологической профилактики преступлений и классификация ее мер	82
Зелинский А. Ф. Структура и виды связей между преступлениями, совершенными одним и тем же лицом	90
Трубников В. М. Значение признаков субъективной стороны для квалификации злостного нарушения правил административного надзора	96
Моршакова Т. Г. Цели и формы организации судебной деятельности	103
Финько В. Д. Вопросы совершенствования деятельности прокурора по возобновлению дел в связи с вновь открывшимися обстоятельствами	110
Грошевой Ю. М., Пышнев Д. И. Предмет доказывания по делам об условном освобождении с обязательным привлечением осужденного к труду	118
Коновалова В. Е. Допрос как информационный процесс	126
Митрохина З. И. Роль криминалистической, судебно-биологической и судебно-химической экспертиз при расследовании преступных нарушений правил безопасности движения городским электрическим транспортом	132
Гавриш С. Б. Об объекте незаконной порубки леса	139